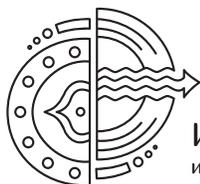

<https://doi.org/10.22378/2410-0765.2023-13-3>

ISSN 2410-0765

Институт истории
им. Ш. Марджани АН РТ

Научный журнал

ИЗ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

2023. Том 13, № 3

Казань

Academic Journal

FROM HISTORY AND CULTURE
OF PEOPLES OF THE MIDDLE VOLGA REGION

2023, vol. 13, no. 3

Kazan

Издание основано в 2011 г.

УЧРЕДИТЕЛЬ и ИЗДАТЕЛЬ:

ГБУ «Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан»
(420111, г. Казань, ул. Батурина, 7А)

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77–64142
от 25 декабря 2015 г. выдано Роскомнадзором

Выходит 4 раза в год

Адрес редакции:

420111, г. Казань, ул. Батурина, 7А
Тел./факс (843) 292 84 82 (приемная), 292 19 15

<https://iknsp-journal.ru>

E-mail: istkazan@mail.ru

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)
https://elibrary.ru/title_about_new.asp?id=52839

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons "Attribution"
(«Атрибуция») 4.0 Всемирная (CC BY 4.0)

© ГБУ «Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ», 2023

© «Из истории и культуры народов Среднего Поволжья», 2023

The journal was founded in 2011

FOUNDER and PUBLISHER:

State Budgetary Institution "Marjani Institute of History
of the Tatarstan Academy of Sciences"
(420111, Kazan, Baturin Str., 7A)

Certificate of registration of the Mass Media ПИ № ФС77–64142
received from Roskomnadzor on December 25, 2015

Published four times a year

Editorial Office Address:

420111, Kazan, Baturin Str., 7A
Tel./Fax (843) 292 84 82 (reception), 292 19 15

<https://iknsp-journal.ru>

E-mail: istkazan@mail.ru

The journal is included in the Russian Science Citation Index Database
https://elibrary.ru/title_about_new.asp?id=52839

All the materials of the journal are available under
the Creative Commons License "Attribution" 4.0 International (CC BY 4.0)

© State Budgetary Institution "Marjani Institute of History
of the Tatarstan Academy of Sciences", 2023

© "From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region", 2023

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор: **Исхаков Радик Равильевич**, д.и.н., заведующий отделом истории Поволжья и Приуралья, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Научный редактор выпуска: **Аминов Рустем Равилевич**, к.и.н., старший научный сотрудник отдела истории Поволжья и Приуралья, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Ответственный секретарь выпуска: **Файзрахманов Ильшат Завдатович**, к.и.н., старший научный сотрудник отдела истории Поволжья и Приуралья, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Редактор английских текстов: **Шарафиев Эмиль Илхамутдинович**, к.и.н., младший научный сотрудник отдела истории Поволжья и Приуралья, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Технический редактор: **Багаутдинова Халида Зиннатовна**, научный сотрудник отдела истории Поволжья и Приуралья, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Салихов Радик Римович, д.и.н., директор, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, академик АН РТ, председатель редакционной коллегии (Казань, Российская Федерация)

Загидуллин Ильдус Котдусович, д.и.н., доцент, старший научный сотрудник, Центр исламоведческих исследований АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Иванов Ананий Герасимович, д.и.н., профессор, заведующий кафедрой отечественной истории, Марийский государственный университет (Йошкар-Ола, Российская Федерация)

Самигулов Гаяз Хамитович, к.и.н., старший научный сотрудник, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск, Российская Федерация)

Николаев Геннадий Алексеевич, к.и.н., заместитель директора по науке и развитию, Чувашский государственный институт гуманитарных наук (Чебоксары, Российская Федерация)

Иштван Вашари, Dr. Sci. (история), профессор отделения тюркских и центрально-азиатских исследований факультета гуманитарных наук, Университет им. Лоранда Этвёша, член-корреспондент Венгерской Академии наук (Будапешт, Венгрия)

Михаэль Кемпер, Dr. Sci. (история), профессор сектора Европейских исследований факультета гуманитарных наук, Университет Амстердама (Амстердам, Голландия)

Марискин Олег Иванович, д.и.н., профессор, заведующий кафедрой экономической истории и информационных технологий Историко-социологического института, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева (Саранск, Российская Федерация)

Кабытов Петр Серафимович, д.и.н., заведующий кафедрой российской истории Социально-гуманитарного института, Самарский национальный исследовательский университет им. С.П. Королева (Самара, Российская Федерация)

Пол Верт, Ph.D. (история), профессор кафедры истории, Университет Невады (Лас Вегас, США)

Таймасов Леонид Александрович, д.и.н., профессор кафедры археологии, этнографии и региональной истории историко-географического факультета, Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова (Чебоксары, Российская Федерация)

Фахрутдинов Раиль Равилович, д.и.н., заведующий кафедрой исторического и обществоведческого образования Института международных отношений, Казанский федеральный университет (Казань, Российская Федерация)

EDITORIAL OFFICE

Chief editor: **Radik R. Iskhakov**, Dr. Sci. (history), Head of the Department of History of the Volga and Cis-Urals Regions, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation).

Scientific editor of the issue: **Rustem R. Aminov**, Cand. Sci. (history), Senior Researcher of the Department of History of the Volga and Cis-Urals Regions, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation).

Executive secretary of the issue: **Ishat Z. Faizrakhmanov**, Cand. Sci. (history), Senior Researcher of the Department of History of the Volga and Cis-Urals Regions, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation).

English texts' editor: **Emil I. Sharafiev**, Cand. Sci. (history), Junior Researcher of the Department of History of the Volga and Cis-Urals Regions, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation).

Technical editor: **Khalida Z. Bagautdinova**, Researcher of the Department of History of the Volga and Cis-Urals Regions, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation).

EDITORIAL BOARD

Radik R. Salikhov, Dr. Sci. (history), Director, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Academician of the Tatarstan Academy of Sciences, Chairman of the Editorial Board (Kazan, Russian Federation)

Ildus K. Zagidullin, Dr. Sci. (history), Associate Professor, Senior Researcher of the Center for Islamic Studies, Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Ananiy G. Ivanov, Dr. Sci. (history), Professor, Head of the Department of Russian History, Mari State University (Yoshkar-Ola, Russian Federation)

Gayaz Kh. Samigulov, Cand. Sci. (history), Senior Researcher, South Ural State University (Chelyabinsk, Russian Federation)

Gennadiy A. Nikolaev, Cand. Sci. (history), Deputy Director for Science and Development, Chuvash State Institute for the Humanities (Cheboksary, Russian Federation)

István Vásáry, Dr. Sci. (history), Professor of the Department of Turkic and Central Asian Studies, Faculty of Humanities, Eötvös Loránd University, Corresponding Member of the Hungarian Academy of Sciences (Budapest, Hungary)

- Michael Kemper**, Dr. Sci. (history), Professor of the Sector for European Studies, Faculty of Humanities, University of Amsterdam (Amsterdam, Netherlands)
- Oleg I. Mariskin**, Dr. Sci. (history), Professor, Head of the Department of Economic History and Information Technology, Historical and Sociological Institute, Ogarev National Research Mordovian State University (Saransk, Russian Federation)
- Petr S. Kabytov**, Dr. Sci. (history), Head of the Department of Russian History, Social and Humanitarian Institute, Korolev Samara National Research University (Samara, Russian Federation)
- Paul W. Werth**, Ph.D. (history), Professor of the Department of History, University of Nevada (Las Vegas, USA)
- Leonid A. Taimasov**, Dr. Sci. (history), Professor of the Department of Archeology, Ethnography and Regional History of the Faculty of History and Geography, Ulyanov Chuvash State University (Cheboksary, Russian Federation)
- Rail R. Fakhрутдинov**, Dr. Sci. (history), Head of the Department of Historical and Social Science Education, Institute of International Relations, Kazan Federal University (Kazan, Russian Federation)

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

Дубовиков А.М. Набег яицких казаков на Хивинское ханство в 1603 году в описании военных и гражданских дореволюционных авторов	10
Воропанов В.А. Формирование и развитие судебной системы Российской империи на Южном Урале в 1720-е – 1750-е гг.	31
Орлов П.А. Ссудная операция в проблематике ревизий «надежности капиталов и касс» горнозаводских товариществ казенных горных заводов (вторая половина XIX – начало XX вв.)	46
Голикова С.В. Оспопрививание в Оренбургской губернии	60
Роднов М.И., Тагирова Л.Ф. Формирование предпринимательского хозяйства в животноводстве (Южный Урал, середина XIX – начало XX вв.)	78
Габдрафикова Л.Р. 1916 год в Уфе: татарский взгляд	97
Зайнутдинов Д.Р. «Конституция» Идель-Урала как фундамент многонациональной государственности	118

Публикация источника

Исхаков Р.Р., Владимиров О.О. «Татарину ... платить окладной ясак против башкирцов по лисице на год». О влиянии фискальной политики государства на процессы формирования социальных групп населения Уфимского уезда в конце XVII в.	136
---	-----

Новые книги, рецензии

Аминов Р.Р. Рецензия на книгу: Любимов А.Г., Новожилова Л.А. На изломе: из истории Оренбургского казачества: статьи, очерки (Челябинск, 2023)	161
--	-----

Научная жизнь

Аксанов А.В. История средневековых башкир в этногенетическом дискурсе Р.Г. Кузеева	167
---	-----

CONTENTS

Articles

Dubovikov A.M. The raid of the Yaik Cossacks on the Khiva Khanate in 1603 in the description of military and civilian pre-revolutionary authors	10
Voropanov V.A. Formation and development of the judicial system of the Russian Empire in the South Urals in the 1720s – 1750s	31
Orlov P.A. Loan Operation in the Issues of Revisions of “Reliability of Capitals and Cashiers” of Mining Associations of State-Owned Mining Plants (second half of the 19th – early 20th centuries)	46
Golikova S.V. Smallpox vaccination in the Orenburg province	60
Rodnov M.I., Tagirova L.F. Formation of an entrepreneurial economy in animal husbandry (Southern Urals, mid-19th – early 20th centuries)	78
Gabdrifikova L.R. 1916 in Ufa: Tatar view	97
Zaynutdinov D.R. The “Constitution” of Idel-Ural as the foundation of multinational statehood	118

Publication of the source

Iskhakov R.R., Vladimirov O.O. “Tatar ... to pay a salary yasak against the Bashkirs by the fox for a year”. On the influence of the state fiscal policy on the formation of social groups of the Ufa district population at the end of the 17th century	136
--	-----

New books, reviews

Aminov R.R. Book review: Lyubimov A.G., Novozhilova L.A. At the breaking: from the history of the Orenburg Cossacks: articles, essays (Chelyabinsk, 2023)	161
--	-----

Scientific life

Aksanov A.V. The History of medieval Bashkirs in the ethnogenetic discourse of R.G. Kuzeev	167
--	-----

СТАТЬИ

УДК 94(574+575)"1603"

Набег яицких казаков на Хивинское ханство в 1603 году
в описании военных и гражданских дореволюционных авторов

А.М. Дубовиков

*ФГБОУ ВО «Поволжский государственный университет сервиса»
Тольятти, Российская Федерация*

В начале XVII века отряд яицких казаков во главе с атаманом Нечаем совершил набег на Хивинское ханство, разграбив и разорив его столицу – город Ургенч. Однако набег закончился для казаков трагически – все они были перебиты многократно превосходившими их по численности войсками хана Араб-Магомета, сын которого спустя несколько десятилетий описал это событие в своей книге, посвященной истории ханства. Исчезновение этой старинной книги при сохранившихся ее переводах на разные европейские языки хотя и не позволяет восстановить содержание протографа с абсолютной точностью, но свидетельствует, что предания уральских казаков о походе их предков во главе с Нечаем на Хивинское ханство отражают реальные события, что это не мифы и не легенды, созданные фантазией казаков. Труды всех упомянутых в статье авторов, несмотря на присутствующие в них различия, содержат сравнительно небольшие объемы информации о тех событиях, так как они, как правило, охватывают широкие хронологические рамки, внутри которых набег яицких казаков на Хивинское ханство в 1603 году – это лишь небольшой эпизод. В статье также проанализированы причины различий в освещении этого события разными авторами.

Ключевые слова: Яицкие казаки, Нечай, Хивинское ханство, П.И. Рычков, Е.Д. Желябужский, М.И. Иванин, В.А. Потто, А.И. Макшеев, М.А. Терентьев, Н.И. Веселовский, П.П. Калитин

Для цитирования: Дубовиков А.М. Набег яицких казаков на Хивинское ханство в 1603 году в описании военных и гражданских дореволюционных авторов // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2023. Т.13, №3. С.10–30. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2023-13-3.10-30>

Казаки на раннем этапе своей истории регулярно совершали набеги на соседей. Объектами их набегов обычно становились территории мусульманских стран, лежащих к югу от казачьих земель.

Уже в XVI в. в Москву не раз отправлялись жалобы ногайских мурз на яицких казаков, доставлявших им немало беспокойства. Кроме ногайских кочевий, яицкие казаки нападали и на персидские владения, которые

в ту пору располагались не только на южном, но и на западном берегу Каспия, а также на купеческие суда, плывущие по его водам. Осенью часть казаков не возвращались на Яик, а оставались зимовать на каком-то каспийском острове (или даже островах), представлявшим собой нечто вроде пиратского гнезда, где хранилась добыча (дуван) и велся ее дележ, откуда производились набеги. В фольклоре яицких казаков сохранилось предание о таком месте, имя которому – «Камын-остров».

Восточный берег Каспия, в отличие от западного, был неинтересен казакам. Грабить там было некого и нечего, так как на этом пустынном и безводном месте не было никаких селений, лишь изредка там появлялись временные стоянки кочевников.

В XVI в. казаки еще не решались на походы в Среднюю Азию, поскольку она не только находилась на значительном удалении, но и была для них «terra incognita». Они не только имели о ней скудные представления, но даже не знали точного пути туда, и без проводников из числа местных жителей могли просто заблудиться. Но в начале XVII в. они все-таки отважились на это рискованное предприятие. Смельчаков возглавил атаман Нечай.

Тот набег нельзя считать первым среднеазиатским походом русских войск, ибо яицкие казаки еще не были русскими подданными. Тем не менее, они были первыми русскими, пришедшими в Среднюю Азию с оружием.

Владения хана Араб-Магомета русские авторы называют Хивинским ханством. Это не совсем правильно; Хива, вместо Ургенча, стала столицей ханства в 1616 г., спустя 13 лет после набега Нечая, совершившего набег именно на Ургенч. Историки никогда не называли ханство Ургенчским, но иногда называли Хорезмским, и это справедливо, ибо оно вполне может считаться наследником древнего Хорезма.

До нашего времени не сохранилось прямых исторических источников о набеге на Ургенч отряда Нечая. Косвенными источниками можно считать старинные предания яицких казаков. Более ценным источником, пусть даже вторичным, является рассказ хана Абулгази-бахадур (1603–1664) о набеге Нечая. В книге хана, посвященной истории правления его предшественников, этому событию было отведено немного места [10].

Абулгази занял престол в 40 лет, выиграв долгую борьбу с братьями [15]. Видимо, тогда же он начал сбор материалов для своей книги, работу над которой вел до самой смерти, но закончил ее уже сын Абулгази – Мухаммед-Ануш. В ней затронуты вопросы истории, географии, генеалогии и другие аспекты в широких хронологических рамках – от хорезмских древностей до 1660-х гг.

Рукопись каким-то образом оказалась у пленного шведа Юхана фон Страленберга, сосланного в Тобольск Петром I. Протограф был утерян, но сохранился его русский перевод, выполненный кем-то из представителей тюркских народов. Русский вариант также был утерян, но сохранился его

немецкий перевод, а первое печатное издание вышло на французском языке в 1726 г. под названием «*Histoire généalogique des Tartares, traduite du manuscrit tartare d Abulgasi-Bayadur-Chan*».

Перевод, выполненный В.К. Третьяковским, задержался почти на два десятилетия, а издание книги – еще почти на четверть века. В итоге русское издание появилось только в 1768 г. с подробными комментариями Г.Ф. Миллера, порой превышающими объем основного текста.

Поскольку Г.Ф. Миллер, в отличие от П.С. Палласа, с яицкими казаками не сталкивался и в их краях не бывал, его комментарии о них содержат массу неточностей и ошибок. Он полагал, что яицкие казаки – не бывшие русские, а народ, издревле живший в кыпчакской степи: «*Козацкий народ есть также стар, как и все другие соседние им народы*» [10, с.350]. С переписью полковника Захарова (1722–1723 гг.) он, видимо, не был знаком.

Никогда не общавшийся с казаками, Г.Ф. Миллер заявлял, что их язык – не что иное, как «*род особливого языка*» [10, с.347]. Нелепо выглядит и его утверждение, что яицкие казаки носили «*кафтаны из толстого белого сукна*», что «*женское платье*» у них «*такоеж, как и мужское*», что женщины на Яике ходят с «*непокровенною головою*» [10, с.347]. Достоверные источники приводили совсем другие данные. Г.Ф. Миллер писал, что яицкие казаки «*питаются земледельством*», хотя и признавал второстепенными занятиями рыболовство и скотоводство [10, с.347]. Но хорошо известно, что до XIX в. яицкие казаки вообще не занимались земледелием.

Трудно согласиться с Г.Ф. Миллером, писавшим о Яике, что «*берега сея реки плодоносны*» [10, с.347]. Низовье Яика – это, в основном, земли, малопригодные для земледелия.

Ничем не подтверждено и утверждение, касающееся оружия казаков: «*Обыкновенное их оружие состоит в луке и стреле, при том же и в сабле*» [10, с.348]. Что касается огнестрельного оружия, то оно якобы выдается им на зиму, а весной изымается. Совершенно нелепое утверждение.

Когда Г.Ф. Миллер писал о «Яицком городке», столице Яицкого войска, он имел в виду не будущий Уральск, а Гурьев, ибо он отметил, что тот городок «*стоит на правом берегу реки Яика за 40 верст от ея устья*» [10, с.349]. Но от Каспия до Яицкого городка (Уральска) вверх по течению Яика (Урала) не 40, а около восьмисот верст. Ну а Гурьев-городок, переданный Яицкому войску в 1752 г. [3, с.1], никогда не был административным центром Яицкого войска.

Абсурдна и оценка численности яицкого казачества, которое «*может стать военных людей до 30.000 человек*» [10, с.350]. Согласно переписи, прошедшей спустя пять лет после выхода книги с комментариями Г.Ф. Миллера, в войске имелось 4252 служилых казака и 690 отставников. Вместе со священниками, администрацией, денщиками и их малолетними

сыновьями, Яицкое войско насчитывало 9787 «душ мужского пола»¹. Поэтому даже при всеобщей мобилизации оно вряд ли могло бы выставить более пяти тысяч.

Непонятно, зачем П.И. Демезон сделал французский перевод, если таковой давно уже имелся? Название новой версии («Histoire des Mogols et des Tatares par Aboul-Ghasi Behadour Khan» [17]) отличалось от прежнего названия. Эта книга вышла в свет в 1874 г., уже после смерти П.И. Демезона. Видимо, на нее ориентировались те русские авторы, что рассказывали не о двух (Нечая и Шамая), а о трех походах яицких казаков в начале XVII в. То есть походу Шамая якобы предшествовали два похода, хотя ничего подобного нет ни в казачьих преданиях, ни в первом русском переводе книги Абулгази. Поэтому версию о трех походах можно найти у ряда российских авторов, чьи работы вышли в 1870-е – 1900-е гг.

Итак, имелись издания книги Абулгази с разными переводами разных лет. Поэтому любые ссылки на эту книгу являются ссылками не на хана, а на его переводы, порой тройные и четверные. Из-за этого трудно сказать, в чем основная причина разночтений: в неточности переводов, в интерпретациях событий (связанных не только с научной методикой, но и с научной этикой как переводчиков, так и авторов, использующих их переводы).

Эти косвенные источники – казачьи предания и книга Абулгази – за неимением других источников позже использовались разными авторами.

Как отметил П.И. Рычков, *«все записано со словесного объявления»*. При этом сам он не ручался за точность услышанного, ссылаясь на отсутствие надежных официальных документов и на малограмотность рассказчиков, в речах которых он видел нестыковки, путаницу, искажение исторических событий и фактов. Как он отметил, все его собеседники за *«многопрошедшим временем основательно показать не могли, для того, что грамотных людей у них и поныне еще мало»* [11, с.290].

Из записанных им преданий явствует следующее: *«Нечай, собрав себе в компанию 500 человек, взял намерение идти в Хиву»*. И далее: *«С оными отправился он по Яику-реке вверх»* [11, с.286–287]. Но зачем? Правильнее было бы двигаться не вверх, а вниз, и далее – к Устьюрту. Выходит, казаки так плохо знали маршрут, что решили сделать большой крюк? Перед походом они провели круг, на котором дьяк, имя которого не сохранилось, стал отговаривать их от похода, *«изъясняя, что путь будет степной незнакомый, провианта с ними не довольно, да и самих их на такое великое дело малоллюдно»*. Разгневавшись, Нечай велел повесить дьяка, отчего *«оныя горы прозваны, и поныне именуются, Дьяковыми»* [11, с.287]. Но в те времена круговая демократия позволяла высказывать разные точки зрения, не опасаясь за свою жизнь. Да и атаман вряд ли бы осмелился кого-то казнить без согласия круга. Другое дело – в походе или на

¹ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф.653. Оп.1. Д.2. Л.655.

войне, но поход еще не начался, шло лишь его обсуждение. В общем, предание вызывает много вопросов.

Далее в предании упоминался не Ургенч, а Хива, куда Нечай *«способно дошел, и, подступая под нее в такое время, когда хивинский хан со всем своим войском был на войне в других тамошних сторонах»* [11, с.287]. Но у Абулгази нет ни слова о войне.

Об убийствах жителей и о насилиях над ними предания не сообщают, говорится лишь, что отряд Нечая *«всем тамошним богатством завладел, а хивинских жен в полон побрал»*. При этом *«одну он, Нечай, сам себе взял, и при себе ее содержал»* [11, с.287]. Согласно тому же преданию, казаки не двинулись в обратный путь сразу после разграбления города, а *«несколько времени жили в Хиве во всяких забавах»*. Лишь *«ханская жена, знатно, полюбя его, Нечая, советовала ему: ежели он хочет живот свой спасти, то б он со всеми своими людьми заблаговременно из города убирался»*. Лишь после этого, и то *«не весьма скоро»*, отряд *«из Хивы выступил, и в пути, будучиотягощен многою и богатою добычею, скоро следовать не мог»* [11, с.287–288]. Поэтому далеко уйти Нечай не смог, и хан *«через три дни его настиг на реке, именуемой Сыр-Дарья, где казаки через горловину ея переправлялись»*. Бой был жарким, *«Нечай с казаками своими, хотя и храбро оборонялся»*, но силы были неравны, и Нечай *«со всеми имевшимися при нем людьми, побит, кроме трех или четырех человек, кои, ушед от того побоища, в войско Яицкое возвратились, и о его погибели рассказали»* [11, с.288].

Снова масса вопросов. Может, на какое-то время казаки задержались в городе, пируя и радуясь богатой добычей? Но могла ли жена хана влюбиться в разорителя своего города? И зачем казакам двигаться к Сырдарье? Видимо, переправлялись они через какой-то рукав Амударьи; зачем им возвращаться в противоположном направлении?! Предание рассказывает об одном бое, в котором погиб весь отряд, но у Абулгази рассказ более подробный; в нем говорится не об одной схватке.

Объяснить это можно тем, что с Нечаем ушли не все казаки, а потому о том, что происходило на Яике, могла сохраниться подробная информация, которой Абулгази владеть не мог. Напротив, он знал, что произошло после набега казаков на Ургенч, о чем казаки уже не могли ничего рассказать. Что касается нескольких спасшихся, то, возможно, их не было вовсе. Вряд ли хивинцы, мстя за свой город, могли кого-то оставить в живых, даже с целью выкупа. Еще менее вероятно, что несколько казаков могли преодолеть огромные расстояния по незнакомым, жарким и безводным степям, к тому же заселенным враждебными им племенами. Возможно, имела место путаница, связанная с хивинским походом А.Н. Бековича? Из того похода, также завершившегося трагически, все же вернулись несколько человек. Правда, одни из них были выкуплены из плена, а другим вернуться на родину помогли калмыки. Да и отряд А.Н. Бековича не разорял хивинских городов. К тому же имена казаков, уцелевших после похода

А.Н. Бековича, известны, тогда как имена «спасшихся» участников набега Нечая неизвестны никому.

Старинные песни яицких казаков содержат различные сведения об их ранней истории, в том числе о походе Нечая. Они написаны в жанре русских былин [13, с.54]:

*Не пора и нам, ребята, во поход идти?
Мы Дарью-реку пройдем рано с вечера,
А Куван-реку пройдем во глуху полночь.
А в Хиву придем, ребята, на белой заре,
Мы хивинскому визирю не поклонимся,
С его младшими женами познакомимся.*

Далее поется о стремлении «поклониться новыми землями», дабы царь простил их за прошлое «баловство» [13, с.55]:

*А не то пойдем ребята, полоним Хиву,
Покорим мы ее Царю-Батюшке,
А Хивой тогда, ребята, мы поклонимся.*

Вряд ли это было мотивацией к действиям казаков; иного желания, кроме захвата дувана, у казаков не было. Да и царь накануне активной фазы смуты пока еще не мог строить планы на Среднюю Азию.

Из казачьих преданий также известно, что вскоре после похода Нечая последовал поход Шамаа. Он завершился еще более трагично, чем поход Нечая; казаки не смогли дойти ни до Хивы, ни до Ургенча. Сбившись с пути и оказавшись в голодной степи, они оказались в крайней нужде, без боя сдались в плен и попали в рабство. По этому поводу ни у кого из авторов расхождений нет.

Также информацию о набеге Нечая можно найти в «Статейном списке посольства в Бухарию дворянина Ивана Хохлова» из «Сборника» князя Г.Д. Хилкова (1835–1885) [12]. Документ датирован 1622 г., но он сильно искажает историю набега, которому посвящен один абзац, где сказано, что «*пришли с Еика казаки, Нечай Старенский с товарищи, и взяли город Юргенчь, и людей побили, и корысть многую поимали; а отойти было не на чом, лошадей не было, и они сели в городе, а Юргенской Арап-царь собрався, их осадил, и сговорил их на то, что отпустить всех живых, и лошади под них дати, а дал им-де на то душу, а как-де они сдались, и он на правде своей не устоял, всех побил*» [12, с.386]. То есть казаки, захватив город, не могли быстро его покинуть за неимением лошадей, кроме тех, что должны были везти телеги с дуваном. Тогда хан, собрав большое войско, окружил Ургенч, вступил в переговоры с казаками и пообещал им не только сохранить жизнь, но и предоставить лошадей в обмен на оставление всего награбленного. Но хан нарушил свои обещания; казаки, выйдя из города, тут же были перебиты.

Этот рассказ больше других источников искажил события 1603 г., хотя с тех пор прошло менее двадцати лет. Вряд ли посол сделал это умыш-

ленно. Видимо, о походе Нечая он узнал из уст бухарцев, знавших про те события, но имевших о них смутные представления.

Василий Александрович Потто (1836–1911) в 1870 г. в чине майора стал начальником Оренбургского казачьего юнкерского училища. Будучи в этой должности, он написал известный труд «О степных походах» [9], предназначенный для юнкеров и фактически ставший учебным пособием.

В 1871–1872 гг. В.А. Потто командировался в Уильское укрепление, расположенное в казахской степи, гарнизон которого укомплектовывался преимущественно уральскими казаками, с которыми ему не раз приходилось сталкиваться. С 1860-х гг. он регулярно публиковал свои книги и статьи, посвященные военным действиям на Кавказе и в казахской степи, военно-учебным заведениям и боевому пути отдельных воинских формирований, военной истории в целом. В.А. Потто скончался в чине генерал-лейтенанта; чин генерала от кавалерии ему был присвоен посмертно.

Первые столкновения русских с представителями Средней Азии В.А. Потто датировал концом XVI в., подразумевая под русскими яицких казаков. В этническом отношении они, конечно, по преимуществу были русскими, хотя считать их подданными русского царя, пожалуй, было еще слишком рано. *«Первые вооруженные столкновения русских с среднеазиатскими народностями начались в конце XVI века, когда на Яике поселились воинственные яицкие казаки, скоро сделавшиеся грозой для своих соседей»*, – пишет он [9, с.40].

Далее он сообщает, что яицкие казаки *«пускались в Каспийское море грабить торговые суда и разорять прибрежные персидские колонии»* [9, с.40]. Действительно, в ту пору яицкие казаки, перезимовав на Яике, весной отправлялись промыслять грабежами и разбоями, поскольку это был основной способ добычи средств к существованию. Вести речь о земледелии и даже скотоводстве было еще рано. Второстепенными промыслами могли служить лишь рыболовство и охота. Каспий был важным местом, дававшим казакам возможность пожить. О набегах яицких казаков на прибрежные персидские города, подобных набегам Стеньки Разина, прямых свидетельств нет. Однако сохранились предания о грабеже судов, пливших по Каспию.

Согласно В.А. Потто, идея похода в Хиву пришла к казакам спонтанно: *«Во время одного из таких набегов им удалось захватить проезжавших купцов, от которых они узнали о существовании богатой хивинской земли, и тотчас решили идти на нее войною»* [9, с.40]. Место, где были захвачены купцы, не указано ни у Абулгази, ни в казачьих преданиях. Поэтому есть разные версии относительно этого места – как на море, так и на суше, включая побережье Яика. Но что значит «узнали о существовании богатой хивинской земли»? Новостью стало известие о ее существовании или о ее богатстве? Во всяком случае казаки прекрасно знали про Хивинское ханство, а про его богатства могли и не знать, если оно и вправду

имело место. При этом у В.А. Потто нет информации ни о количестве купцов, ни об их убийстве.

Набегу В.А. Потто посвятил лишь одно предложение: *«Составили новую партию, и, перейдя киргизскую степь налегке, без обоза, с теми запасами, которые могли поместиться на седлах, ударили на главный хивинский город Ургенч в то время, когда в нем не было ни хана, ни войска»* [9, с.40]. Об отсутствии в городе войск сообщается в тексте Абулгази, а об отсутствии тяжелого обоза с возами и верблюдами – в казачьих преданиях. То и другое В.А. Потто учел.

В.А. Потто повторяет круглые цифры, приведенные Абулгази. Возможно, он им полностью доверяет и не ставит их под сомнение, а возможно, просто не придавал им принципиального значения: *«Город был истреблен, казаки взяли тысячу жещин, нагрузили более тысячи телег богатою добычею, но, на возвратном пути, благодаря тяжелому обозу, достигнуты были хивинцами»* [9, с.40].

Далее следует такое же краткое описание гибели отряда: *«Окруженные и отрезанные от воды, казаки бились несколько дней сряду, утоляя жажду свежеею кровью убитых, но, наконец, почти все были перебиты хивинцами. Только ста человекам удалось пробиться до Амударьи, и скрыться в ее камышах, откуда они рассчитывали пробраться на Яик, но через 15 дней убежище их было открыто – и ни одному из них не удалось вступить на родную землю»* [9, с.40].

В этой части своего повествования В.А. Потто ни разу не упомянул Нечая, потому что представил его предводителем казаков в следующем походе: *«Не скоро оправились казаки после такой катастрофы, но когда оправились, то снова пошли на Хиву в числе 500 человек, под начальством атамана Нечая»* [9, с.41]. Второй поход полностью копирует первый: *«Набег был сделан удачно, но, отступая с тяжелым обозом, казаки опять были достигнуты хивинцами при переправе через Сырдарью, и опять были перебиты все поголовно»* [9, с.41].

Здесь автор уже следует казачьим преданиям, согласно которым отряд Нечая насчитывал пятьсот казаков. Но в тех преданиях ничего не говорится ни о втором походе Нечая, ни о походе, предшествовавшем ему.

Поход Шемая у В.А. Потто уже третий, и он не похож на предыдущие два, описанные им. Те закончились неудачно, но казаки хотя бы добрались до ханской столицы. Шамаю не довелось ни дойти до конечного пункта, ни поживиться захваченным добром, ни сразиться с противником: *«Третий поход, предпринятый атаманом Шемаем, окончился еще неудачнее. Казаки сбились с дороги, и вместо Хивы попали на берег Аральского моря, а тут подоспела зима, начались морозы, зашумели бураны, и казакам нечем стало питаться. «Сперва, – говорит историк, – казаки убивали друг друга, чтобы есть мертвечину, но под конец, обессилев совершенно, призвали к себе хивинцев, и добровольно отдались им в рабст-*

во» [9, с.41]. Именно так описан финал похода Шама и у других авторов, и в казачьих преданиях.

Но откуда у В.А. Потто взялся второй поход? Возможно, он невнимательно работал с источниками? Или воспроизводил прочитанное по памяти, которая его подвела? Две разные цифры – 1000 и 500 казаков (взятые у хана и у П.И. Рычкова) – отложились в памяти так, что автор указал разные походы? А может, эту идею он позаимствовал у П.И. Демезона? Но его книга вышла годом раньше книги с переводом П.И. Демезона, хотя узнать его позицию В.А. Потто мог и до выхода книги в свет.

Вновь встал вопрос о переправе казаков через Сырдарью, до которой от Ургенча не одна сотня верст, причем в противоположном направлении от Яика. Простить такую ошибку можно П.И. Рычкову, но востоковед П.И. Демезон, живший столетием позже, допускать такие ошибки не имел права! Или это было просто бездумное переписывание?

Михаил Игнатьевич Иванов (1801–1874) окончил военную академию в чине капитана при Оренбургском военном губернаторе В.А. Перовском, не так давно сменившем П.П. Сухтелена. В качестве начальника штаба М.И. Иванов был участником неудачного хивинского похода В.А. Перовского 1839–1840 гг.

Позже он был членом временного совета по управлению Внутренней киргизской (казахской) ордой, образованной на юге волжско-уральского междуречья после ухода оттуда калмыков. После смерти Букея, ее первого хана, беспорядки в той «орде» приняли большой размах из-за внутренних конфликтов и злоупотребления знати. Апогеем стал мятеж, поднятый против хана Джангира старшиной Малой орды Исатаем Таймановым, доставивший немало беспокойства и русским властям. В итоге пришлось ликвидировать ханскую власть, для чего был создан специальный совет, который возглавил полковник М.И. Иванов, вскоре ставший управляющим Внутренней ордой. Службу на Кавказе он продолжал уже в генеральском чине, а позже, будучи членом Русского географического общества, написал немало военно-исторических, военно-географических и военно-теоретических работ, прежде всего посвященных Средней Азии, Кавказу и казахской степи. Его статьи публиковались в «Военном сборнике», «Морском сборнике», «Русском инвалиде», «Записках географического общества», «Инженерном журнале» и других изданиях. Генерал-лейтенант М.И. Иванов ушел из жизни в год выхода своего главного труда – «Описания зимнего похода в Хиву в 1839–1840 г.» [6], работе над которым он посвятил не одно десятилетие, собирая и обрабатывая обширную документацию, которая ежедневно велась во время того похода.

Прежде чем описывать зимний поход В.А. Перовского, М.И. Иванов обратился к его предыстории, отметив, что первым походом русских на Хиву стал набег на Ургенч яицких казаков под руководством атамана Нечая в 1603 г.

Как пишет М.И. Иванин, экскурс в историю был сделан не ради памяти о минувшем, а «для лучшего ознакомления со свойствами степных походов», так как «успех или неуспех похода в степях» зависит «от умения приготовить войска для похода» [6, с.7]. Абулгази, по его данным, родился, когда на Ургенч напали яицкие казаки, но датирует это он 1605 г.

М.И. Иванин пишет, что казаки выступили с Уральской линии, хотя никакой линии тогда еще не было. Она появилась лишь спустя полтора века и изначально была не «Уральской», а «Яицкой».

М.И. Иванин мог быть знаком с текстом Абулгази, хотя и не оригинальным. Согласно М.И. Иванину, казаки захватили десять хивинских купцов, прибывших к берегам Урала, от коих они узнали, что «хан кочует с ордой своею на берегах р. Аму», после чего казаки, «убив восемь из этих купцов, остальных двух взяв вместо провожатых, пошли, в числе 1000 человек, в Хивинское Ханство» [6, с.7].

Как и Абулгази, М.И. Иванин определил численность отряда Нечая в тысячу казаков, которые, зайдя в Ургенч, изрубили жителей, кроме тысячи женщин, ставших их добычей. Вся добыча казаков поместилась в тысячу арб [6, с.7].

Информация об убийстве купцов присутствует не у всех авторов; например, у В.А. Потто ее нет. В.А. Потто мог умышленно опустить эту информацию, не желая, чтобы казаки, даже на ранних этапах своей истории, выглядели бандой грабителей. А возможно, автор просто, как и в случае с Сырдарьей, упустил из внимания эту деталь.

Так как казаки задержались в Ургенче и возвращались медленно из-за тяжести добычи, хан сумел не только собрать большое войско, но и догнать их «в каком-то ущелье». Хан отрезал им путь к отступлению, и те «после двухдневного кровопролитного боя, хотя успели пробыться, но должны были оставить всю свою добычу вместе с взятыми красавицами» [6, с.7–8].

Преследуя беглецов, «Арап-Магомет-Хан обходом настиг их в другом тесном месте, где уральцы не могли уже пробыться; и как воды здесь было мало, то они, для утоления жажды, принуждены были пить кровь убитых своих товарищей» [6, с.8].

Далее М.И. Иванин отмечает, что «после продолжительного боя» почти все казаки «были истреблены», однако «сотня из них успела уйти и укрыться близь города Тука, на берегу р. Кгессиль». М.И. Иванин справедливо полагает, что под этим названием следует понимать Амударью или какой-то из ее рукавов. Что же до горных теснин, то он считает, что это отроги Устюрта. Некоторое время сотне казаков удавалось прятаться, питаясь рыбой. Тем не менее, «они, чрез 15 дней, были открыты и истреблены» [6, с.8].

М.И. Иванин пишет, что, «несмотря на стереотипное число 1,000 казаков, 1,000 арб и 1,000 захваченных женицин, рассказу этому в общих

чертах нельзя не верить». Действительно, нет причин не верить хану, а круглые числа можно считать приблизительными.

М.И. Иванин делает заключение, что *«бездомные Уральские казаки, желая обзавестись женами, сделали набег на Хиву, пришли, в Ургенч исправно, захватили много себе невест, и если б не домогались об увеличении их приданного, то, может быть, благополучно возвратились бы домой»* [6, с.8]. Таким образом, М.И. Иванин понимал, что в ту пору казаки еще не вели оседлой жизни, не были привязаны к дому, хозяйству и семье. Значит, прирост населения был механическим, браки временными (обычно с пленницами) и церковью не освященными. С какого места на Яике выступил Нечай? Это тоже важный вопрос, на который нет однозначного ответа.

Казалось бы, все просто – подобные сборы обычно проводились в Яицком городке или же близ него в условном месте, так как никаких других казачьих городков на Яике в ту пору еще не было. Условным местом часто был район близ Дьяковой горы, чуть выше Уральска, но это не значит, что казакам следовало продолжать движение в том же направлении, значительно увеличивая протяженность маршрута.

Еспер Дмитриевич Желябужский (1846–?) был представителем старого русско-польско-литовского рода и не был профессиональным военным. Тем не менее он известен как военный историк, благодаря работам о А.В. Суворове, Екатерине II, ее полководцам, сподвижникам и т.п.

Одна из его работ посвящена истории завоевания Хивы [4]. Вот что, по его мнению, представлял собой поход Нечая: *«Первый поход в Хиву произошел случайно и без всяких приготовлений: поселившиеся на берегах Яика (Урала) казаки, грабившие и разорявшие в то время всех и все, что только попадало им под руку, поймали однажды нескольких хивинских купцов, ехавших с товарами в Россию. Ограбив их до последней рубашки, казаки допытали хивинцев, что и как в их стране. Сведая о богатствах Хивы, и о том, что летом там войско распускается, отчаянные казаки, недолго думая, скоро собрались, и, в количестве до тысячи человек, без всякого обоза, и только с тем, что могло поместиться в седле, отправились на поживу»* [4, с.1].

Е.Д. Желябужский не пишет ни об убийстве купцов, ни об их количестве. Версию о том, что в поход казаки отправились «налегке», он разделял, как и другие авторы. По поводу численности отряда его точка зрения совпадает с позицией Абулгази, хотя он даже не знал кто это: *«Предание об этом походе осталось из сочинения одного знатного хивинского сановника, да переходящей из рода в род удалой песни самих уральских казаков»* [4, с.2].

Как и В.А. Потто, он пишет о двух походах, за которыми последовал и третий – видимо, поход Шамая. Е.Д. Желябужский Нечая назвал *«отважным атаманом яицких казаков»* [4, с.2] и их предводителем во втором походе, тогда как имени лидера первого похода он не назвал, описав фактически то же самое, что случилось с участниками похода Нечая. Но факт

гибели Нечая в первом походе не вызывает сомнений, как и то, что никакого второго похода с его участием не было и быть не могло.

Е.Д. Желябужский, представив один поход яицких казаков в качестве двух разных походов, скорее всего, позаимствовал эту информацию у В.А. Потто, чья книга вышла двумя годами раньше. К тому же местами он едва ли не слово в слово цитирует В.А. Потто – о захвате купцов казаками, об отправке казаков «налегке» и т.п.

Также он пишет, что казаки разграбили несколько городов, чему нет подтверждений (*«разорили несколько городов и побрали много добра и женщин, и снова, на обратном пути, были все до одного уничтожены наступившими их хивинцами»* [4, с.2]). Возможно, казакам попадались небольшие аулы, но говорить о городах не приходится, так как их не было.

Николай Иванович Веселовский (1848–1918) – выпускник факультета восточных языков Петербургского университета, востоковед и археолог – посвятил истории Хивинского ханства одну из своих книг [2]. Он отметил, что будущий хан Абулгази родился в 1603 г., спустя 40 дней после нападения казаков на Ургенч. Возможно, «40 дней» – символическая цифра, но то, что рождение Абулгази и набег яицких казаков – события, произошедшие почти одновременно, не вызывает сомнений, как и то, что, описывая набег, Абулгази использовал данные участников тех событий, включая отца.

В книге Н.И. Веселовского, вышедшей в 1877 г., правлению Араб-Магомета посвящена отдельная глава. В целом, основные вехи неудачного похода Нечая те же: набег казаков и разорение Ургенча, где не было ни хана, ни его войска. Далее следует погоня хана и истребление отряда Нечая.

Объясняя причину отсутствия хана, Н.И. Веселовский предположил, что тот был на войне с Бухарой. Войны между этими соседями случались нередко, но Бухара в данном контексте больше не упоминалась ни у кого из всех авторов, чьи книги вышли раньше. Из предания, записанного П.И. Рычковым, следует, что хан действительно с кем-то воевал, но с кем именно – не сказано. В переводе В.К. Третьяковского значится лишь, что Араб-Магомет *«выехал в поле, чтоб препроводить лето с вельможами подданными своими»* [10, с.347]. Там же сказано, что *«яиджикские урусы»* («яицкие русские», то есть яицкие казаки) решили совершить набег, *«уведомившись, что не бывает военных людей летом в городе Ургенче»* [10, с.346–347]. Отсутствие хана и его войска разные авторы пытались объяснить, выдвигая разные версии. Так, Е.Д. Желябужский полагал, что хан распускал свое войско на лето, а М.И. Иванин считал, что летом хан кочует вместе со своей «ордой».

Н.И. Веселовский пишет не только о захвате тысячи пленниц, но и тысячи пленников, хотя у хана речь о пленниках не шла. Что касается боев, то о них у Н.И. Веселовского вообще ничего нет, кроме того, что *«дело кончилось тем, что казаки были перебиты все до одного»* [2, с.127].

Н.И. Веселовский отметил, что с книгой П.И. Рычкова он знаком, поэтому, сопоставив предания с книгой в переводе В.К. Третьяковского, писал: *«Подтверждая рассказ Абул-Гази, предание это разнится с ним только в подробностях»*. Кроме того, он сослался на работы авторов первой половины XIX в. – И.В. Жуковского [5] и К.М. Вера [1].

Ссылки на работу И.В. Жуковского не стоит воспринимать всерьез. Это небольшая брошюра, несколько страниц которой посвящены Уральскому казачьему войску, история которого описана поверхностно и примитивно. Походу Нечая автор посвятил два предложения: *«Яицкие казаки делали поиск к столице Урганыч бывшего Хорезмского, ныне Хивинского владения. Разграбив оную, с сокровищами возвратились на реку Урал, но Арап Магомет, тогдашний царь Хоразмский, предупредил казаков на обратном пути, и поразил так, что только три или четыре казака возвратились на Урал возвестить о смерти товарищей»* [5, с.62–63]. Как понять «делали поиск»? И как «царь Хоразмский» мог «предупредить на обратном пути» казаков, если они уже «возвратились на реку Урал»? Тем более что такой реки в XVII в. не существовало. А сколько казаков вернулись на Яик – трое или четверо? И вернулись ли? Информация о трех-четырех казаках есть в казачьих преданиях, но ни их имена, ни истории их спасения неизвестны. Странно. Тем более что, согласно преданиям и некоторым авторам, именно от них поступила информация о том, что произошло с отрядом Нечая. Но информация для казачьих преданий могли поступить из разных источников. Например, от восточных купцов. Иная информация содержится у В.А. Потто, писавшего, что *«ни одному из них не удалось вступить на родную землю»*.

Сравнивая данные разных авторов и разных источников, Н.И. Веселовский указал расхождения, фиксируя их, но, не пытаясь отстаивать ту или иную версию. Он отмечает, что, по одним данным, казаков было 500, по другим – 1000. Он задает вопросы: Какой же город они разорили – Хиву или Ургенч? Когда произошло нападение – в июле или в августе? И далее рассуждает в том же духе. Он даже высказал ни на чем не основанное предположение, что предводителем казаков был не Нечай, а его сын – «Нечаев» [2, с.127].

Книга А.И. Макшеева «Исторический обзор Туркестана и наступательного движения в него русских» была издана в 1890 г., когда он уже давно находился в отставке [8]. Тогда же вышла статья «Ахалтекинская экспедиция» П.П. Калитина [7].

Из 14-ти глав книги А.И. Макшеева первые три посвящены Средней Азии и казахской степи до эпохи Петра I. Один из пунктов третьей главы носит название «Набеги яицких казаков на Хиву в начале XVII столетия» [8, с.50–57]. В ней автор сообщает, что казаки закрепились на Яике *«после разорения Сарайчикова, столицы ногайцев»*, то есть в последней четверти XVI в. Далее он пишет, что яицкие казаки *«приняли подданство Московского царя, и служили ему впервые, сколько известно, в 1591 году»* [8,

с.50]. С этим утверждением согласиться трудно. Вряд ли в период царствования Федора Ивановича (а фактически – Бориса Годунова) Москва могла дотянуться до далеких берегов Яика. Даже у самих яицких (уральских) казаков существует предание, что их служба царю началась при Михаиле Федоровиче, хотя и эта версия довольно сомнительна. Да и о походе 1591 г. (против шамхала Тарки) казачьих преданий не сохранилось. Согласно преданиям, записанным П.И. Рычковым, «государева служба» началась с «чигиринских походов», то есть в последней четверти XVII в., хотя, согласно архивным материалам, яицкие казаки принимали участие еще в Смоленской войне 1632–1634 гг. Но даже этот факт еще не означает, что они были подданными московских властей, «государевыми служилыми людьми».

Можно согласиться с другим утверждением А.И. Макшеева, что в начале XVII в. московское подданство *«не мешало, однако, казакам, самовольно производить набеги на Хиву»*. То есть независимо от того, имело ли место такое подданство, свои набеги казаки совершали без каких-либо согласований с Москвой, что вполне естественно для их ранней истории. Как и у других авторов, у А.И. Макшеева в качестве источников были использованы свидетельства хана Абулгази и предания яицких казаков [8, с.51–52]. При этом он справедливо ставит под сомнение круглые цифры, объясняя это склонностью округлять подобные данные [8, с.52–53].

Также он считает, что места событий, связанных с походом Нечая, современники определяют не совсем точно из-за изменения направления рукава Амударьи. Он, ссылаясь на того же Абулгази, утверждает, что после 1575 г. окрестности Ургенча стали быстро превращаться в пустыню, поскольку от крепости Тук протока Амударьи свернула в другую сторону, а расстояние между Туком и Ургенчем занимает несколько часов пути. Очевидно, в этом была главная причина последующего переноса столицы в Хиву из Ургенча (который стал называться «Куня-Ургенч»).

Пересказывая казачьи предания о походах Нечая и Шамая, А.И. Макшеев допускает как то, что похода Шамая вообще не было, так и то, что он все же имел место. Но если он все же состоялся, Абулгази вполне мог не заметить его, так как казаки не дошли до хивинских селений и никак не повлияли на события, происходящие в ханстве [8, с.53–56].

Число казаков Нечая, указанное в предании (500, а не 1000, как у Абулгази) А.И. Макшеев считает более вероятным. Справедливы и слова о том, что в преданиях, записанных П.И. Рычковым, имеются ошибки и неточности географического характера, отчего в них *«указания местности не только не верны, но и не правдоподобны»*. А именно: зачем захватывать Хиву (как сообщают предания), если Ургенч намного ближе (к тому же столицей был пока еще он)? Зачем возвращаться на Яик через Сырдарью? И т.п.

Краткий рассказ Гуляева существенно отличался от содержимого книг П.И. Рычкова или Абулгази, с которыми рассказчик, скорее всего, знаком не был, как и с работами упомянутых выше авторов. Согласно

П.П. Калитину, источником информации у Гуляева были лишь старые казаки, хранители всевозможных преданий.

Вот весь текст того краткого рассказа: *«Старики рассказывали, как наш атаман Нечай с 4000 уральцев пошел в набег с Урала одвуконь, да так, с налета и захватил Хиву; несколько месяцев казаки правили Хивой; хан был в походе на Бухару, услышав, тотчас вернулся; пришлось отступить, добра с собою набрали много, навьючились тяжело, а корысть-то и погубила: на взморье догнал хан со всей силой; сам Нечай, все старшины и казаки сложили там свои головы, немногие вернулись из плена, и рассказали своим на Урале»* [7, с.95]. Конечно, цифра в четыре тысячи в разы превышает те цифры, что были приведены прочими авторами. В самом начале XVII в. собрать в поход такое число яицких казаков было невозможно. Причем яицких, а не уральских, коими они стали спустя почти два столетия. Конечно, они отправились не «с Урала», а если кто-то и смог бы вернуться то не на Урал, а на Яик. Казаки не захватывали столицу ханства «с налета», поскольку никакого сражения не было; они вошли в город, в котором не было никаких войск. Вряд ли разорение города и «правление» им – это одно и то же. К тому же столицей ханства на тот момент Хива еще не была. И вряд ли казаки могли задерживаться в Ургенче на месяцы. Хан, узнав о нападении, сразу же двинулся спасать свою столицу, и это заняло гораздо меньше времени, иначе не пришлось бы догонять казаков. И о каком взморье шла речь? Согласно Абулгази, казаки были настигнуты в районе реки Кгесил (очевидно, одного из рукавов Амударьи). Берега Арала были не так далеко, но вряд ли казаки могли их достичь.

Кого же следует винить в этих неточностях – Гуляева или П.П. Калитина, невнимательно слушавшего рассказ, что-то напутавшего или забывшего, так как статья вышла спустя десятилетие после его беседы с Гуляевым. Думаю, и П.П. Калитин, и Гуляев просто передали нехитрый рассказ стариков именно в том виде, в котором им об этом поведали.

Александр Павлович Хорошхин (1841–1875) был не только хорошим офицером, но также талантливым писателем, журналистом и полиглотом, свободно владевшим тюркскими языками. Выходец из дворянской казачьей семьи, он закончил азиатское отделение Оренбургского кадетского корпуса, где обучался с 12 до 18 лет, и по окончании был произведен в чин хорунжего. В 24 года, по личной просьбе, он был направлен в Туркестан, будучи в чине есаула, где принимал участие во многих боях. После взятия Хивы он, наряду с несколькими русскими, некоторое время был членом ханского правления, ежедневно общаясь с ханом и его окружением, ибо среди русских членов «дивана» он был единственным, кому не требовался переводчик.

Событиям 1603 г. он посвятил поэму «Ургенч» [13, с.55–57]. Вот, например, строки, посвященные захвату богатого дувана:

*Славно сделан набег,
Взяты шелк, серебро,
В девятьсот, слышь, телег,
Все поклали добро.
Да красавиц, к тому ж,
Взято в плен девятьсот...*

Интересно, почему цифре 1000 автор предпочел цифру 900? Просто так, для рифмы? Возможно, но кроме него эту цифру никто не называл. По-иному, трагически звучат строки о неравной схватке казаков с войском хана, закончившейся гибелью отряда:

*Бьются день, солнце жжет.
Обложил враг кругом,
И вздохнуть не дает
Под палящим лучом...
Бьются ночь. Кучи тел
Вознеслись здесь и там,
И орел прилетел
К посиневшим телам.*

В трудах А.П. Хорошхина наша яркое отражение его служба в Средней Азии. Десятки его статей выходили как в столичных («Русский инвалид», «Военный сборник»), так и в региональных изданиях («Туркестанский вестник», «Уральские войсковые ведомости»). В начале 1870-х гг. вышли его статьи «От Оренбурга до Казалинска», «От Казалинска до Ташкента», «Очерки Туркестана», «Народы Средней Азии», «Очерки Семиречья», «Кызылкумский дневник» и др.

К сожалению, этот талантливый самородок, будучи подполковником, погиб в бою под Махрамом в 1875 г., на пятый день после своего 34-летия. Статьи А.П. Хорошхина, посвященные Средней Азии, вошли в «Сборник статей, касающихся до Туркестанского края», вышедший спустя год после гибели их автора [16].

Как и другие, упомянутые выше, авторы-генералы, М.А. Терентьев в своей книге охватывает широкие хронологические рамки, начиная с самых первых походов русских в Среднюю Азию. Информация о походе Нечая заняла у него около трех страниц [14, с.13–15]. Но там нет ни слова ни о купцах, захваченных казаками, ни о причинах отсутствия хана в своей столице, ни о подготовке казаков к походу, ни об их проводниках.

Возможно, М.А. Терентьев, чья книга вышла гораздо позже книг М.И. Иванина и В.А. Потто, как и В.А. Потто (но не как М.И. Иванин) умышленно опустил историю с захватом и гибелью купцов, дабы поход Нечая не казался разбойничьим налетом, а выглядел справедливым актом возмездия за нападения на русские (включая казачьи) земли.

У М.А. Терентьева присутствует информация, которой нет ни у кого из других авторов, ни в переводах книги Абулгази, ни в комментариях Г.Ф. Миллера. Причиной похода Нечая М.А. Терентьев считает месть за набеги азиатов: *«Мстя за набеги набегами, удалые яицкие казаки отстояли ... Россию от многих бед вторжения дикарей»* [14, с.13]. Если бы речь шла не о ранней истории яицкого казачества, это было бы справедливо. Наверное, М.А. Терентьев понимал, что в те годы набегов хивинцев на яицких казаков зафиксировано не было (в отличие от конфликтов с казаками или ногайцами). Понимал, но специально хотел показать казаков не грабителями, а мстителями, дабы не выбиться из контекста всей книги в целом.

Далее (непонятно зачем?) автор пишет, что *«1000 казаков напали на Ургенч, где тогда войск не было; разграбили город, захватили большой полон в 1000 девушек и столько же мальчиков»* [14, с.13–14]. М.А. Терентьев оказался вторым после Н.И. Веселовского, кто записал в число казачьей добычи не только девушек. Но Н.И. Веселовский писал о мужчинах, а М.А. Терентьев – о мальчиках. К чему все это и откуда? Было бы логично разъяснить: зачем казакам мальчики? Чтобы воспитать свою смену? А ведь некоторые, читая эти строки и зная истории про «бачей», могут принять это за гомосексуальную педофилию (которая в те годы на Востоке процветала)!

Согласно М.А. Терентьеву, «Араб-хан», зная местность лучше казаков, смог их обойти и, перерезав им путь, окопаться для встречи противника. Далее он сообщает, что казаки *«дрались два дня и взяли окопы, но хивинцы были конные, они отошли ... и снова окопались»* [14, с.14]. Начался новый штурм, продолжавшийся пять дней. Из-за отсутствия воды казакам пришлось пить кровь своих убитых лошадей, отчего на пятый день были вынуждены сами перейти к обороне. Другие авторы обычно сообщают, что казаки, мучаясь от жажды, пили не кровь лошадей, а кровь погибших товарищей. Конечно, можно допустить оба варианта, но речь может идти только о погибших, а не о живых лошадях, поскольку лишиться их, убив, в условиях азиатских степей и пустынь означало бы неизбежную гибель отряда.

Спустя еще два дня казаки были перебиты все, кроме одной сотни, которая *«прорвалась к реке и держалась тут за завалами из деревьев 15 суток, но, наконец, была также истреблена»* [14, с.14]. То есть казаки не скрывались, прячась в камышах, как это было описано некоторыми другими авторами, а держали оборону, имея доступ к воде. Но могла ли уставшая и обессилевшая сотня 15 дней отражать атаки многотысячного войска хана? Прятаться в камышах, наверное, могла, но отражать атаки – нет.

Далее М.А. Терентьев сообщает, что в 1605 г. состоялся второй поход яицких казаков в Хивинское ханство, не только завершившийся подобно первому, но и происходивший по тому же сценарию. Но это не поход Шамая, о котором речь шла отдельно [14, с.14–15]. Второй поход описан более кратко, чем первый. При этом ни в том, ни в другом случае имя Нечая

вообще не упоминается! Очевидно, автор и сам не знал, какой из двух походов следует приписать Нечая, и, во избежание ошибки, решил вообще отказаться от привязки его имени к какому-либо из походов. Датируя второй поход 1605 г., М.А. Терентьев не указал даты первого, отметив лишь, что он произошел летом, «в начале XVII столетия» [14, с.13–14].

Можно предположить, что М.А. Терентьев пользовался книгами В.А. Потто или Е.Д. Желябужского, но такой нужды у него не было, поскольку он сам отметил, чей труд был использован: «Абул-Гази, хивинский хан, (французский перевод истории сделан и издан в 1874 г. бароном Демезоном, директором учебного отделения восточных языков при азиатском департаменте нашего министерства ин. дел) упоминает о двух набегах яцкиких казаков в начале XVII столетия на Хивинское ханство» [14, с.13]. Но зачем ему понадобился французский текст П.И. Демезона, приписавшего хану слова, которых в переводе В.К. Тредиаковского нет? Тем более что к тому времени имелись еще два более «свежих» издания, вышедшие в Казани и в Петербурге в 1856 и в 1871 гг. на русском языке в переводе Г.С. Саблукова. Первый том книги М.А. Терентьева вышел в 1903 г., и его автор мог использовать самые разные издания, но выбрал не лучшее.

В то же время М.А. Терентьев упомянул и книгу П.И. Рычкова, сославшись на казачьи предания, но, видимо, не придавал им значения, поскольку в них идет речь не о трех, а о двух походах (Нечая и Шамая). Но М.А. Терентьев ничего не пояснил, отметив, что, согласно преданию, у Нечая (упомянутого впервые) было 500 казаков, у Шамая – 300 [14, с.14]. Таким образом, М.А. Терентьев, как и некоторые из указанных выше авторов, вместо того чтобы вести речь о двух походах (Нечая и Шамая), перечисляет три похода, второй из которых организовал Нечай, третий – Шамай, а первый – неизвестно кто.

Таким образом, изначальный текст Абулгази-хана, видимо, был краток и содержал следующую информацию:

- об отсутствии Араб-Магомет-хана в Ургенче;
- о набеге казаков на незащищенный город;
- о захвате ими богатой добычи;
- о медленном отходе казаков;
- о погони многочисленного войска, собранного ханом;
- о разгроме основных сил казаков, а затем и всех остальных.

К сожалению, авторы переводов допускали не только ошибки, но и, скорее всего, вносили коррективы согласно собственному видению событий, отчего и возникали разночтения. Кроме того, авторы порой обращались не только к переводам ханской книги, но и к работам других авторов, что вносило путаницу и мешало внесению ясности в видение событий. Если же добавить сюда и казачьи предания (не говоря уже о фольклоре), то картина станет еще более запутанной. К сожалению, сегодня воспроизвести изначальный текст Абулгази с абсолютной точностью, как и отдельные подробности тех событий, уже не удастся.

И все же, благодаря Абулгази-хану, имеется общее представление о походе Нечая, и можно смело утверждать, что в произведениях казачьего фольклора, как и в казачьих преданиях, речь идет о реальных событиях, и что Нечай – это не мифический персонаж.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Вер К.М.* Воспоминание о походе уральских казаков против Хивы в начале XVII столетия // Маяк. Журнал современного просвещения, искусства и образованности, в духе народности русской. 1840. №11. С.41–43.

2. *Веселовский Н.И.* Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве от древнейших времен до настоящего. СПб.: Тип. братьев Пантелеевых, 1877. 364 с.

3. *Железнов И.И.* Уральцы. Т.III. СПб.: Тип. «Общественная польза», 1910. 439 с.

4. *Желябужский Е.* Очерки и завоевание Хивы. М.: Издание народного журнала «Грамотей», Типография А.И. Мамонтова и К°, 1875. 128 с.

5. *Жуковский И.В.* Краткое обозрение достопамятных событий Оренбургского края, расположенных хронологически с 1246 по 1832 год. СПб.: Тип. Н.Греча, 1832. 78 с.

6. *Иванин М.* Описание зимнего похода в Хиву в 1839–1840 г. СПб.: Тип. «Общественная польза», 1874. 268 с.

7. *Калитин П.П.* Ахал-Текинская экспедиция // Русский вестник. 1890. Т.28. С.79–112.

8. *Макшеев А.И.* Исторический обзор Туркестана и наступательного движения в него русских. СПб.: Военная типография, 1890. 370 с.

9. *Потто В.А.* О степных походах: публичные лекции, читанные при Оренбургском юнкерском училище в 1872 г. СПб.: Тип. Департамента уделов, 1873. 128 с.

10. Родословная история о татарах, переведенная на французский язык, с рукописной татарской книги сочинения Абулгачи-Баядур-хана, и дополненная мелким числом примечаний, достоверных и любопытственных о прямом нынешнем состоянии Северной Азии с потребными географическими ландкартами с французского на российский в Академии наук. В 2 т. Т.2. СПб.: Императорская Академия наук, 1768. 484 с.

11. *Рычков П.И.* Топография Оренбургской губернии. Оренбург: Типография Б.Бреслина, 1887. 408 с.

12. Сборник князя Хилкова. СПб.: Тип. братьев Пантелеевых, 1879. 614 с.

13. Сборник уральских казачьих песен / собрал и издал Н.Г. Мякушин. СПб.: типография М.М. Стасюлевича, 1890. 289 с.

14. *Герентьев М.А.* История завоевания Средней Азии с картами и планами. Т.1. СПб.: Типолитография В.В. Комарова, 1903. 514 с.

15. Хорезм в истории государственности Узбекистана / отв. ред. Э.В. Ртвеладзе, Д.А. Алимова. Ташкент: «Узбекистан файласуфлари миллий жамияти», 2013. 336 с.

16. *Хорошхин А.П.* Сборник статей, касающихся до Туркестанского края. СПб.: Тип. А. Граншеля, 1876. 583 с.

17. Histoire des Mogols et des Tatares par Aboul-Ghasi Behadour Khan. T.I-II. St.-Petersbourg: Imprimerie de l'Académie Impériale des sciences, 1874. 393 с.

Информация об авторе:

Дубовиков Александр Маратович – доктор исторических наук, профессор кафедры социальных технологий и гуманитарных наук, ФГБОУ ВО «Поволжский государственный университет сервиса» (Тольятти, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-9995-8328; e-mail: alexdubovikov@yandex.ru

Поступила 17.04.2023

Принята к публикации 03.07.2023

The raid of the Yaik Cossacks on the Khiva Khanate in 1603
in the description of military and civilian pre-revolutionary authors

A.M. Dubovikov

*Volga Region State University of Service
Tolyatti, Russian Federation*

At the beginning of the 17th century, a detachment of Yaik Cossacks, led by ataman Nechai, raided the Khiva Khanate, plundering and ruining its capital – the city of Urgench. However, the raid ended tragically for the Cossacks – they were all killed by the troops of the Khan Arab-Mohammed, whose son, a few decades later, described this event in his book on the history of the Khanate. The disappearance of this ancient book with its preserved translations into various European languages, although they do not allow us to restore the contents of the protograph with absolute accuracy, but they show that the legends of the Ural Cossacks about the campaign of their ancestors led by Nechai to the Khiva Khanate reflect real events, that these are not myths and legends created by the imagination of the Cossacks. The works of all the authors mentioned in the article, despite the differences present in them, contain relatively small amounts of information about those events, since they, as a rule, cover a wide chronological framework, within which the raid of the Yaik Cossacks on the Khiva Khanate in 1603 is only a small episode. The article also analyzes the reasons for the differences in the coverage of this event by different authors.

Keywords: Yaik Cossacks, Nechai, Khiva Khanate, P.I. Rychkov, E.D. Zhelyabuzhsky, M.I. Ivanin, V.A. Potto, A.I. Maksheev, M.A. Terentyev, N.I. Veselovsky, P.P. Kalitin

For citation: Dubovikov A.M. The raid of the Yaik Cossacks on the Khiva Khanate in 1603 in the description of military and civilian pre-revolutionary authors. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2023, vol.13, no.3, pp.10–30. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2023-13-3.10-30> (In Russian)

REFERENCES

1. Ver K.M. Memories of the campaign of the Ural Cossacks against Khiva at the beginning of the 17th century. *Mayak*. 1840, no.11, pp.41–43 (In Russian)

2. Veselovsky N.I. *An essay of historical and geographical information about the Khiva Khanate from ancient times to the present*. St. Petersburg: Panteleev brothers Publ., 1877. (In Russian)

3. Zheleznov I.I. *Uralsy. Ural Cossacks* Vol.3. St. Petersburg: "Obschesvennaya polza" Publ., 1910. 439 p. (In Russian)

4. Zhelyabuzhsky E. *Essays and the conquest of Khiva*. Moscow: Edition of the national magazine "Gramotei", A.I. Mamontov and K^o Publ., 1875. 128 p. (In Russian)

5. Zhukovsky I.V. *A brief overview of the memorable events of the Orenburg Region, located chronologically from 1246 to 1832*. St. Petersburg: N. Grech, 1832. 78 p. (In Russian)

6. Ivanin M.I. *Description of the winter campaign in Khiva in 1839–1840*. St. Petersburg: "Obschesvennaya polza" Publ., 1874. (In Russian)

7. Kalitin P.P. Akhal-Teke expedition. *Russkii vestnik*. 1890, Vol.28, pp.79–112. (In Russian)

8. Maksheev A.I. *Historical overview of Turkestan and the offensive movement of Russians into it*. St. Petersburg: Military printing house Publ., 1890. 370 p. (In Russian)

9. Potto V.A. *On steppe campaigns: public lectures delivered at the Orenburg Cadet School in 1872*. St. Petersburg: Departament udelov Publ., 1873. 128 p. (In Russian)

10. The genealogy story of the Tatars, translated into French, from the manuscript Tatar book of the work of Abulgachi-Bayadur Khan, and supplemented by a small number of notes reliable and curious about the direct current state of North Asia with the required geographical landcards from French to Russian at the Academy of Sciences. In 2 volumes, Vol.2. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences Publ., 1768. 484 p.

11. Rychkov P.I. *Topography of the Orenburg province. An essay by P. I. Rychkov in 1762*. Orenburg: B. Breslin Publ., 1887. 408 p. (In Russian)

12. *Collection of Prince Khilkov*. St. Petersburg: Panteleev brothers Publ., 1879. 614 p.

13. *Collection of Ural Cossack songs*. Collected and published by N.G. Myakushin. St. Petersburg: M.M. Stasyulevich Publ., 1890. 289 p. (In Russian)

14. Terentyev M.A. *History of the conquest of Central Asia with maps and plans*. Vol.1. St. Petersburg: V.V. Komarov Publ., 1903. 514 p. (In Russian)

15. *Khorezm in the history of statehood of Uzbekistan*. Ed. by E.V. Rtveladze, D.A. Alimova. Tashkent: "Uzbekistan failasufllari milliy zhamiyati" Publ., 2013. 336 p. (In Russian)

16. Khoroshkhin A.P. *Collection of articles concerning the Turkestan region*. St. Petersburg: A. Tranchel's Publ., 1876. 583 p. (In Russian)

17. *Histoire des Mogols et des Tatares par Aboul-Ghasi Behadour Khan*. Vol.1–2. [The History of the Mongols and Tatars by Abulgazi Khan. Vol.1–2]. St.-Petersbourg: Imprimerie de l'Académie Impériale des sciences, 1874. (In French)

About the author:

Dubovikov Alexander Maratovich – Dr. Sci. (history), Professor of the Department of Social Technologies and Humanities, Volga Region State University of Service (Tolyatti, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-9995-8328; e-mail: alexdubovikov@yandex.ru

Received April 17, 2023

Accepted for publication July 3, 2023

Формирование и развитие судебной системы
Российской империи на Южном Урале
в 1720-е – 1750-е гг.¹

В.А. Воропанов

*Челябинский филиал ФГБОУ ВО «Российская академия
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»
Челябинск, Российская Федерация*

Изменение политико-административного статуса Южного Урала, входившего с 1719 г. в состав Уфимской провинции, сопровождалось обновлением системы органов юстиции, адаптированной к социально-политическим и этнокультурным условиям региона. На этапе его интеграции в состав России и превращения из внешней во внутреннюю провинцию империи множественность юрисдикций, которые санкционировала верховная власть, плюрализм в правоприменительной деятельности соответствовали многообразию населения региона, способствуя защите корпоративных и частных прав и интересов, росту авторитета государства и роли права в регулировании общественных отношений, наконец, формированию регионального социума.

Ключевые слова: Российская империя, Южный Урал, суд, правосудие, юстиция, коренные народы России, башкиры, калмыки, казаки, мусульмане

Для цитирования: Воропанов В.А. Формирование и развитие судебной системы Российской империи на Южном Урале в 1720-е – 1750-е гг. // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2023. Т.13, №3. С.31–45. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2023-13-3.31-45>

Особенности судоустройства на Южном Урале, как и в иных областях Российской империи, обуславливались решением актуальных задач его административно-институциональной, социально-экономической и правовой интеграции, конъюнктурой международных отношений. Деятельность местных органов правосудия способствовала эволюции политико-административного статуса периферийного региона, внесение изменений в их систему свидетельствовало о состоянии и качестве его властного освоения [5, с.181–189].

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта №23-18-00268 «Юстиция в системе обеспечения безопасности и процессах интеграции периферийных регионов Российской империи (XVIII – начало XX в.)», реализуемого на базе Тюменского государственного университета.

Попытку создания в России системы специальных государственных органов, занятых осуществлением судебных функций, впервые предпринял Петр I. Первый опыт оказался противоречивым, суды первого звена, провинциальные и городские, организационно самостоятельные, были упразднены уже в 1722 г., суды второго звена, надворные, – в 1727 г.

Итак, судебная юрисдикция воеводы, назначавшегося в Уфимский уезд, в начале XVIII в. охватывала пришлое население, которое преимущественно представляли служилые люди [29, с.48–50], и формально – коренное [1, с.125–126]. В ходе административной реформы конца 1710-х гг. статус местного воеводы повысили до провинциального, одновременно подчинив его казанскому губернатору. С 1722 г. в ряд населенных пунктов Уфимской провинции – Бирск, Мензелинск, Оса, крепости Елдяцкая, Красноуфимская, Нагайбакская, Табынская – в качестве специальных должностных лиц посылали судебных комиссаров, наделенных правом разбирать имущественные иски («челобитчиковы дела») на сумму до 50 рублей, решения по которым могли быть обжалованы у воеводы [31, с.40].

Башкиры же просили Петра I сохранить для них эксклюзивную подсудность (*«дабы указом вашего и.в. определен был у нас на Уфе судьею один, понеже как зачался город Уфа из давних лет всегда был тамо судьею один; а в прежних годех к нам воеводы посылавались из Москвы, а не ис Казани, а под ведением в Казани оные воеводы не бывали, чтоб и ныне також судьею б был один воевода, и оной бы воевода под ведением в Казани не был»*) [12, с.122–123]. Царь согласился [16, №3565, п.6], однако местные начальники указывали на проблемы управления провинцией, пограничной с районами интенсивного освоения, где суд для населения был малодоступен и саморасправа сделалась общим правилом. В регулировании внутриэтнических отношений башкиры опирались на традиции, вовсе не обращаясь к авторитету и помощи государевых слуг [13, с.487]. *«...Оные нигде инде несудимы, токмо на Уфе, для которого они повсягодно из разных отдаленных мест ко Уфе съезжаются многолюдством и в тех съездах о делех своих имеют советы»*, – напоминал из Екатеринбурга В.Н. Татищев, руководивший строительством горных заводов [13, с.481–482]. В.И. де Геннин, его преемник, предложил *«оных разделить в разныя суды подобием как казанские татары разделены были по пригородам и для того зделать в разных пристойных местех городки и определить особых судей, чтоб они на Уфу бить челом не ездили, разве на того судью, который кого чем обидит, а для безопасности дать оным судьям по несколько салдат с ружьем, а руским пограничным объявить, чтоб никто в своей обиде управлятся собою не дерзал, но ездили б и били челом оным судьям»*. Альтернативным предложением являлось размещение должностных лиц с воинской охраной вдоль дороги из Казани в Тобольск [6, с.86–287].

Об особом геополитическом положении Уфимской провинции свидетельствовали усилия по обеспечению безопасности внутренних, соседство-

вавших с ней территорий: в 1731 г. началось строительство Новой Закамской (между реками Самара и Кама) пограничной линии с целью отделения центральной части страны от районов проживания полукочевых и кочевых народов [18, №5808, 6055]. Указом от 15 марта 1728 г. Сенат предписал губернским и провинциальным канцеляриям принять меры по защите населения от возможных нападений («набегов башкирцов»), обусловленных слабым контролем [18, №5248].

На основании челобитной, поданной башкирской делегацией в Коллегию иностранных дел в марте 1728 г., именной указ от 27 июля лишил казанского губернатора власти над Уфимской провинцией, подчинив ее прямому ведению Сената в виде особого исключения в имперской политической практике. Указ подтвердил действие жалованных грамот и наставлял уфимского воеводу П. Бутурлина *«никакого озлобления и обид и налог отнюдь никому никаких не чинить и нападками взятков ни с кого никакими мерами не брать, и подчиненных своих до того не допускать»*. Сбор ясака полагался в привычных объемах, в установленные сроки и впредь без участия служилых людей. Наконец, *«суд и расправу»* предписывалось осуществлять *«так как прежде такие суды были чинены по прежним данным воеводским наказам в правду, не чиня никому ни малаго продолжения и волокиты»* [18, №5316, 5318, 6174]. Указ Сената от 13 сентября 1728 г. потребовал содержать аманатов добросовестно [18, №5334].

С начала 1730-х гг. правительство приступило к реализации стратегии по закреплению Заволжья и Южного Приуралья в составе империи и юридическому подчинению казахских родов – населения Малого, Среднего и Старшего жузов [19, №6571]. В мае 1734 г. последовал ряд указов, коснувшихся различных вопросов управления Уфимской провинцией. Важное место в инструкции начальнику Оренбургской экспедиции И.К. Кирилову заняли принципы организации правосудия. Вместо аманатов, признанных архаичным институтом, ему рекомендовали создать для башкир и иных народов особые суды, состоящие из 2–3 чиновников и 2–3 представителей этнической знати [19, №6576, п.10]. Указом от 31 мая Сенат подтвердил подсудность тяжких преступлений воеводе, узаконив разбирательство иных дел в традиционных судах *«Башкирцам и другим уфимским иноверным народам для их на великой обширности жилья, что им в своих между собою малых делах на Уфу для челобиться ездить убыточно, по старым их обычаям, кто похочет разбираться третейским судом и мириться безвозбранно и тех их третейских судов и добровольных миров ежели прямых, а не затейных споров не будет, не нарушивать и в Уфу не волочить»*) [19, №6581, п. 4, 15].

Путь Оренбургской экспедиции через Уфимскую провинцию был признан политической ошибкой. Разработку и реализацию мер по подавлению восстания возложили на Комиссию башкирских дел под руководством графа А.И. Румянцева, одновременно назначенного на должность казанского губернатора. В ходе военных действий численность коренного

народа Южного Урала сократилась, часть его вотчинных земель конфисковали. Новая Закамская линия утратила актуальность. Оренбургская пограничная линия протянулась на 2500 км, защитив юго-восточную границу и став стабилизирующим фактором в отношениях между башкирами и казахами [19, №6889, п. 12, 14; 20, №7735, 7876, п. 1–3; 21, №8011, п. 6, 10–14, №8111, 8720].

Уже в январе 1735 г. И.К. Кирилов сообщил монарху, что *«суд застал по здешнему народу весьма обидной»*, так как он являлся одной из статей доходов воеводы, поэтому он обратил внимание правителя на необходимость определить форму судебного разбирательства: письменную или устную. Лиц, осужденных за хищения чужого имущества, воеводы часто продавали в качестве работников. Неэффективность такой деятельности, по свидетельству И.К. Кирилова, стала причиной широкого распространения мнения о том, *«что де дикого зверя – волков всех перевели, ...а воров де уфинския судьы перевести не могут»* [13, с.490–491].

В 1737 г. Челябинскую крепость сделали центром провинции, в Красноуфимскую и Осинскую крепости назначили воевод. Офицеров инструктировали, *«каким порядком... башкирцов судом и расправою ведать»* [20, №7347, п.5–8]. В.Н. Татищев, сменивший И.К. Кирилова в должности начальника Оренбургской комиссии, указал башкирам, не желавшим подсудности многим воеводам, на размеры края и возможность принесения жалоб в провинциальные суды [13, с.363].

Именной указ от 3 марта 1740 г. поручил вице-губернатору Уфимскую провинцию, оставив ее в прямом ведении Сената [2, с.101–109], указ от 15 марта 1744 г. учредил Оренбургскую губернию, вернув в Уфу воеводу [22, №8901]. Губернатор И.И. Неплюев устранил нарушения предписаний об организации управления башкирскими волостями [19, №6890, п.13; 20, №7278]: упразднил должности главных старшин и выдал низшим начальникам инструкции, подтвердив их право на осуществление ограниченных судебных функций [13, с.515]. Третейский суд под председательством старшины с участием представителей сторон и духовного лица впредь действовал только с санкции губернской или провинциальной канцелярии [28, с.57].

В правление Петра I на Южном Урале появился первый судебный орган нового вида – магистрат, задуманный для защиты интересов городских сословий и, как следствие, поддержки их развития. В соответствии с численностью жителей коллегия Уфимского (провинциального) магистрата состояла только из двух должностных лиц – бургомистра и ратмана [10, с.225].

В 1734 г. задачи социально-экономического развития края вновь обусловили отдельное внимание к торгово-промышленным группам его населения. Привилегия, данная Оренбургу 7 июня, привлекала русских подданных и иностранцев благоприятными условиями торговли и предпринимательства, свободой вероисповедания и эффективным правосудием.

Новому местному суду, названному магистратом, в отличие от типовых судов для городских сословий, переименованных в 1727 г. в ратуши, присвоили эксклюзивный статус. Во-первых, начальник города мог назначить заседание суда со своим участием после оценки жалобы на его решение. Судебными полномочиями («в нижнем градском суде») закон наделил двух членов магистрата из девяти – бургомистра и ратсгера. В состав коллегии дополнительно входили судебные представители от русских и иностранных купцов. Закон допускал применение в Оренбургском магистрате источников иностранного права [19, №6584, ст.1–4, 19].

Первую группу купцов для Оренбурга именной указ от 20 августа 1739 г. предписал прислать из Казанской губернии, где следовало выбрать из своей среды первых членов будущего магистрата («одного бурмистра и одного ратмана») [20, №7876. п.7]. До открытия магистрата Оренбургская губернская канцелярия исполняла судебные функции в полном объеме [23, №10156, п.11].

Очередная ратуша на Южном Урале была открыта лишь в 1754 г. в Челябинске [30, с.68]. Посредством ратуши местные купцы и мещане смогли отстаивать корпоративные и личные права и законные интересы в конфликтах и спорах с органами казачьей и крестьянской администрации².

В 1754 г. в связи с отменой внутренних таможен Сенат учредил во всех городах («под ведомством магистратов и ратуши») словесные суды. В целях обеспечения доступа к правосудию купцам следовало избирать двух словесных судей («дабы в случае одного из них болезни или немощи, купецкие люди в прозбах своих скорое удовольствие безпрепятственно иметь могли»). Для разбирательства торговых споров, возникавших во время ярмарок, Главный магистрат назначал в словесный суд члена магистрата или ратуши ближайшего города, помощниками которого являлись два купца, избранных дополнительно. Иные дела надлежало отсылать в магистрат или ратушу [24, №10222, п.1, 2, №10486. Гл.VIII].

Полного распространения словесные суды не получили. Торговые люди жаловались: «Не только магистрата или ратуши, но и словесного суда донныне в городе Оренбурге не учреждено. И наличное купечество положенного тем в привилегии пунктом порядка благополучия и довольствия не видит, но в разных правительствах и суд и расправу имеет следственно» [15, с.126].

В ряду отраслевых судов со времен Петра I действовали таможенные, в подсудность которым указом от 1 февраля 1726 г. Сенат передал споры по коммерческим договорам и обязательствам купцов [17, №4828]. Согласно уставу 1727 г., при таможенном суде следовало создавать третейские суды для разрешения споров по деловым документам в лице посредников, назначенных сторонами или таможенными судьями. Отказ заявите-

² Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф.И-1. Оп.1. Д.56. Л.29; Ф.И-211. Оп.1. Д.4. Л.1.

ля от медиации предусматривал передачу его дела в суд сословной подсудности [17, №5145].

Сбор пошлин в Оренбурге и Троицкой крепости регламентировал особый Устав от 29 ноября 1753 г., предписавший создавать третейские суды для русских купцов во время ярмарок на основании закона и иноверных коммерсантов по обычаю (*«чтоб купцам и всем торговым людям от таможенного суда в их делах и промыслах никакой отволочки не было, и могли б случающиеся между ими споры, також и по счетам, не ходя в настоящий суд, между собою разбираться и судимы быть: того ради при каждой ярманке для русских купцов, по силе Соборнаго уложения, иметь третейской суд, а для иноверцов шарагат, в которой из самых лучших и справедливых людей назначивать человека по два, а к ним, когда дело случится, придавать еще по несколько человек, кого челобитчик и ответчик изберут, и тем третейским судом всякие между купцами споры и счета разбирать»*). Таможенные судьи обязались поддерживать их обоснованные решения и передавать исковые заявления в губернскую канцелярию для дальнейших производств по делам [23, №10156, п.11, 12].

Отдельную категорию населения Южного Урала составляли служилые народы. Освоение региона повлекло расширение полномочий местных органов военной администрации в отношении Яицкого казачьего войска. Именной указ от 25 августа 1740 г. подтвердил временный характер его правовых традиций, но обязал войсковое начальство вести судебное дело-производство в целях обеспечения правосудия (*«в производящих обидах суды производить, пока надлежащий порядок введен будет, хотя по прежнему их казацкому обыкновению, однако на письме, дабы обиженные, ежели кто просить будут о неправом решении, о своей правде могли свидетельствоваться самими теми делами»*) [21, №8215, п.4]. По инициативе оренбургского губернатора яицких казаков разделили на 7 полков и окончательно ограничили их право на самоуправление, в том числе в сфере правосудия. Судебными полномочиями стали пользоваться атаман и трое старшин, представлявших войсковой суд (*«в войске яицком всех старшин ко всякому войсковому делу не сзывать, а вместо того при атамане у всех дел присутствовать двум старшинам непременно и именовать их первыми старшинами и из них по выбору присутствовать по одному с переменою погодно с войсковым атаманом и войсковыми первыми старшинами»*), и станичные атаманы – полковые командиры [3, с.84, 87; 11, с.33, 36–38].

Кочевые народы рассматривались как важный источник пополнения иррегулярных военных сил. Массовое крещение калмыков сопровождалось их переводом на территорию губерний. Одновременно Сенат подтвердил действие соглашений с ханами о возвращении их некрещеных соплеменников в места старых кочевий [17, №4784; 22, №9175]. Калмыки, ставшие частью Оренбургского казачьего войска (*«Калмыцкая команда»*), с 1757 г. компактно селились в Бузулукском уезде и подразделялись на

привычные им низшие территориальные единицы – улусы [9, с.140–146]. Основную группу неофитов руководители Оренбургской экспедиции сосредоточили в области с центром в Ставрополе-на-Волге [20, №7228, 7335, 7733, 7800; 21, №8392, 8847; 22, №9110, 9174].

После передачи Коллегией иностранных дел Ставропольской крепости в состав Оренбургской губернии [22, №8920] местные эксперты подготовили законопроект об образовании из крещеных калмыков войска, орган управления которым – Калмыцкий суд в составе председателя, этнического лидера («владельца Никиты Тайшина»), войсковых полковника, судьи, писаря и трех зайсангов («в образе генеральной старшины») напоминал Зарго, действовавший в ханстве. Оренбургская губернская канцелярия исполняла роль суда апелляционной инстанции. Решения Калмыцкого суда не являлись окончательными в делах об убийствах и хищениях, совершенных калмыками, а также поземельных и владельческих спорах («о земле и об улусах»). Его судьям разрешалось применять обычаи на неопределенное время («доколе права российския познают») [22, №9110, ст.6; 26, №21025]. В юрисдикции Ставропольской провинциальной канцелярии, учрежденной в 1745 г., находились уголовные дела, случившиеся между калмыками и иными жителями края («людьми посторонняго ведомства») [22, №9110, ст.22, 24].

После разгрома Китаем Джунгарского ханства его жители массово мигрировали в Россию. Указом от 9 октября 1757 г. Коллегия позволила оренбургскому губернатору принимать в России джунгар, вышедших из Казахской степи, при условии принятия ими христианства. Неплюев предпочел отсылать их к ставропольским калмыкам. Указом от 18 мая 1760 г. Сенат санкционировал создание в Ставропольском калмыцком войске 3 новых территориальных единиц, увеличив число рот, в которых смешались прежние улусы, с 8 до 11. Представителей джунгар включили в состав Калмыцкого суда: владельца Норбо Данжина назначили на должность войскового судьи, Матвея Петрова Дондука – на должность хорунжего сверх штата [9, с.44–46].

Специальную юрисдикцию традиционно сохраняли органы церковной администрации. Укрепление государства в провинциях способствовало развитию их местных систем. Так, в Уфе в 1721 г. поповского старосту сменило духовное правление [34, с.122]. Позднее на Южном Урале учредили ряд новых духовных правлений, подчиненных Казанской и Тобольской духовным консисториям: Оренбургское (1739 г.) [27, с.80–81, 493–494, 554–555], Воскресенское и Троицкое (1744 г.), Челябинское (1750 г.)³. Важно обратить внимание на то, что развитие системы церковных органов, а также определение их подсудности по кругу лиц были обусловлены составом населения и правовыми статусами отдельных его

³ Объединенный государственный архив Оренбургской области (ОГАОО). Ф.172. Оп.1. Д.2. Л.1; ОГАЧО. Ф.Р-874. Оп.1. Д.10. Л.10.

групп: яицкие казаки, включенные в Казанскую епархию, сохранили должность протопопа в Яицком городке, наделенного широкими правами. При этом их круг и войсковая канцелярия регулярно вмешивались в его дела. В 1746 г. казаки отстояли Илек и Сакмарск, которые Казанская консистория попыталась изъять из ведения их протопопа и передать в компетенцию Оренбургского духовного правления, в 1748 г. отказались подчиниться последнему, в 1754 г. – учредить в Яике духовное правление, которому надлежало бы искоренять из их среды староверческие традиции. Военная коллегия поддержала яицких казаков в споре с епархиальным начальством [33, с.156–174]. В Оренбургском казачьем войске принимали меры по устранению нарушений православных обрядов⁴.

Спор о подсудности светских и церковных судов в отношении «иноверующих» на Южном Урале разрешили с участием Сената: губернатор опротестовал действия Тобольской духовной консистории и добился учреждения особой комиссии в составе 2 светских и 2 духовных должностных лиц для проведения предварительного расследования преступлений против православной веры (*«разбирательства духовных дел»*). Материалы дел надлежало пересылать в духовную консисторию или губернскую канцелярию [23, №9904].

Наконец, указами от 8 марта 1744 г. и 8 августа 1745 г. Сенат дал разрешение на поселение в 18 верстах от Оренбурга до 200 семей казанских торговых татар, наделив их особым правовым статусом [22, №8893; 32, с.214–216]. В 1761 г. население Сеитовой (Каргалинской) слободы, пополнявшееся как подданными, так и торговыми гостями из Средней Азии, насчитывало 3159 лиц мужского пола, записанных в сословия торговых и чемоданных татар. Сенат отклонил их просьбу об освобождении от увеличения подушной подати, сочтя налоговые преимущества сословия достаточными [25, №11186]. Татарская слобода превратилась в крупный мусульманский образовательный центр [8, с.173; 14, с.199–201]. Собрание авторитетного духовенства в слободе избирало кандидатов на должности ахунов четырех дорог [7, с.43–47]. Мелкие конфликты и имущественные споры жителей Сеитовой слободы разбирали «старшины с выборными», дела духовной юрисдикции – коллегия в лице ахуна с муллами [32, с.227].

Итак, в 1721 г. Южный Урал представлял окраину Российской империи. В 1728 г. актуальность обособленного территориального управления регионом выразилась в наделении уфимского провинциального воеводы самостоятельным статусом. В качестве временной внутренней границы на Урале в 1731 г. была назначена Новая Закамская линия. В таких условиях фактическая юрисдикция местного воеводы в отношении как коренного народа Южного Урала, так и остального населения, рассеянного на его пространстве, оставалась номинальной. Санкционируя в 1734 г. меры по

⁴ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф.822. Оп.1. Д.7. Л.1; Д.15. Л.1; Д.17. Л.1.

обеспечению интересов государства в Уфимской провинции, правительство допускало возможность ограничения подсудности воеводы тяжкими преступлениями и учреждения судов специальной подсудности с участием представителей башкирской знати, уполномоченных применять нормы обычного права.

Вооруженное сопротивление башкир Оренбургской экспедиции обернулось форсированным административным освоением края и действием чрезвычайных судов. Самостоятельный статус Уфимской провинции был закреплен назначением в 1740 г. вице-губернатора, подчиненного Сенату. Создание на Южном Урале типовой системы органов местной администрации и юстиции завершилось учреждением в 1744 г. Оренбургской губернии. Самоуправление башкир подвергли ограничениям: губернская и провинциальные канцелярии санкционировали третейские шариатские суды, органы волостной (улушной) администрации, ставшие проводниками элементов имперского правопорядка, наделили полномочиями низших судов.

Усиление государственного регулирования развития экономической деятельности на Южном Урале сопровождалось принятием в 1734 г. специального закона – Привилегии городу Оренбургу, предусматривавшего создание магистрата в качестве суда губернского звена, наделенного эксклюзивными полномочиями и обязанностью соблюдать правовой плюрализм в интересах подданных, иммигрантов и лиц, временно находившихся в Российской империи. До его открытия губернской канцелярии следовало исполнять судебные функции в полном объеме. Острая нехватка купечества на Южном Урале вызвала указ Сената от 19 марта 1744 г. о ссылке в Оренбургскую губернию лиц данного сословия, осужденных за преступления. Тем не менее, ратуша, открытая в 1754 г. в Челябинске, стала вторым судом после Уфимского (провинциального) магистрата, предназначенным для городских сословий. После ликвидации в России внутренних таможен в городах, подведомственных магистратам и ратушам, надлежало дополнительно создавать словесные суды. На Южном Урале к началу 1760-х гг. такого суда не оказалось даже в Оренбурге.

В ряд отраслевых судов, действовавших в России, входили таможенные, уполномоченные разбирать купеческие споры, при которых с 1727 г. создавались торговые словесные суды, мирившие стороны. В Оренбургской губернии специальный закон разрешил иноверным торговым людям создавать третейские суды по обычаю – шерагаты, и обращаться за поддержкой к таможенным судьям в случае неисполнения их решений.

Особенностью периферийных областей являлось сосредоточение военных служилых сословий. Верховная власть осуществляла реорганизации казачьих войск, усиливала контроль над ними посредством губернаторов, комендантов, полевых командиров и назначаемых атаманов, создавала новые иррегулярные воинские формирования. Оренбургское казачье войско

оказалось в подсудности Оренбургской губернской, а также Ставропольской и Уфимской провинциальных, Оренбургской и Исетской войсковых канцелярий, Яицкое – Оренбургской губернской и Яицкой войсковой, Ставропольское калмыцкое – Оренбургской губернской канцелярии и Калмыцкого суда. Для трансформации правовых традиций кочевого народа продумывались и создавались оптимальные условия. Интеграция крупной группы иммигрантов с территории бывшей Джунгарии сопровождалась включением в 1760 г. их представителей в состав Ставропольского Калмыцкого суда. Во время прохождения службы служилые люди подчинялись органам военной власти.

В восточных провинциях, включая Южный Урал, происходило развитие систем церковных органов местной администрации и юстиции: упорядочивались их структура и компетенция, создавались духовные консистории, правления, заказы. При этом сдерживать давление Русской православной церкви удавалось лишь отдельным сословным группам, как правило востребованным государством, например, яицким казакам, отличавшимся приверженностью к «древлеправославию» и отстаивавшим духовную автономию. Органы светской администрации настаивали на соблюдении пределов подсудности церковных органов юстиции по кругу лиц, ограничив их активность в отношении «иноверующих», представлявших половину населения.

Мусульманское духовенство не только участвовало в осуществлении правосудия, но и применяло нормы исламского права непосредственно, регулируя, прежде всего, отношения в религиозной сфере.

Таким образом, на этапе интеграции Южного Урала в состав России и превращения его из внешней во внутреннюю провинцию империи множественность юрисдикций, которые санкционировала верховная власть, плюрализм в правоприменительной деятельности соответствовали многообразию населения региона, способствуя защите корпоративных и частных прав и интересов, росту авторитета государства и роли права в регулировании общественных отношений, наконец, формированию регионального социума.

Для понимания характерных особенностей формирования и развития судебной системы на Южном Урале полезно сравнить и сопоставить сведения о разных регионах Российской империи. Так, можно заметить, что в Сибири состояние судеустройства также обуславливал комплекс региональных факторов. В 1730–1763 гг. местные органы администрации, уполномоченные осуществлять правосудие, подчинялись Сибирскому приказу в качестве суда территориальной подсудности. Пространственное действие их юрисдикций менялось по мере реформирования и развития административно-территориальной системы. Развитие судеустройства сдерживалось огромными размерами губерний и уездов, слабостью коммуникаций в них, низкой плотностью жителей, устойчивой автономией коренных народов [4, с.173–185].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Асфандияров А.З.* Башкирия после вхождения в состав России (вторая половина XVI – первая половина XIX в.). Уфа: Китап, 2006. 504 с.
2. *Биккулов И.Н.* П.Д. Аксаков воевода и вице-губернатор Уфимской провинции. Уфа: Педкнига, 2009. 181 с.
3. *Витевский В.Н.* Неплюев, верный слуга Отечества, основатель Оренбурга и устроитель Оренбургского края. Казань: Тип. Имп. ун-та, 1891. 251 с.
4. *Воропанов В.А.* Развитие судебной системы в Сибири в XVIII – первой половине XIX в. // *Российская история.* 2022. №6. С.173–185.
5. *Воропанов В.А.* Суд и правосудие в провинции Российского государства в XVI – первой половине XVIII в. (на примере областей Поволжья, Урала и Западной Сибири): монография. М.: Проспект, 2017. 192 с.
6. *Геннин В.И.* Уральская переписка с Петром I и Екатериной I. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1995. 467 с.
7. *Денисов Д.Н.* О роли ахунов до учреждения Оренбургского магометанского духовного собрания (на примере Южного Урала) // *Оренбургское магометанское духовное собрание и духовное развитие татарского народа в последней четверти XVIII – начале XX вв.: Материалы научного семинара, посвященного 220-летию учреждения религиозного управления мусульман внутренней России и Сибири (Казань, 18 декабря 2009 г.).* Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2011. С.43–48.
8. *Денисов Д.Н.* Приходские мектебе Сеитовского посада (Каргалы) // *Татарские мусульманские приходы в Российской империи: Материалы Всероссийской научно-практической конференции / отв. ред. И.К. Загидуллин.* Казань: Институт истории АН РТ, 2006. С.173–182.
9. *Джунджузов С.В.* Калмыки в Среднем Поволжье и на Южном Урале (середина 30-х годов XVIII – первая четверть XIX века). Оренбург: ГБУ РЦРО, 2011. 209 с.
10. *Кирилов И.К.* Цветущее состояние Всероссийского государства / отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1977. 443 с.
11. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Уральское казачье войско. Ч.I. / сост. Ген. штаба поручик А.Рябинин. СПб.: Тип. Э.Веймара, 1866. 419 с.
12. Материалы по истории Башкирской АССР. Ч.I. Башкирские восстания в XVII и первой половине XVIII вв. / отв. ред. А.П. Чулошников. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1936. 631 с.
13. Материалы по истории Башкирской АССР. Т.III. Экономические и социальные отношения в Башкирии в первой половине XVIII в. / сост. Н.Ф. Демидова, под ред. Н.В. Устюгова. М.; Л.: Наука, 1949. 691 с.
14. *Набиев Р., Хабутдинов А.* Медресе «Каргалинские» // *Ислам на европейском Востоке: Энциклопедический словарь под ред. Р.А. Набиева.* Казань: Магариф, 2004. С.199–201.
15. Оренбургский край – поликультурный трансграничный регион Российской империи: сб. док.: к 250-летию со дня рождения выдающегося военного и государственного деятеля, оренбургского военного губернатора Петра Кирилловича Эсена / науч. ред. и сост. С.В. Любичанковский. Оренбург: Университет, 2021. 712 с.

16. Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗ РИ). Собр. I. Т.VI. №3565.
17. ПСЗ РИ. Собр. I. Т.VII. №4784, №4828, №5145.
18. ПСЗ РИ. Собр. I. Т.VIII. №5248, №5316, №5318, №5334, №5808, №6174.
19. ПСЗ РИ. Собр. I. Т.IX. №6571, №6576, №6581, №6584, №6889, №6890.
20. ПСЗ РИ. Собр. I. Т.X. №7228, №7278, №7335, №7347, №7733, №7735, №7800, №7876.
21. ПСЗ РИ. Собр. I. Т.XI. №8011, №8111, №8215, №8392, №8720, №8847.
22. ПСЗ РИ. Собр. I. Т.XII. №8893, №8901, №8920, №9110, №9174, №9175.
23. ПСЗ РИ. Собр. I. Т.XIII. №9904, №10156.
24. ПСЗ РИ. Собр. I. Т.XIV. №10222, №10486.
25. ПСЗ РИ. Собр. I. Т.XV. №11186.
26. ПСЗ РИ. Собр. I. Т.XXVII. №21025.
27. Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Т.X. 1738 – 24 ноября 1744 гг. СПб.: Синодальная типография, 1911. 673 с.
28. Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое Императорской академией наук по предложению ее президента. С прим., изъясн. и дополн. Т.IV. Продолжение Записок путешествия академика Лепехина. Ч.3. СПб.: При Имп. Акад. Наук, 1822. 440 с.
29. *Рахматуллин У.Х.* Население Башкирии в XVII–XVIII вв. Вопросы формирования небашкирского населения. М.: Наука, 1988. 188 с.
30. *Самигулов Г.Х.* Из истории Челябинска. Кн. I. Крепость и провинциальный город с 1736 по 1781 год. Челябинск: Каменный пояс, 2015. 140 с.
31. Сборник императорского русского исторического общества (далее – СИРИО). Т.14. СПб.: Тип. Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1875. 544 с.
32. СИРИО. Т.147. СПб.: Тип. А.Траншеля, 1915. 402 с.
33. *Чернавский Н.М.* Оренбургская епархия в прошлом ее и настоящем // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. VII. Оренбург: Типография Оренбургской духовной консистории, 1900. Вып. I. С.156–174.
34. *Черемшанский В.М.* Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, промышленном и этнографическом отношениях. Уфа: Тип. Оренбургского губ. правления, 1859. 472 с.

Информация об авторе:

Воропанов Виталий Александрович – доктор исторических наук, заведующий кафедрой государственного управления, правового обеспечения государственной и муниципальной службы, Челябинский филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (Челябинск, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-4842-3526; e-mail: vvogorpanov@yandex.ru

Поступила 12.05.2023

Принята к публикации 28.07.2023

Formation and development of the judicial system
of the Russian Empire in the South Urals in the 1720s – 1750s

V.A. Voropanov

Chelyabinsk branch of the Russian Presidential Academy

of National Economy and Public Administration

Chelyabinsk, Russian Federation

The change in the political and administrative status of the Southern Urals, which had been part of the Ufa province since 1719, was accompanied by the renewal of the system of justice authorities, adapted to the socio-political and ethno-cultural conditions of the region. At the stage of its integration into Russia and the transformation from an external to an internal province of the empire, the plurality of jurisdictions that were sanctioned by the supreme power, pluralism in law enforcement corresponded to the diversity of the population of the region, contributing to the protection of corporate and private rights and interests, growth the authority of the state and the role of law in the regulation of social relations, and finally, the formation of a regional society.

Keywords: Russian Empire, Southern Urals, court, justice, indigenous peoples of Russia, Bashkirs, Kalmyks, Cossacks, Muslims

For citation: Voropanov V.A. Formation and development of the judicial system of the Russian Empire in the South Urals in the 1720s – 1750s. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2023, vol.13, no.3, pp.31–45. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2023-13-3.31-45> (In Russian)

REFERENCES

1. Asfandiyarov A.Z. *Bashkiria after becoming part of Russia (second half of the 16th – first half of the 19th century)*. Ufa: Kitap Publ., 2006. 504 p. (In Russian)
2. Bikkulov I.N. *P.D. Aksakov voivode and vice-governor of the Ufa province*. Ufa: Pedkniga Publ., 2009. 181 p. (In Russian)
3. Vitevskiy V.N. *Neplyuev, faithful servant of the Fatherland, founder of Orenburg and organizer of the Orenburg region*. Kazan: Kazan Imperial University, 1891. 251 p. (In Russian)
4. Voropanov V.A. The development of the judicial system in Siberia in the 18th – the first half of the 19th century. *Russian history*. 2022, no.6, pp.173–185. (In Russian)
5. Voropanov V.A. *Court and Justice in the Provinces of the Russian State in the 16th – First Half of the 18th centuries (on the example of the regions of the Volga region, the Urals and Western Siberia)*: monograph. Moscow: Avenue Publ., 2017. 192 p. (In Russian)
6. Gennin V.I. *Ural correspondence with Peter I and Catherine I*. Ekaterinburg: Bank of cultural information, 1995. 467 p. (In Russian)
7. Denisov D.N. *On the role of the Akhuns before the establishment of the Orenburg Mohammedan spiritual assembly (on the example of the Southern Urals)*. Orenburg Mohammedan spiritual assembly and the spiritual development of the Tatar people in the last quarter of the 18th – early 20th centuries: Materials of a scientific seminar dedicated to 220 anniversary of the establishment of the religious administration of

Muslims of inner Russia and Siberia. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2011. Pp.43–48. (In Russian)

8. Denisov D.N. *Parish mektebes of Seitovsky Posad (Kargaly)*. Tatar Muslim parishes in the Russian Empire. Materials of the All-Russian scientific-practical conference. Ed. by I.K. Zagidullin. Kazan: Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2006. Pp.173–182. (In Russian)

9. Junjuzov S.V. *Kalmyks in the Middle Volga and the Southern Urals (mid-1830s – first quarter of the 19th century)*. Orenburg: Regional Center for the Development of Education, 2011. 209 p. (In Russian)

10. Kirilov I.K. *Blooming state of the All-Russian state*. Ed. by B.A. Rybakov. Moscow: Science Publ., 1977. 443 p. (In Russian)

11. *Materials for the geography and statistics of Russia, collected by the officers of the General Staff. Ural Cossack army. Part I*. St. Petersburg: E. Weimar Publ., 1866. 419 p. (In Russian)

12. *Materials on the history of the Bashkir ASSR. Part I. Bashkir uprisings in the 17th and first half of the 18th centuries*. Ed. by A.P. Chuloshnikov. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1936. 631 p. (In Russian)

13. *Materials on the history of the Bashkir ASSR. T. III. Economic and social relations in Bashkiria in the first half of the 18th century*. Ed. by N.F. Demidov, N.V. Ustyugov. Moscow; Leningrad: Science Publ., 1949. 691 p. (In Russian)

14. Nabiev R., Khabutdinov A. Madrasah "Kargaly". *Islam in the European East: Encyclopedic Dictionary*. Ed. by R.A. Nabiev. Kazan: Magarif Publ., 2004, pp.199–201. (In Russian)

15. *Orenburg Territory – a multicultural transboundary region of the Russian Empire: a collection of documents: to the 250th anniversary of the birth of the outstanding military and statesman, Orenburg military governor Pyotr Kirillovich Essen*. Ed. by S.V. Lyubichankovsky. Orenburg: University Publ., 2021. 712 p. (In Russian)

16. *Complete collection of laws of the Russian Empire (PSZRI)*. Collection 1. Vol.6. no.3565. (In Russian)

17. *PSZRI*. Collection 1. Vol.7. no.4784, no.4828, no.5145. (In Russian)

18. *PSZRI*. Collection 1. Vol.8. no.5248, no.5316, no.5318, no.5334, no.5808, no.6174. (In Russian)

19. *PSZRI*. Collection 1. Vol.9. №6571, №6576, №6581, №6584, №6889, №6890. (In Russian)

20. *PSZRI*. Collection 1. Vol.10. no.7228, no.7278, no.335, no.7347, no.7733, no.7735, no.7800, no.7876. (In Russian)

21. *PSZRI*. Collection 1. Vol.11. no.8011, no.8111, no.8215, no.8392, no.8720, no.8847. (In Russian)

22. *PSZRI*. Collection 1. Vol.12. no.8893, no.8901, no.8920, no.9110, no.9174, no.9175. (In Russian)

23. *PSZRI*. Collection 1. Vol.13. no.9904, no.10156. (In Russian)

24. *PSZRI*. Collection 1. Vol.14. no.10222, no.10486. (In Russian)

25. *PSZRI*. Collection 1. Vol.15. no.11186. (In Russian)

26. *PSZRI*. Collection 1. Vol.27. no.21025. (In Russian)

27. Complete collection of resolutions and orders for the department of the Orthodox confession of the Russian Empire. Vol.10. 1738 – November 24, 1744. St. Petersburg: Synod Publ., 1911. 673 p. (In Russian)

28. *Complete collection of scientific travels in Russia, published by the Imperial Academy of Sciences at the suggestion of its president. Vol.4. Continuation of the Travel Notes of Academician Lepkhin. Part 3.* St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences Publ., 1822. 440 p. (In Russian)

29. Rakhmatullin U.Kh. *The population of Bashkiria in the 17th–18th centuries. Questions of the formation of the non-Bashkir population.* Moscow: Science Publ., 1988. 188 p. (In Russian)

30. Samigulov G.Kh. *From the history of Chelyabinsk. Book. 1. Fortress and provincial town from 1736 to 1781.* Chelyabinsk: Stone belt Publ., 2015. 140 p. (In Russian)

31. Collection of the Imperial Russian Historical Society (SIRIO). Vol.14. St. Petersburg: Second branch of the H.I.H. office Publ., 1875. 544 p. (In Russian)

32. SIRIO. Vol.147. St. Petersburg: A. Transhel Publ., 1915. 402 p. (In Russian)

33. Chernavsky N.M. *The Orenburg diocese in its past and present.* Proceedings of the Orenburg Scientific Archival Commission. Issue.7. Orenburg: Orenburg spiritual consistory Publ., 1900. Issue.1. Pp.156–174. (In Russian)

34. Cheremshansky V.M. *Description of the Orenburg province in economic-statistical, industrial and ethnographic relations.* Ufa: Orenburg provincial government Publ., 1859. 472 p. (In Russian)

About the author:

Voropanov Vitaly Aleksandrovich – Dr. Sci. (history), Head of the Department of Public Administration, Legal Support of State and Municipal Service, Chelyabinsk branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Chelyabinsk, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-4842-3526; e-mail: vvoropanov@yandex.ru

Received May 15, 2023

Accepted for publication July 28, 2023

Ссудная операция в проблематике ревизий
«надежности капиталов и касс» горнозаводских товариществ
казенных горных заводов (вторая половина XIX – начало XX вв.)

П.А. Орлов

*Челябинский филиал ФГБОУ ВО «Российская академия
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»
Челябинск, Российская Федерация*

В данной статье рассмотрены некоторые фрагментарно известные аспекты истории горнозаводских товариществ – первой отечественной институции, созданной в дополнение к государственным пенсионным гарантиям для отставных «свободных сельских обывателей» казенных горных заводов Кавказа, Урала, Карелии и Восточной Сибири.

При написании статьи были использованы материалы двух российских архивов и, преимущественно, дореволюционные авторские публикации в «Горном журнале» – официальном издании Горного ученого комитета.

Проблемные характеристики ссудных операций анализируются по содержанию выявленных фактов «небрежений» и «ущербов», расследовавшихся во время проверок деятельности Кусинского, Златоустовского и Саткинского товариществ в 1881, 1877–1884 и 1911–1913 гг. соответственно. Приведены показатели финансовой и материальной «устойчивости» системы товариществ как новообразования пореформенной эпохи.

Ключевые слова: Горный департамент, казенные горные заводы, горнозаводские товарищества, ссудные операции

Для цитирования: Орлов П.А. Ссудная операция в проблематике ревизий «надежности капиталов и касс» горнозаводских товариществ казенных горных заводов (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2023, Т.13, №3. С.46–59. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2023-13-3.46-59>

Drowning in (a sea of) red ink.
Идиоматическое выражение

В ходе реформы 1860-х гг. в Российской империи последовательно упорядочивались ведомственные издержки на цели казенного вспомоществования горнозаводскому населению. Одновременно с ликвидацией обязательной службы заводам, точнее «жительствовавшим» в них людям, было предоставлено право добровольно «скапливать из приходящих выплат»

средства для дополнительного обеспечения времени своей нетрудоспособности [11, с.31–32].

Предусмотренные по «Положению» 8 марта 1861 г. [14] *горнозаводские товарищества* за три десятилетия «сложились» в систему, коснувшуюся всех главных рудных и металлургических территорий страны – Терской области Кавказа, Урала, Олонецкой губернии и Забайкальской области [12, с.16–17, 23].

Как «необходимая при любом большом заводе или руднике» мера «попечения о рабочих в болезни, в старости, при несчастиях» «государственным» статусом в товариществе все же не обладала. Решение об учреждении такой структуры на конкретном предприятии должно было приниматься «всенепременно сообществом» занятых мастеровых, «по доброй воле оценивших выгоды членства в товариществе» и, главное, «согласных войти в него своими взносами». Поэтому, несмотря на достаточно энергичные «популяризаторские» усилия местных начальств [13, с.90–109], «устройство» к 1895 г. полутора десятков товариществ «со вспомогательными при них кассами» «случилось» более чем продолжительным [10; 9; 7; 1; 6].

Кассовые гарантии товариществ были «разнесены» на три группы – по отношению к самим участникам, их вдовам и детям, а зачислявшиеся по персональным счетам капиталы образовывали фонды пенсий «эмеритальных» (лично выслуженных), «вдовьих» и «сиротских». И поскольку вторая глава «Положения» 1861 г. содержала лишь принципиальные, «крайне краткие» условия членства, роспись базовых «пенсионных правил и устава» в каждом вновь открывавшемся товариществе препоручалась «тамошним заводским конторам». Дальше именно эти правила придавали смысл всякому взносу – соответственно «формуле его исчисления» в конечную величину товарищеской пенсии.

Профильные нормативные основания товариществ после 1861 г. редактировались неоднократно. Хотя с 1881 г. было введено «Временное положение о вспомогательных кассах» [17], многие возникавшие «вопросы и недоразумения» удалось разрешить лишь с выходом в 1893 г. «Положения о вспомогательных кассах горнозаводских товариществ казенных горных заводов и рудников» [18], которое, в свою очередь, также многократно правилось и дополнялось – в 1898, 1901, 1902, 1907 гг. [16; 19; 20; 21].

Однако с «постановкой» товариществ никуда не делись ни обязательства казны покрывать «ущербные» для мастерового следствия заводских работ, ни разного рода «помощи и провианты его иждивенцам» (по крайней мере – до появления пенсий по общероссийскому закону 15 мая 1901 г. [15], когда их «кавалерам» размер пенсии от товарищества был «переиначен» и уже не мог превышать половины «выслуженной там, пусть бы и полной»).

«Состоятельность» товарищеских капиталов формировалась из нескольких источников: 2-х или 3-х процентных вычетов «из жалованья и задельной платы за урочные (договорные) работы в заводе каждого члена

товарищества»; взносов конкретных заводоуправлений, равных совокупным суммам членских поступлений, сделанных в течение года всеми участниками нужной кассы; преференций от «обращения» части имеющихся у товариществ средств в сделках с банковскими процентными бумагами. Кроме того, со временем стали возникать и известные «потребительские доходы» от заготовления хлебных, мучных, других «магазинных припасов» и снабжения населения дровяными изделиями через «лесные склады» [22, с.312–323].

Хотя периодически некоторые балансовые показатели касс могли «опасно» меняться, платежеспособность системы товариществ проявилась именно в отсутствии фактов их закрытия, в частности «по причинам от слабости капиталов». А «упразднения товариществ», разумеется, место имели. Например, ввиду передачи предприятия «из казны»¹ (так «окончились» товарищества на Миасских промыслах, при Богословских заводах и в Турьинских рудниках) либо из-за закрытия самого предприятия (как вышло с Екатеринбургским монетным двором и Нижне-Исетским железоделательным заводом).

Ответственностью за полномочия товарищества был обременен коллегиальный *попечительский приказ*, чей председатель назначался заводоуправлением, а четверо членов избирались из товарищества. О «строгостях» этой ответственности можно судить по материалам специальных ревизий, проверявших качество «финансовых текущих решений», приказов и в целом «благополучие и перспективу» товарищеских авуаров.

Иллюстративными будут исследованные в данной статье три такие проверки – Кусинского, Златоустовского и Саткинского горнозаводских товариществ. Их документы, отличающиеся календарными «границами», «протяженностью» исполнения и «высвеченными» «неисправностями», позволяют понять характеристики «денежных ссуд» – весьма неоднозначной учрежденческой опции, «содержавшейся» в товариществах.

Формальное одобрение начала «*ссудосберегательной операции*» и «причисления выручки от нее» в источники дохода вспомогательных касс только в 1881 г. попало в §§ 34–45 «Временного положение», но «полезное для рабочего быта» распространение она получила все-таки раньше. И если пенсия за «лета и товарищеский стаж» сознавалась «горнозаводской массой» некой «отложенной» компенсацией «в завтрашней трудовой неспособности к существованию», то «каждодневные резоны» от товариществ находили свое широкое «приятие» именно из-за их деятельности в качестве «предоставителей» процентных ссуд [9, с.142–143; 7, с.412–413; 23, с.255].

Ссуды до 15 руб. должны были «разрешаться» попечительским приказом, до 50 руб. – управителем завода или, если испрашивались более

¹ Созданное в 1862 г. при Алагирском сереброрудном заводе и Садонском руднике товарищество действовало и после аренды завода [3, с.35].

полусотни рублей, окружным горным начальником. Доступная вне зависимости от «выслуги в товариществе» ссуда не могла превышать четверти годового оклада ходатая, должна была иметь «основательную причину», трех поручителей и выдавалась сроком на 3 года.

Имея право ссужать до трети капитала, товарищества, конечно, пробовали «налаживать» штатную бюрократию «о долгах и расчетах по ссудам». Тем более, что к началу 80-х гг. XIX в. большинство из них уже «отмерили», как минимум, 15-летнее развитие и мало-помалу начинали «вершить» свою прямую уставную цель – рассчитываться с «застрахованными» в их кассах пенсионерами. Последнее не было бы возможным без многих входящих требований Горного департамента об «упорядочении» и «приведении к единообразию» всей «финансовой и материальной стороны» попечительских приказов (см. табл. 1).

Таблица 1

**Избранные общие показатели горнозаводских товариществ
за первое пятилетие действия «Временного положения» 1881 г.
[2, с.281–341].**

Товарищество, основано	Показатель	1881 год	1885 год
Алагирское, 1.01.1862	Всего членов на 1 янв., чел.	5926	6562
Нижнетуриное, 1.05.1865	Капитал касс на 31 дек., руб.	457639,42 ³ / ₄	569862,55
Верхнетуриное, 30.03.1866	Доход от процентных бумаг, руб.	16483,44	18728,53
Саткинское, 1.04.1866	Доход от ссудной операции, руб.	9138	10423,64
Златоустовское, 14.04.1866	Сложено безнадежных ссуд, руб.	368,83	214,81
Баранчинское, 1.05.1866	Пенсионеров на 1 янв. / 31 дек., чел.	21/25	280/353
Серебрянское, 1.05.1866	[24, с.130,132]		
Каменское, 7.05.1866	Пособия постоянные, руб.	257,16 ¹ / ₂	2384,45
Нижнеисетское, 1.01.1867	Пособия временные, руб.	5303,9 ¹ / ₂	7856,88
Кушвинское, 1.12.1867			
Илимское, 1.03.1869			
Монетное, 1.05.1869			
Кусинское, 25.05.1869			
Воткинское, 1.01.1873			
Олонцеко, 1.07.1873			

Впрочем, приказы и без того «подлежали» ежегодным «ревизионным освидетельствованиям», выводы по которым «ставились для утверждения» на общие собрания товариществ. Комиссия с «самим» заводским управителем, смотрителем завода, бухгалтером и «каким-либо другим чиновником конторы» должна была «по акту» признать «буквальную надежность» расходования кассовых сумм и (или) нарушения чинов (должностных лиц) приказа.

Такая практика дается, в частности, в описании ревизии *Кусинского товарищества* за первое полугодие 1881 г.² На момент ее проведения в товариществе числилось 450 рабочих Кусинского железоделательного завода, капитал кассы «весил» порядка 19 тыс. руб., годовые траты на ее содержание достигли 439 руб., и еще 17 руб. были показаны расходами на «пособия временные».

Управитель завода, коллежский советник А.В. Андреевский [5], смотритель завода, коллежский секретарь П.А. Троян [5], бухгалтер заводской конторы (...) и коллежский секретарь Е.И. Падучев [5] выявили две критичные подробности³ – товарищество почему-то так и не обзавелось не только «тетрадью банковских билетов, облегчающей знать о внесенных по их купонам 5-процентных суммах со времени начатка кассы», но даже и «общей книгой своих членов»⁴.

В «худшем виде» инспекторы высказались о ведении товариществом бумаг по ссудам, объем которых «перевалил» за 6,8 тыс. руб. Были установлены, в частности:

- превышения допустимых величин, ссужаемых просителям («не должных выбиваться за четверть зарабатываемого» ими),
- непропорциональные доходам «взыскивания с должников», имеющих ссуды от приказа,
- случаи ссуд не членам товарищества,
- нерегулярности сверок долговых книг,
- отсутствие свидетельств «о погашении по ссудам», полученным, «например, еще в 1878 году»,
- отсутствие табели учета выспрашивающих ссуду членов товарищества «с указанием сроков и помесичных раскладов расчета с кассой».

По мнению проверяющих, «сим недостаткам деятельности» председателя, коллежского секретаря С.К. Кабанова [5] и всего приказа «потворствовали», в том числе, и «пропуски обязательных ревизий в 1878, 1879 и 1880 годах».

События же показали относительную «прочность» этого товарищества. За пятилетие, до 1886 г., при среднем заработке по Кусинскому заводу 97,50 руб., товарищество «на своего одного члена» ежегодно «оказывало» только 17 коп. в качестве временного пособия, в ссуду – не более 19,35 руб. [2, с.286,288]. И дальше, хотя и «не совсем правильно ссужая больше нормы» (за некоторые годы «и сверх половины наличных»), Кусинское товарищество, во всяком случае «по сравнению» с другими, «было даже умеренным». К 1893 г. в ссудную операцию здесь потратили 190 465,13 руб., в уплату по ней было принято 178 786,67 руб. и еще 10 606,19 руб.

² Архив Златоустовского городского округа (Архив ЗГО). Ф.И-19. Оп.1. Д.2947.

³ Архив ЗГО. Ф.И-19. Оп.1. Д.2947. Л.42–42 об.

⁴ Архив ЗГО. Ф.И-19. Оп.1. Д.2947. Л.43–43 об., 44.

стали «процентной прибылью»; весь же капитал кассы «от основания в 69-м году» возрос «почти что вчетверо» – до 71 421,92 руб. [24, с.55].

Так или иначе, июльская комиссия 1881 г. стала неким залогом «благодичиния» в товариществе, которое и наладилось без последствий для служивших тогда в его приказе лиц. Уже с 1883 г. приступив к «пенсионированию», в промежутке между 1902 и 1913 гг. товарищество в Кусе «испытало» лишь два «дефицитных» года [3, с.40].

Однако, несмотря на задание в § 8 «Временного положения» 1881 г. регулярно «корреспондировать» разным «вышним инстанциям» (конторам заводов, управлениям округов, Главной конторе, Горному департаменту и в Министерство государственных имуществ) о «необходимостях, видимых для сборки нормального⁵ (! – П.О.) положения о кассах», в конкретных пунктах «своих условий и заповедей» приказы товариществ оставались, до известной степени, автономными. И эта автономность не исключала «предлогов для настоящих лихостей».

Как раз таким перипетиям было посвящено судебное следствие о растрате в *Златоустовском товариществе*, продлившееся (еще и из-за преемственного гражданского иска) почти десять лет⁶.

По протоколу открытого уголовного суда Уфимской судебной палаты, история свелась к следующему⁷. «Прежде» 3-процентные взносы с заработных плат членов товарищества вносились в попечительский приказ через заводского казначея. Но в 1874 г., по инициативе Главной конторы Златоустовских заводов, этот порядок был изменен⁸ и «указанные % членам товарищества надлежало сдавать самим, непосредственно в приказ». Бывший в нем письмоводителем канцелярский служащий И. Рожков «скрыл уведомление Главной конторы» от руководящих лиц и в течение 1874, 1875, 1876 гг., получая членские и иные взносы, лично растратил «пришедшую сумму» в размере 744,68 руб.

Со слов И. Рожкова, «невзирая на огромность его подработ» («хранение авансовых и денежных книг», «производство по всей счетной части приказа», «заполнение табелей долговых счетов»), ни председатель, ни кто-либо еще от приказа «никогда не заглядывали в ведомые им бумаги» и

⁵ Архив ЗГО. Ф.И-19. Оп.1. Д.2515. Л.2.

⁶ Архив ЗГО. Ф.И-19. Оп.1. Д.3066.

⁷ Архив ЗГО. Ф.И-19. Оп.1. Д.3066. Л.4.

⁸ Причины этого решения в деле не показаны. Хотя товарищество в Златоусте было учреждено в 1866 г. для рабочих трех предприятий – железодельного завода, Оружейной и Князе-Михайловской сталелитейной фабрик, «первые пятеро человек заводских изъявили желание вступить (в него) лишь в начале 1871 г.». Всего за год, как говорится в рапорте Златоустовского управителя И.П. Иванова [5], в Уральском горном управлении «число таких охотников умножилось сразу до полста» [Архив ЗГО. Ф.И-19. Оп.1. Д.2515. Л.28–29 об]. Так что инициатива Главной конторы могла быть вызвана просто ростом «несообразной» канцелярской нагрузки.

«не интересовались движением» фондов товарищества. В суде деяния И. Рожкова «преступлением должностным» не сочли, поскольку «получение денег с кого-либо непосредственно в круг его обязанностей не входило». Но именно «должностным» было квалифицировано «служебное нерадение» председателя приказа, коллежского секретаря М.П. Фетисова [5], и членов приказа С. Фетисова, В. Рублева, Д. Арсентьева и С. Комарова.

За время разбирательств (с февраля 1877 по февраль 1884 гг.) их фигурант, 28-летний И.Рожков, скоропостижно скончался. Ответственность по возмещению «сделанных кассе товарищества убытков» была присуждена его родственникам. Лишенные должностей 61-летний председатель и члены приказа (56, 45, 39 и 59 лет) смогли-таки доказать следствию свою непричастность «к растрате», подтверждающуюся «не именем под руками правил точного делового порядка приказа, как и скрытого И. Рожковым отношения из главной конторы».

И все же суд определил, что поскольку «все названные были изблечены в негодном надзоре за И. Рожковым», то они – согласно 360-й статье «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных» – в равных долях ответят «за общий изъян», «если унаследованного после смерти И. Рожкова не хватит достаточно» для взыскания 744 руб. 68 коп.⁹

Надо думать, И. Рожков успел для покрытия растраты часть «своих имуществ» продать, так что, «умирая», не оставил ничего, «кроме нищего семейства»¹⁰.

На взгляд поверенного Главной конторы, почетного гражданина А.С. Бурмакина [5], в феврале 1887 г. числились еще 88,52 руб., которые «примерно чем за два года» и были взысканы у бывших председателя и членов приказа¹¹.

Но даже столь крупная сумма, присвоенная И.Рожковым, на положении Златоустовского товарищества не сказалась. В 1885 г., через год после следствия, в товариществе состояли 1 096 чел., капитал «вмещал» 84 161 руб., получателями товарищеских пенсий (стартовавших с 1882 г.) были 36 чел., на пособия временные потратили 1 184 руб., на ссуды – 27 329 руб. А в период с 1881 по 1893 гг. по ссудным расходам Златоустовская

⁹ Архив ЗГО. Ф.И-19. Оп.1. Д.3066. Л.7 об.

¹⁰ Архив ЗГО. Ф.И-19. Оп.1. Д.3066. Л.1.

¹¹ Но перед тем, в рамках «сборов» к гражданскому суду, под № 86 в книге записей актов домовладельцев Кусинского завода, приставом «было вызнано», что якобы «дом жительство И. Рожкова» («в заводской части по Никольской улитце, по общему плану под номером 88, в смежности всего 149 кв. сажень и 7,5 аршин пространства») «оказался, что состоит на вдове его», Л. Рожковой, по завещанию «от деда его и родного отца, её свекра» примерно с 1845-1847 гг. Хотя в книгах конторы Кусинского завода духовную не нашли (вставка карандашом – «не смотря на надлежащее хранение»), её смогли «стребовать» аж в 1888 г. в Мисских золотых промыслах у обывателя Ф. Мурзина, «хотевшего дом у И. Рожковой купить» [Архив ЗГО. Ф.И-19. Оп.1. Д.3066. Л.11 об.–12,21–22,25].

касса первенствовала, выдав 404 860 руб., собрав в уплату за них 377 399,3¼ руб. и еще 2 409,85 руб. – по просроченным возвратам. Вся же прибыль от ссуд принесла приказу 20 242,90 руб., «почти 60% того, что поступило на процентные банковские билеты» [24, с.50–52].

После ревизии коллежского асессора А.С. Бурмакина в марте 1911 г. возникла тяжба о «злоупотреблениях» в *Саткинском товариществе*¹².

Уже при выборочном «прокрикивании» нашли, что по личным счетам членов товарищества «значилось ссудных долгов менее», чем в «третних кассовых ведомостях» и в «главной книге» – за 1895 г. это неравенство набрало 50 руб., через 10 лет – 2 000 руб., а к концу 1910 г. оно превысило 3 700 руб. Для «доискивания причин» таких «минусов» сразу начали «детальную сверку всех папок, кряду за 16 лет», которая и подтвердила, что на начало 1911 г. из членских счетов долги за ссуды «образовали» сумму 11 796,96 руб., а в документах приказа по ним же «были проведены» 15 627,14 руб.¹³

Несмотря на «вообще крайнюю путанность здешнего счетоводства», ревизоры установили, что только за 1902 и 1905 гг. проверяемые данные «срослись», рекордными же по несовпадению вышли 1898, 1899 и 1901 гг. (1 137,04, 407,51 и 548,55 руб. соответственно). А при «посменном списывании» должников кассы с 1895 по 1910 гг. они «застали», что у некоторых «фиксировались уплаты не действительно удержанных, а больших сумм»; с другими «отчеркивалось погашение долга», когда на самом деле удержания не было вовсе; или же долги «с конца года на следующий» не переносились и «прощались»¹⁴.

Хотя первоначально предположили «непозволительную небрежность», далее тон мнений проверяющих стал резко меняться – а именно, после «открытия» того, как «ссуды выданные ставились в меньшей сумме против полученных», так что «натуральная цифра» недостачи рано или поздно объявлялась «ко взысканию» с члена товарищества. И этот вариант «приуменьшения долгов» оценили «из корысти злоупотреблением»¹⁵. К тому же, часть займов в «уплаченные» не попадала совсем, поскольку «ими ссужали неработающих в заводе членов товарищества», но деньги по ним присваивались «кем либо из служащих приказа»¹⁶.

Да и квитанционную книжку приказ «заимел» лишь в дни ревизии, раньше же никаких «надлежащих документов» в ссудных расчетах никогда не выдавалось. Свою «толику рабочей платы» плательщик доставлял непосредственно кому-нибудь в приказ, а полученную «об сем на лоскутке

¹² Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф.37. Оп.58. Д.702.

¹³ РГИА. Ф.37. Оп.58. Д.702. Л.1–1 об.

¹⁴ РГИА. Ф.37. Оп.58. Д.702. Л.2.

¹⁵ РГИА. Ф.37. Оп.58. Д.702. Л.1, 2, 4 об., 5.

¹⁶ РГИА. Ф.37. Оп.58. Д.702. Л.2.

бумаги» расписку нес письмоводителю В.С. Титову, который по истечении месяца готовил постановление о собранном «таким манером» на приход по кассе, сами же «лоскутки» уничтожал. Из-за того, что «единая заводская кладовая» открывалась только раз в две недели, какое-то время наличность оставалась у членов приказа или у самого письмоводителя. Вывод о «неутомимых растратах» подтвердился и фактически, когда «член приказа Стручков, в присутствии Бурмакина, вложил в кассу 13 руб., полученных им с должников товарищества больше года назад»¹⁷.

Проверка также выяснила, что «очевидный и при самом беглом знакомстве разлад в счетах» не чувствовался, так как никто из шести бывших Саткинских председателей, «вступая, в их цифры не вникал»¹⁸. На этом основании Управитель Златоустовского округа Н.Н. Приемский распорядился «истребовать рапорты» у занимавших председательский пост в январе-апреле 1897 г. и с мая 1899 по февраль 1910 г. помощника бухгалтера, канцелярского служителя П.И. Титова, отставного бухгалтера железоделательного завода А.С. Конева, а также у актуального председателя – письмоводителя заводууправления А.Ф. Коровина [5].

Ответы названных свелись к тому, что «принимая официю», «трогали» они главным образом «наличные в кассе и процентные билеты». Недоимки же расценивались ими «несомненными», так как:

а) делопроизводство товарищества и без того «периодически и внезапно» утверждалось комиссиями и собранием,

б) «вырешивание» ссуд было особо поручено служащему В.С. Титову, «которому оне безусловно доверяли».

Не признав ни за собой, ни за прочими «в их время» лицами приказа «злоупотреблений», найденный «бухгалтерский разрыв в 3 830,18 руб.» опрошенные «склонились ассоциировать» за небрежность.

Еще 14 человек, «моментами другой раз» связанные с приказом, показали, что они, «как малограмотные», «никогда никаких контролей не делали». Всей же миссией их было лишь, что случаями они «вели выдачи денег, положенных в ссуды и в пенсии членам товарищества» по табелям. А при скромном вознаграждении от приказа (до 45 руб. в год), вынужденные работать в заводе, они, если б и «знали канцелярию», то временем для ревизий не располагали¹⁹.

Дальше события направлял уже Горный департамент. В начале весны 1913 г. Н.Н. Приемскому было указано «командировать бóльшее число служащих Управления» для повторной «экзаменации» Саткинского товарищества (А.С. Бурмакин «караулил два года тому, а нарушения могли и продолжиться»), но вне зависимости от «ея результатов» исполнить действия по § 77 «Положения о кассах» – «отстранить виновных», предупре-

¹⁷ РГИА. Ф.37. Оп.58. Д.702. Л.2.

¹⁸ РГИА. Ф.37. Оп.58. Д.702. Л.3 об.

¹⁹ РГИА. Ф.37. Оп.58. Д.702. Л.4.

див «сокрытие ими своего имущества». Судя по письму Управителя округа от 27 мая, новая комиссия «вывела» практически те же 3 740,21 руб.²⁰

«Затруднившись» с отстранением приказа («производилась не обычная, предусмотренная «Положением» полугодовая/годовая ревизия, а за целых полтора десятка лет»), он попытался «выбрать» до 800 человек (! – П.О.) самих недоимщиков, но почти сразу же отменил это решение («многих сих уже и в живых нет, а другие рабочие, кто якобы с долгом перед кассой, говорят, что они, дескать, ссуды возвратили, о чем и есть отметки в их лицевых счетах»). С пунктом же 77-го параграфа об обязанности «ответственных за цельность сумм товарищества (хотя и не уличенных в расхищении их) немедленно пополнить оказавшийся недостаток» «сладилось» несколько иначе – экономией на вознаграждении его председателю и членам. Если в 1911 г. на них «ушли» 1 332 руб., то в 1912 г. – 834 руб., а в 1913 г. – 810 руб. [3, с.65–67].

К слову, товарищество при Саткинском железодельном заводе начало «выпускать» своих пенсионеров с 1882 г., к 1893 г. их стало уже 41 чел. – больше, чем где бы то ни было. В ссудной операции тогда «вращалось приблизительно по норме» средств кассы, затем количество ссуд понизилось [24, с.61]. Хотя в 1896 г. и изменили членские взносы с 2% до 3% [23, с.251], с 1906 г. Сатка «погрязла» не просто в «хронической», но в «прогрессирующей» дефицитности [3, с.40].

Подведем итоги. На протяжении всего длительного периода развития горнозаводские товарищества действовали как один их значимых субъектов социального вспомоществования рабочим стратегической отрасли отечественной промышленности [25; 26].

Для поддержки «благоденствия финансов» своих касс товарищества энергично пользовались доходными возможностями ссудных операций. Право на шестипроцентную ссуду, особенно на этапе начального «движения» товариществ, трактовалось в заводской среде чуть ли не за главное оправдание «выгодности» членства в них. Однако наращивание «пределов применения» капиталов товариществ именно в занятиях со ссудами не могло не сказаться на дополнительных рисках, уязвляющих их «денежную крепость». Как немаловажный, проявился здесь фактор субъективный, то и дело ставивший надежность товариществ в зависимость не столько от «математических эрудиций» местных руководств, сколько от их персоналий и личностных качеств «нравственного плана» [8, с.376].

Вместе с тем, исследованные подробности трех ревизионных проверок в конкретных уральских попечительских приказах позволяют говорить о системном «преуспейнии»²¹ товариществ, выдвинутых в «Положе-

²⁰ РГИА. Ф.37. Оп.58. Д.702. Л.5.

²¹ К 1914 г. товарищества имели превышающую 2 млн. руб. сумму общего кассового капитала, более чем 6 тысяч пенсионеров при около 23 тысячах участников (в т.ч. – 398 женщин) [3, с.42–43,91,103].

нии» 8 марта 1861 г. законной формой «устройства» судебных населения казенных горных заводов ведомства Министерства финансов [4, с.55–61].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Герасимов М.П.* Горно-заводское товарищество в Нерчинском горном округе // Горный журнал. 1875. Т.4. №10. С.95–116.
2. *Гопфенгаузен И.Д.* Обзор первого пятилетия действий временного положения о горнозаводских товариществах казенных горных заводов // Горный журнал. 1887. Т.2. №5. С.281–341.
3. *Гусятников С.П.* Очерк деятельности горнозаводских товариществ казенных горных заводов и рудников за 1902–1913 гг. // Горный журнал. 1915. Т.4. №11–12. С.29–107.
4. *Дегтярев Г.П.* Пенсионные реформы в России. М.: Academia, 2003. 336 с.
5. *Заблоцкий Е.М.* Личный состав Уральских горных заводов. Классные чины [Электронный ресурс]. URL: <http://rusmin.narod.ru/bioUral.html> (дата обращения: 28.02.2023).
6. *Кеппен А.П.* Вспомогательные кассы для горнорабочих (Горнозаводские товарищества) // Горный журнал. 1885. Т.1. № 2,3. С.271–332, 460–504.
7. *Колюпанов Н.П.* О горнозаводских вспомогательных кассах // Горный журнал. 1872. Т.2. №5–6. С.387–440.
8. *Латынин В.А.* О Нижнетуриинском горнозаводском товариществе // Горный журнал. 1865. Т.3. №9. С.345–381.
9. *Лоранский А.М.* О товариществах и вспомогательных кассах на горных заводах // Горный журнал. 1871. Т.2. №4. С.131–149.
10. *Михайлов П.* Несколько слов о вспомогательной кассе Богословского завода // Горный журнал. 1864. Т.4. №11. С.346–347.
11. *Новиков И.А.* Император Александр II в истории Южного Урала // Император Александр II и Южный Урал: сб. документов и материалов; сост., науч. ред. Н.А. Антипин. Челябинск: АО «Челябинский Дом печати», 2019. С.24–37.
12. *Орлов П.А.* Система горнозаводских товариществ казенных горных заводов в оценках современников – авторов «Горного журнала» (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Вестник ЧелГУ. Серия «История». 2013. Вып.56. №18(309). С.16–26.
13. *Побережников И.В., Бугаева С.Я., Дашкевич Л.А., Казакова-Апкаримова Е.Ю., Рукосуев Е.Ю., Уколова О.С., Шапошников Г.Н.* Профессиональные группы и общества как акторы российской позднеимперской модернизации (на материалах Урала второй половины XIX – начала XX в.). Екатеринбург: Институт истории и археологии УрО РАН; Банк культурной информации, 2016. 148 с. (Серия «Каменный пояс: взгляд сквозь тысячелетия»).
14. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собр. II. Т. XXXVI. №36719.
15. ПСЗ РИ. Собр. III. Т. XXI. №20087.
16. ПСЗ РИ. Собр. III. Т. XXII. №21186.
17. Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. (Собр. узак.) 1881. №74. Ст.492.

18. Собр. узак. 1893. №131. Ст.1068.
19. Собр. узак. 1898. №36. Ст.551.
20. Собр. узак. 1901. №85. Ст.1884.
21. Собр. узак. 1907. №8. Ст.873.
22. *Тигранов Г.Ф.* Горнозаводские товарищества казенных горных заводов и рудников в период с 1897 г. по 1901 год // Горный журнал. 1902. Т.4. №12. С.311–373.
23. *Тигранов Г.Ф.* Горнозаводские товарищества казенных горных заводов и рудников в трехлетие 1894–1896 гг. // Горный журнал. 1897. Т.4. №11. С.245–271.
24. *Тигранов Г.Ф.* Обзор деятельности горнозаводских товариществ при казенных горных заводах и рудниках в период 1881 по 1893 год // Горный журнал. 1895. Т.1. №1. С.42–141.
25. *Черноухов Э.А.* Социальная инфраструктура горнозаводских округов Урала в XIX в.: казенный и частный типы: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2016. 40 с.
26. *Шумкин Г.Н.* Мастерские казенных горных заводов XIX в.: проблема дефиниции социально-правового статуса // Человек в условиях модернизации XVIII–XX вв. Сборник научных статей. Екатеринбург: Институт истории и археологии УрО РАН, 2015. С.233–240.

Информация об авторе:

Орлов Павел Алексеевич – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры государственного управления, правового обеспечения государственной и муниципальной службы, Челябинский филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (Челябинск, Российская Федерация); ORCID: 0009-0008-8541-0733; e-mail: orloff1@yandex.ru

Поступила 18.05.2023

Принята к публикации 21.07.2023

Loan Operation in the Issues of Revisions of "Reliability of Capitals and Cashiers" of Mining Associations of State-Owned Mining Plants
(second half of the 19th – early 20th centuries)

P.A. Orlov

*Chelyabinsk branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
Chelyabinsk, Russian Federation*

This article discusses some fragmentary known aspects of the history of mining partnerships – the first domestic institution created in addition to state pension guarantees for retired "free rural residents" of state-owned mining plants in the Caucasus, the Urals, Karelia and Eastern Siberia.

When writing the article, materials from two Russian archives and, mainly, pre-revolutionary author's publications in the Mining Journal, the official publication of the Mining Scientific Committee, were used.

The problematic characteristics of loan transactions are analyzed by the content of the identified facts of "neglect" and "damages" investigated during inspections of the activities of the Kusinsky, Zlatoust and Satka partnerships in 1881, 1877–1884 and 1911–1913, respectively. The indicators of financial and material "sustainability" of the system of partnerships as new formations of the post-reform era are given.

Keywords: Mining Department, state-owned mining plants, mining associations, loan operations

For citation: Orlov P.A. Loan Operation in the Issues of Revisions of “Reliability of Capitals and Cashiers” of Mining Associations of State-Owned Mining Plants (second half of the 19th – early 20th centuries). *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2023, vol.13, no.3, pp.46–59. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2023-13-3.46-59> (In Russian)

REFERENCES

1. Gerasimov M.P. Mining-works association in the Nerchinsk mining district. *The Mining Magazine*. 1875, vol.4, no.10, pp.95–116. (In Russian)
2. Gopfenhausen I.D. Review of the first five years of the temporary provision on mining-works association of state mountain plants. *The Mining Magazine*. 1887, vol.2, no.5, pp.281–341. (In Russian)
3. Gusyatinikov S.P. Essay on the activities of mining-works associations of state mountain plants and mines for 1902–1913. *The Mining Magazine*. 1915, vol.4, no.11–12, pp.29–107. (In Russian)
4. Degtyarev G.P. *Pension reforms in Russia*. Moscow: Academia Publ., 2003. 336 p. (In Russian)
5. Zablotsky E.M. *The staff of the Ural mining plants*. Class ranks. URL: <http://rusmin.narod.ru/bioUral.html> (accessed: 28.02.2023). (In Russian)
6. Koeppen A.P. Auxiliary cash desks for mining workers (The mining-works associations). *The Mining Magazine*. 1885, vol.1, no.2–3, pp.271–332, 460–504. (In Russian)
7. Kolyupanov N.P. About auxiliary cash desks for mining workers. *The Mining Magazine*. 1872, vol.2, no.5–6, pp.387–440. (In Russian)
8. Latynin V.A. About the Nizhneturinsk mining-works association. *The Mining Magazine*. 1865, vol.3, no.9, pp.345–381. (In Russian)
9. Loransky A.M. About friendly societies and auxiliary cash desks at mining plants. *The Mining Magazine*. 1871, vol.2, no.4, pp.131–149. (In Russian)
10. Mikhailov P. A few words about the auxiliary cash desk of the Bogoslovsky plant. *The Mining Magazine*. 1864, vol.4, no.11, pp.346–347. (In Russian)
11. Novikov I.A. Emperor Alexander II in the history of the Southern Urals. *Emperor Alexander II and the Southern Urals: a collection of documents and materials*. Ed. by N.A. Antipin. Chelyabinsk: Chelyabinsk Publ., 2019. Pp.24–37. (In Russian)
12. Orlov P.A. The system of mining-works associations at the state mountain plants in estimates of contemporaries – the authors of "Mining Magazine" (second half

of the 19th – early 20th centuries). *Vestnik of Chelyabinsk State University. Series "History"*. 2013, Issue 56, No.18(309), pp.16–26. (In Russian)

13. Poberezhnikov I.V., Bugaeva S.Ya., Dashkevich L.A., Kazakova-Apkarimova E.Yu., Rukosuev E.Yu., Ukolova O.S., Shaposhnikov G.N. *Professional groups and societies as actors of Russia's Late Imperial Modernization (based on materials from the Urals in the second half of the 19th – early 20th centuries)*. Ekaterinburg: Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; Bank of Cultural Information, 2016. 148 p. (Series "Stone belt: a look through the millennia"). (In Russian)

14. *Complete collection of laws of the Russian Empire (PSZ RI)*. Collection.2. Vol.36. №36719. (In Russian)

15. *PSZ RI*. Collection 3. Vol. XXI. №20087. (In Russian)

16. *PSZ RI*. Collection 3. Vol. XXII. №21186. (In Russian)

17. *Collection of laws and orders of the government, published under the Governing Senate (Collection of laws and orders)*. 1881. № No. Art.492. (In Russian)

18. *Collection of laws and orders*. 1893. No.131. Art.1068. (In Russian)

19. *Collection of laws and orders*. 1898. No.36. Art.551. (In Russian)

20. *Collection of laws and orders*. 1901. No.85. Art.1884. (In Russian)

21. *Collection of laws and orders*. 1907. No.8. Art.873. (In Russian)

22. Tigranov G.F. The mining-works associations of state mountain plants and mines in the period from 1897 to 1901. *The Mining Magazine*. 1902, vol.4, no.12, pp.311–373. (In Russian)

23. Tigranov G.F. The mining-works associations of state mountain plants and mines in the three-year period 1894–1896. *The Mining Magazine*. 1897, vol.4, no.11, pp.245–271. (In Russian)

24. Tigranov G.F. Overview of the activities of mining-works associations at state mountain plants and mines in the period 1881 to 1893. *The Mining Magazine*. 1895, vol.1, no.1, pp.42–141. (In Russian)

25. Chernoukhov E.A. *Social infrastructure of the mining districts of the Urals in the 19th century: state and private types*: Dissertation abstract for a Doctor of Historical Sciences. Ekaterinburg, 2016. 40 p. (In Russian)

26. Shumkin G.N. Workmen of state mountain plants of the 19th century: the problem of defining social and legal status. *Man in the conditions of modernization of the 18th–20th centuries. Collection of scientific articles*. Ekaterinburg: Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 2015. Pp.233–240. (In Russian)

About the author:

Orlov Pavel Alekseevich – Cand. Sci. (history), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Public Administration, Legal Support of State and Municipal Service, Chelyabinsk branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Chelyabinsk, Russian Federation); ORCID: 0009-0008-8541-0733; e-mail: orloff1@yandex.ru

Received May 18, 2023

Accepted for publication July 21, 2023

Оспопрививание в Оренбургской губернии

С.В. Голикова

Институт истории и археологии УрО РАН

Екатеринбург, Российская Федерация

Автор изучает историю оспопрививания в Оренбургской губернии второй половины XIX – начала XX вв., которая рассматривается им на фоне заболеваемости оспой. Развитие иммунизации от оспы на этой восточной окраине характеризовалось положительной (хотя и нестабильной) динамикой и медленными, чем в Европейской России, темпами. Причины сложившегося положения крылись в организационных неурядицах и наличии многочисленных антипрививочников (инородцы, казаки, старообрядцы, переселенцы). Первая мировая война негативно повлияла на результаты иммунизации и развитие эпидемий оспы в крае.

Ключевые слова: вакцинация, эпидемия, иммунизация, оспа, оспенный детрит, Оренбургская губерния

Для цитирования: Голикова С.В. Оспопрививание в Оренбургской губернии // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2023. Т.13, №3. С.60–77. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2023-13-3.60-77>

Последние крупные изменения в составе Оренбургской губернии, следствием которых стало появление в России в 1865 г. новой административно-территориальной единицы – отделение Уфимской губернии, включение Оренбургского казачьего войска и упразднение кантонной системы управления у башкир, несомненно, являются частью Великих реформ. Тогда реформированию подверглось многое, в том числе и оспопрививание. Оно было передано местному самоуправлению, и его функционирование и дальнейшее распространение все меньше опиралось на принуждение. Оренбургская губерния в новых границах, единственная из уральских не имевшая до 1912 г. земства, вошла во второй эшелон губерний, где развивалась вакцинация от натуральной оспы в крае.

Этим значение ее исторического опыта в данной сфере не ограничивается, поскольку в примерно таких же условиях находились огромные территории и проживающее на них значительное население так называемой «Азиатской России». При недостаточной изученности такого явления, как вакцинация от оспы на региональном уровне (даже в земских губерниях и в пореформенный период), обращение к его истории в Оренбуржье расширяет представления об иммунопрофилактике в России.

Вышеперечисленные события наложились на кризис оспопрививания, который к середине 1860-х гг. обозначился во всем мире: человеческая («гуманизированная») лимфа, ставшая после признания открытия

Э.Дженнера основным прививочным материалом, дискредитировала себя (выяснилось, что через нее передавался ряд заболеваний, в первую очередь сифилис), а превалирующая технология прививки – «с ручки на ручку» – давала мало даже такой опасной субстанции. Кроме того, лимфа быстро портилась, довольно скоро инактивировалась – теряла способность прививаться (и ее приходилось обновлять с помощью, как оказалось, редко встречающейся коровьей оспы). С таким средством на обширных территориях России не приходилось надеяться на поголовную вакцинацию. Привиться от оспы было проще в городах, особенно столичных, в которых существовали воспитательные дома. Принимаемых в них младенцев обязательно вакцинировали, и детская «ручка», с которой можно снять оспенную «материю», имела там почти всегда (тем более для этого не требовалось согласия родителей). Огромные воспитательные дома обеих столиц стали главным поставщиком человеческой лимфы и в провинцию, но до сельской, особенно окраинной местности она редко доходила свежей и в достаточном количестве. Вакцинация застопорилась благодаря растущему сопротивлению ретроградов, скепсису образованных лиц и равнодушию основной массы населения.

1870-е гг., в которые мир вступил с недоверием к старому и в поисках нового прививочного материала, озаменовались крупными и грозными оспенными эпидемиями. Достигли Оренбургской губернии. У жителей села Слоновка Оренбургского уезда, по данным И.Невского, дети гибли от оспы в 1872–1873, 1875 и 1878 гг. [18, с.660]. «Не первый год такое бедствие постигает наше селение: редко проходит год, чтобы не было оспы...», – соглашался с его сведениями священник Д.Синицкий [38, с.704]. Эпидемически неблагополучными Н.И. Летуновский называл весну и лето 1872 г. Тогда медики выявили 1502 заболевших, но инфекция «протекала большей частью в легкой форме», и умерших насчитали 310 человек [16, с.200–202]. В январском номере следующего года в «Оренбургских епархиальных ведомостях» предупреждали об «основательном поводе опасаться большого развития появившейся у нас оспенной эпидемии» [17, с.45]. Однако уровень заболеваемости оказался ниже, были лишь эпидемические очаги. Один из них описывал священник Синицкий: «Уже несколько месяцев как оспа существует в нашем селении. Много детей умерло от нее; нет того дня, чтобы не пришлось похоронить несколько детей, умерших от оспы. Некоторые родители в короткое время лишились нескольких детей. Жаль смотреть на бедных детей: не день и не два они страдали, а многие – двенадцать, пятнадцать, некоторые даже восемнадцать дней горели от оспы...» [38, с.703].

В 1875 г. подъем заболеваемости продолжался с лета до конца года, оспа протекала в более тяжелой форме (с температурой до 40–41°C и выше, бредом и коматозным состоянием) и дала весьма значительный процент смертности: из 1148 заразившихся умерло 714 человек [15, с.200–202]. В Оренбургском уезде эпидемия «свирепствовала» по всему Гнез-

довскому приходу и среди жителей станицы Донецкой «унесла в могилу много малюток», а оставшихся в живых превращала в калек: они «по выздоровлении делались слепыми» [52, с.591; 53, с.563]. Подсчитанные Летуновским цифры летальности оспы – 62,1% от всех заболевших ею и 61,7% от всех умерших в тот год – дают представление о высокой вирулентности возбудителя [15, с.201].

В следующем году эпидемическая волна пошла на спад, который продолжился и в 1877 г., однако с неприятной особенностью. Медицинский департамент МВД отмечал: «...течение болезни было вообще менее тяжкое, чем в прошлом году, но дети моложе года не переносили ее и погибали в самом первом периоде» [25, с.8]. Всего за год было выявлено 134 больных, половина которых (68 человек) погибла (то есть процент смертности, в отличие от уровня заболеваемости, не спадал), тогда назвали единственный эпидемический очаг – оспа «господствовала» в Донецком юрте Оренбургского уезда «между детьми киргизов до 10-летнего возраста» [25, с.11]. Летуновский заявлял, что «более широкому проявлению эпидемии натуральной оспы в здешней губернии благоприятствует то обстоятельство, что многие жители ее, особенно инородцы, не сознают важности прививки предохранительной оспы» [15, с.202]. Уклоняясь от этой профилактической меры, они становились жертвами эпидемии и способствовали ее распространению среди местного православного населения. По данным клира станицы Донецкой (иное название того же юрта), на эту инфекцию, возникшую в августе и продолжавшуюся всю осень, пришлось 9% умерших за весь год [53, с.563]. К концу десятилетия уровень заболеваемости варьировался, а смертность оставалась высокой: в 1878 г. из 1773 больных умерло 787 [26, с.10]. В следующем году территория распространения болезни сократилась – она «преимущественно наблюдалась в Оренбургском и отчасти в Орском уезде» – и число заболевших ею уменьшилось: в первом – болело 434, во втором – всего 30 человек. Однако доля смертных случаев составила в Оренбургском уезде 56,91%, а в Орском – 63,33% [27, с.28].

«Оренбургские епархиальные ведомости» самым надежным средством защиты от заражения натуральной оспой считали «привитие предохранительной оспы (вакцинацию) и повторение этой меры (ревакцинацию)». Однако население, на личном опыте познав дефекты человеческой лимфы, не спешило с ними согласиться. «Крестьяне, – заключал отчет медицинского департамента МВД, основанный на донесениях врачей губернии, – на эту меру не обращают внимание и не видят в ней средства, могущего сохранить жизнь или, по крайней мере, здоровье ребенка...». «Если случится, что после привития предохранительной оспы ребенок заболеет натуральной, – говорилось далее в отчете, – крестьяне прямо выводят заключение, что оспопрививание ни к чему не ведет и можно обойтись без него» [27, с.28].

С медиками в оценке взглядов прихожан были согласны священники: Д.Синицкий в своем «Наставлении...» разбирал типичный случай: «...вот, говорите вы, такому-то прививали оспу, а натуральная таки была». И хотя

врачи считали, что «ни доводы и советы, ни последствия натуральной оспы» сельское население губернии не убеждали, батюшка искал для своей паствы «рациональные объяснения подобных случайностей». «Бывает, – говорил он, – но только в таком случае, если прививная или вовсе не привилась, или слабо привилась, а это бывает от того, что не поберегли дитя и застудили оспу, или, быть может, оспа была несвежая». Главным же его аргументом стал следующий: «После первого неудачного привития можно привить оспу второй и даже третий раз». В заключении он констатировал: «...с того времени, как нашли этот способ, и разумные люди стали прививать оспу, – с того времени редко случается, чтоб какое дитя померло от оспы у сколько-нибудь образованного человека. Только простолюдины до сих пор все еще бедствуют от этой болезни» [38, с.704–706].

При росте противодействия широких слоев населения губернии вакцинации, ее следовало, скорее, рассматривать как меру борьбы с эпидемией, а не меру ее предотвращения. Силы прививочной кампании были направлены в районы, наиболее сильно страдавшие от инфекции, и здесь, по оценке медицинского департамента МВД, она в 1879 г. проходила «порядочно»: 142 оспопрививателям удалось привить 26922 лиц, то есть каждый из них в среднем сделал до 190 удачных прививок [27, с.28]. Далеким от профилактики ее значение оставалось и в следующем десятилетии, когда перспективы нового прививочного материала стали проявляться. Переход от гуманизированной лимфы на животные вакцины породил массу вопросов: достаточно неплохо у человека приживалась свежая телячья лимфа, но прививать ею приходилось прямо с живого теленка всего несколько дней; она также плохо сохраняла свои свойства (как при пересылке, так и при заражении ею новых животных в оспенном телятнике) и передавала ряд заболеваний. Способ получения оспенного детрита путем соскабливания пустул с живота привитого теленка был предложен еще в 1870-е гг., но еще предстояло решить проблемы длительного хранения и обеззараживания этого являвшегося продуктом распада оспенных пустул препарата, прежде чем он занял место основного прививочного материала. Пока же в Оренбургской губернии продолжали обходиться человеческой лимфой и традиционными средствами давления. Медицинский департамент МВД отмечал: «Почти постоянно приходится оспопрививателям прививать оспу и снимать лимфу с привитого для привития другим, с помощью сельской полиции» [27, с.28]. Привлекать последнюю разрешалось только в период эпидемии.

В 1881 г. удалось вакцинировать более 30 тыс. человек [28, с.55], и вокруг этой цифры число привитых держалось первую половину-середину 1880-х гг., а эпидемический процесс шел своим чередом, породив крупнейшую вспышку 1882 г., когда было зафиксировано 3548 заразившихся и 1343 умерших, то есть летальность составила 37,8%. Медики считали, что инфекцию из внутренних губерний занесли крестьяне-переселенцы [29, с.23, 39]. Затем три года продолжался спад, сменившийся в 1886 г. подъе-

мом с пиком в следующем году, который по размерам заболеваемости (1763 человека) и смертности (727 человек) оказался вдвое меньше значений 1882 г. [19, с. 39]. Доля смертей также варьировалась, но ниже одной пятой части заболевших не опускалась и в 1889 г. являлась практически аналогичной 1882 г., равняясь 38%. К этому времени произошли подвижки в использовании прививочного материала: в Оренбуржье переходили на телячий детрит, получая его из столицы от Вольного экономического общества. Медицинское начальство, однако, не удовлетворяло его качество и отсутствие средств как на покупку препарата у земских или частных поставщиков, так и на «устройство телятников в двух-трех пунктах губернии для снабжения свежей оспенной лимфой врачей, фельдшеров и оспопрививателей» [30, с.37].

Последнее власти исправили довольно быстро: в 1886 г. открывается войсковой телятник в г. Уральске, который «в усиленных размерах» начинает заниматься оспопрививанием среди казачества [1, с.186]. Преобразование в 1888 г. штата сельской врачебной части губернии позволило в следующем году открыть телятник в г. Оренбурге и получать детрит непосредственно на месте [21, с.38]. Новый материал для вакцинации существенно повысил процент прививаемости и сделал целесообразным для контроля за ней подсчет неуспешных случаев. По данным «Обзоров Оренбургской губернии» конца 1880-х гг., на их долю приходилось всего 2,23–2,67% [20, с.42; 21, с.38]. Рост числа привитых, достигнув в 1888 г. почти 34 тыс. человек, а в следующем перевалив за 36 тыс. [20, с.42; 21, с.38], все четче выявлял не расположенные к постановке прививок группы населения. Пока власти беспокоили элементы, ведущие кочевой образ жизни, к которому в условиях колонизации данной территории прибегали и мигранты. «Обзор...» за 1888 г. сообщал: «...инородцы и разного рода переселенцы, не имеющие оседлости в губернии, тоже не прививают предохранительную оспу детям, с которыми блуждают по целой губернии». «Эти то бездомные», по мнению его составителей, служили «главными факторами распространения заразы». Однако пристальное внимание местной администрации приходилось уделять и приверженцам старой веры, также уклонявшимся от вакцинации своих детей. Процедуру прививки они приравнивали к постановке печати антихриста и саму иммунопрофилактику от оспы считали грехом [20, с.46; 21, с.40]. «Как на признак пришествия антихриста» указывали на привитие оспы старообрядцы Костылевского прихода Челябинского уезда. Деревни Клоктухина и Белоногова, в которых они проживали, оставались «местом постоянной оспенной эпидемии» и служили «центром распространения заразы». Этим вредное влияние на эпидемическую ситуацию староверческой идеологии не исчерпывалось, поскольку, по словам местного клира, «живя среди раскольников, и православные твердо держатся того мнения, что оспа – “печать антихриста” и прививать ее детям, значит добровольно отдавать их на служение ему» [13, с.583–584].

Вакцинофобии было подвержено и казачество, традиционно в Оренбуржье исповедовавшее единоверие и раскол. Н. Бородин признавал, что иммунизация остается «в войске пока еще только в зародыше» именно по этой причине: «...казаки до сего времени относятся к оспопрививанию очень недоверчиво, считают грехом прививать оспу своим детям («антихристова печать») и оставляют их на жертву оспы» [1, с.185–186]. В 1881 г. она в станице Донецкой «поражала малюток» и даже взрослых, поскольку тех не привили в свое время, в 1886 г. здесь вновь наблюдалась большая смертность детей от эпидемии «гнилой оспы» [53, с.564]. В ноябре и декабре 1882 г., когда в губернии свирепствовала оспенная эпидемия, казаки Брединского поселка также потеряли «очень много детей» [12, с.727].

Последние годы XIX в. показали связь оспенных эпидемий с продовольственной безопасностью губернии. Иммуитет ее жителей, после недородов конца 1880-х гг. и Великого голода 1891–1892 гг., стал добычей не только холеры, но и многих других инфекций, в том числе оспы. В 1892 г. было зафиксировано почти 3 тыс. больных ею, что оказалось ниже только сильнейшей вспышки 1882 г. Однако смертность от оспы во время голодовок стала выше – умерло 1210 человек, следовательно 41,4%. В станице Донецкой следующий, 1893 г., оставался еще «тяжелым для малюток» и привел к большой смертности детей, в частности и от оспы [53, с.566]. Затем заболеваемость пошла на спад, составив в 1896 г. по губернии всего 564 человека, однако в 1899 г. после сильного голода предыдущего года последовал ее подъем до 1317 человек [24, с.38; 39, с.47]. П.Чижев указывал: зимой 1898–1899 гг. в Гнездовском приходе Оренбургского уезда «много малюток умерло от оспы» [52, с.591].

Вакцинация же на фоне флуктуаций в развитии эпидемий уверенно росла, достигнув в 1895 г. почти 45 тыс. человек, а в 1899 г. перешагнув рубеж в 50 тыс. (51206 человек) [23, с.48; 39, с.47]. Процент неудачных прививок, конечно, мог повышаться, но не на много – например, в голодный 1892 г. он возрос до 3,35% [расчет по: 22, с.41]. К началу XX в. губерния полностью завершила переход на оспенный детрит. Если в 1891 г. медицинский департамент МВД сообщал, что для прививок здесь используют как гуманизированную лимфу, так и детрит, который получали из губернского центрального телятника (а на следующий год стали выписывать еще из г. Самары), то в 1899 г. местная администрация заявляла, что «для вакцинации употреблялся исключительно оспенный детрит, который приготавливался в губернском центральном телятнике, содержанием на средства губернского земского сбора». В 1902 г. его производительность исчислялась 2304 баночками детрита, который был снят с 17 привитых телят [2, с.143; 31, с.156; 39, с.47; 42, с.21].

Обретение надежного и массового материала для вакцинации все больше превращало ее в меру предупреждения эпидемий – о чем говорит и развитие ревакцинации, которая из единичных случаев выросла в губернии до статистически значимого явления, завершив тем самым формирование

набора показателей по учету иммунопрофилактики. Его составляли данные о количестве новорожденных в сравнении с числом поставленных, неудачных и повторных прививок. В 1902 г. ревакцинировали 1811 человек, в 1909 г. – 5138 (преимущественно учащихся) [40, с.40; 41, с.36]. Однако по причине идеологических и организационных недостатков российской системы иммунизации всегда находилось достаточное количество непривитых, служивших резервуаром для новой вспышки инфекции. Хотя с началом XX в. и в этих вопросах в Оренбургской губернии наметились улучшения. Согласно наблюдениям П.Чижева, переселенцы на хуторах Екатериновского прихода Оренбургского уезда уже сами «высказывали нужду в оспопрививателе» и, не дождавшись медицинской помощи (фельдшер до них не доезжал), вынуждены были «неумелыми руками, сняв натуральную оспу с овцы или коровы, прививать ее детям». Неловко сделанный надрез извлекал из руки младенцев «слишком много крови, струйка которой препятствовала пройти внутрь прорезанной ранки прививаемому средству». От «плохой оспы и доморощенной операции» дети долго болели и нередко заражались натуральной оспой. От нее, по словам Чижева, «много здесь малюток умирает преждевременно, а иные становятся слепыми» [51, с.205].

Удалось сломить упорное сопротивление прививкам в заштатном городе Оренбургской губернии – Илецке. В 1887 г. в отчете медицинского департамента МВД приводили его в качестве примера населенного пункта, жители «которого уже несколько лет отказываются от вакцинации и сильно страдают от оспы», а через пять лет констатировали: «В г. Илецкой Защите оспопрививание совсем не производилось» [30, с.51]. Бытописатель города П.Чижев признавал сложившееся положение и называл его причину: «В разное время низшее сословие много лишилось малюток от заболевания оспой, не предупреждая эту болезнь прививкой, что почитают за величайший грех и называют печатью антихриста». Однако он считал, что «с распространением грамотности это поверие мало по малу слабеет», уменьшая процент умирающих от оспы» [50, с.534]. Аналогичные процессы намечались в среде местного казачества. В 1905 г. А.Лоскутов отмечал: В Уральском казачьем войске еще недавно «почитали за великий грех такие благодетельные для человечества вещи, как привитие оспы» [16, с.601]. А по отделам Оренбургского казачьего войска вакцинация развивалась неравномерно: традиционно запаздывал третий – Троицкий, в котором, по сравнению с первым – Оренбургским, где в 1908 г. привили 87,4% всех новорожденных, и вторым – Верхнеуральским, где в 1909 г. удалось поставить прививки даже 89,7% родившимся, вакцинировали от 46,7 до 60% младенцев [33, с.75; 34, с.74].

На фоне позитивных изменений в восприятии вакцинации росло число привитых: в 1906 г. оно перевалило за 55 тыс. человек. Однако в следующем году этот показатель удалось превзойти почти в 2,5 раза и сделать более 134 тыс. прививок (максимум досоветского периода) [44, с.26; 45, с.30]. Происходило это в условиях роста заболеваемости и активизации (в

связи и с этим) иммунопрофилактики, особенно в столице губернии. В 1907 г. в связи с учреждением в г. Оренбурге должности специального санитарного врача заведение оспопрививанием перешло к нему: вводилась карточная регистрация вакцинаций, между тремя городскими оспопрививателями разделили окраины, обход домов непривитых должен был совершаться 2 раза в год (весной и осенью), также они должны были прививать всех не получивших вакцину детей.

В остальное время они работали «во всех пожарных и полицейских частях, в доме неимущих, в ассенизационном обозе, во всех приютах и школах, а также во всех домах, где появлялись случаи оспы в течение года и по соседству с этими домами». Лечебные учреждения города также продолжали заниматься вакцинацией. Детрит в расчете на всю губернскую столицу выписывал и хранил у себя санитарный врач, предпочитая заказывать его небольшими партиями (чтобы иметь всегда свежим) в орловском телятнике С.К. Живописцева (считавшемся лучшим в России) и признавая его качество «превосходным». Преобразование в организации иммунопрофилактики позволило в разы (даже по сравнению с последним нереволуционным 1904 г.) увеличить в городе количество поставленных прививок: с 2525 до 6750 [32, с.5, 12, 26–27].

В губернии же 1907 год по данной инфекции оказался весьма неблагоприятным. Санитарный врач г. Оренбурга отмечал: «...оспа... в текущем году уносит так много жертв в других городах и селениях...». По сведениям медицинского департамента МВД, в губернии их число составило 1569 смертей, а в следующем году – 14499 [45, с.4; 46, с.4]. Цифры, конечно, были меньше показателей начала века, когда в 1902–1904 гг. от инфекции умирало от 2428 до 2964 человек, но в довоенное время это оказался последний подъем смертности от оспы, которая в дальнейшем не поднималась выше 539 человек (данные 1913 г.) [42, с.4; 43, с.4; 48, с.4]. «В виду опасности появления эпидемии» в столице губернии, врач настоял, чтобы «оспа была привита поголовно всем учащимся в 17 городских приходских училищах и церковно-приходских». Весной полностью привили учеников мужских и женских мусульманских школ. Осенью, чтобы подготовиться к эпидемии следующего года, врач собирался усилить вакцинацию, предполагая «привить всех учащихся в городских училищах, ремесленном и всех средних учебных заведениях». В результате эпидемического порога по оспе Оренбург не перешел: «...оспенной эпидемии нет еще, может быть она еще до нас не дошла, может быть она не развилась у нас вследствие усиленного оспопрививания и вновь принятого порядка посылки оспопрививателей в дома, где появилась оспа, и в соседние с ними, благодаря которому заметно удавалось обрывать эпидемию с самого начала» [32, с.27].

Быстрое реагирование на единичные заболевания применяли и в 1910 г. Когда летом городской санитарный врач доложил о появлении в четвертой – окраинной – части города 2 случаев натуральной оспы, санитарная комиссия постановила: детей поместить в больницу, в школах, ко-

торые они посещали, произвести дезинфекцию, а также заверила: «...будет расклеено объявление, в котором сообщается населению, что в городе натуральная оспа и указывается, где можно бесплатно привить оспу» [36, с.30]. В санитарно-статистическом отчете Оренбурга за 1909 г. констатировался явный успех вакцинации и ревакцинации: «если натуральная оспа появляется, то она не может развиваться за неимением для нее материала», поскольку «весной делается прививание по дворам городскими оспопрививателями; наконец, осенью предохранительную оспу во второй раз прививают каждому поступающему в школу». Городское общественное управление с гордостью сообщало: «Оспопрививание производится у нас бесплатно во всех амбулаториях» – и собиралось в дальнейшем его совершенствовать [37, с.8]. Изменения в организации иммунопрофилактики происходили и в Оренбургском казачьем войске. Там отказались от оспопрививателей и к 1911 г. вакцинирование под надзором врачей перешло к фельдшерам, которые занимались им 2 раза в год (весной и осенью). За каждую удачную прививку из станичных сумм им в виде премии начислялось 15–20 коп. [35, с.77].

Медицинское сообщество России давно ратовало за введение обязательного оспопрививания. В санитарно-статистическом отчете г. Оренбурга по этому поводу указывалось: «...натуральная оспа, уничтожающая наши северные народности, в прежнее время также уносила очень много жизней во всей Европе; теперь в целом ряде государств нет почти совсем натуральной оспы, так как борьба с ней сделалась задачей государственной, введено обязательное оспопрививание, и оспы не стало» [37, с.8]. Золотой стандарт такой государственной системы к тому времени включал закон об обязательном оспопрививании новорожденных и ревакцинацию с опорой на всеобщее начальное обучение с поступлением в школу и всеобщую воинскую повинность с отправлением на военную службу. Центральный оспопрививательный институт курировал и контролировал свои филиалы на местах, поставлял им маточный детрит. Телят перед оспопрививанием обязательно проверяли на туберкулез и сап, а по снятии с них детрита вскрывали, чтобы не пропустить другие опасные заболевания. Готовый детрит для установления качества проходил три серии проверок: бактериологический посев, пробы на животных и прививку людям (как правило, воспитанникам детских домов). Пакет подобных законопроектов для России разработала междоудомственная комиссия по пересмотру врачебно-санитарного законодательства. Однако вместо них 21 июня 1914 г. принимаются новые Правила (или Положение), по которым были обязаны вакцинироваться значительные группы населения: с 1916 г. прививку требовали поставить всем лицам, «состоящим на государственной и общественной службе и поступившим в частные учебные заведения, для всех постоянных заводских фабричных и промышленных рабочих» [14, с.1].

С лета 1914 г. оспопрививание губернии развивалось в изменившихся условиях – законодательные новшества и вступление России в Первую

мировую войну, – воздействовавших на него весьма неоднозначно. С одной стороны, молодое оренбургское земство в смету 1916 г. заложило средства на устройство собственного телятника, поскольку было обязано бесплатно прививать перечисленный Правилами контингент. С другой стороны, вакцинация всегда являлась затратным, с точки зрения финансовых и людских ресурсов, мероприятием, результаты которого в Оренбуржье нуждались в дальнейшем укоренении. Земцы оценивали их достаточно трезво: несмотря на «все более и более проникающего в народ убеждения пользы этой меры», легко потерять и ту «малую веру в пользу привития оспы, какая есть в населении, да и матери почти поголовно сопротивляются против повторности прививки оспы грудным детям» [14, с.1–2]. Последнее замечание подтверждается и статистикой неудачных прививок, доля которых в XX в. возросла, и процент удачных не поднимался выше 93,2% (показатель 1909 г.), а в 1914 г. вообще упал до 77,2% [расчет по: 47, с.30–31; 49, с.62–63]. При перенаправлении же всех средств на нужды фронта потенциал созданной к тому времени региональной системы иммунопрофилактики заметно сокращался, а риски заноса инфекции и ее распространения, напротив, возрастали.

Оренбург – как и другие крупные города страны – стал местом формирования воинских контингентов, а скопление мобилизованных усугубляло эпидемиологическую обстановку в нем. Старший врач губернской земской больницы в марте 1915 г. информировал свое начальство о том, что «за последние дни резко поднялось количество больных с острозаразными заболеваниями и барак, очищенный от сыпнотифозных..., пришлось заполнять больными корью, скарлатиной и оспой». Отказать им медики не могли, поскольку все они «доставлялись из общежития для военнообязанных и в очень тяжелом состоянии» [4, с.48]. Появившиеся в Оренбуржье в связи с войной новые группы населения – интернированные, беженцы – также вносили свой вклад в повышение заболеваемости. 23 апреля 1915 г. оспа появилась «среди военнообязанных, проживающих в гор. Илецкая Защита», а именно у 2 «австрийскоподданных», 27 апреля там же «вновь заболела натуральной оспой военнообязанная германская подданная Анна Куршиц, 10 лет отроду». Наряду с Илецком давали о себе знать и другие «старые» оспенные очаги губернии. Земский врач Сухоборского медицинского участка Челябинского уезда сообщал, что на 1 мая 1915 г. в селе Журавлиная слобода Кочердыкской волости насчитывалось 15 больных, и все из семей старообрядцев, «так как они по своим религиозным убеждениям отказывались от производства оспенных прививок их детям» [5, с.55–56]. 7 июня в деревне Белоноговой Косулинской волости – еще одном центре староверия, находившимся в ведении уже Становского медицинского участка того же уезда – врачам было известно о 3 случаях заболевания оспой [7, с.32]. Затем она начала расползаться по участку, и 26 июня первый случай заболевания ею случился в с. Косолаповом Становской волости [6, с.62]. В дальнейшем заболевшие встречались здесь до

глубокой осени: 29 сентября в деревне Цыплятниковой насчитали 8 заразившихся детей, 30 октября в деревне Световой – 2 [8, с.50–51].

Ухудшение эпидемиологической ситуации началось в 1915 г., но пока оспа вела себя типично: подъемы заболевания наблюдались в начале весны (санитарный отдел оренбургского губернского земства насчитал в феврале 118 случаев, а в марте – 153) [3, с.21; 4, с.57] и в конце осени. Тогда случилась самая сильная за все военное время (до революционного 1917 г.) вспышка: в ноябре болело 544 человека, в декабре – 553 [9, с.38, 60]. В 1916 г. эпидемическая волна пошла на спад, но в этот год сменилось привычное распределение заболеваемости по сезонам: весенние показатели не упали летом, а сохранили свои значения – с мая по август они не опускались ниже 300 человек, а пик (вместо обычного спада) наблюдался в июле, когда заразилось 368 человек [10, с.26, 50; 11, с.72, 96]. Среди оспенных очагов «Врачебно-санитарная хроника» Оренбургского земства постоянно называет саму губернскую столицу, Илецкую Защиту, старообрядческие волости Челябинского уезда (Становскую, Сухоборскую, Птиченскую, Чумлякскую, Старо-Кочердыкскую, Косулинскую), населенные «инородцами» Усерганские и Бурзянские волости Орского уезда и основанные на его территории переселенческие хутора, а также крупные заводские поселения Верхнеуральского и Троицкого уездов (Тирлянский, Белорецкий, Авзяно-Петровский, Миасский заводы). Суммировав (хотя и неполные) данные об оспопрививании из «Врачебно-санитарной хроники» оренбургского земства за 1915 г., получаем около 40 тыс. привитых – показатель ниже достигнутого даже в конце XIX в. Нарушился и календарь профилактических прививок с максимумами в весенние и осенние месяцы – вакцинация не предшествовала, а все больше следовала за годовым ходом эпидемии. Весной 1915 г. ее график еще совпадал с весенним временем: в марте было привито 8452 человека, в апреле – 5561, в мае – 5745, а осенний период на фоне эпидемии ноября-декабря месяцев практически теряется: в сентябре поставили 1212 прививок, в октябре – 4364, в ноябре – 3231, в декабре – 4772 [расчет по: 4, с.68–73; 5, с.76–79; 6, с.80–85; 8, с.68–73, 90–95, 9, с.48–53, 70–75]. Однако полностью ход прививочной кампании подчинился течению эпидемии в 1916 г.: для этого достаточно сравнить число вакцинаций в июле 1915 г., когда привили всего 183 человека, с количеством привитых в июле 1916 г. – 2365 человек [расчет по: 7, с.56–59; 11, с.82–87]. О быстром реагировании в Оренбурге на единичные случаи заражения оспой и отсутствии в губернской столице «материала» для развития эпидемии пришлось забыть на фоне того, что за ноябрь-декабрь 1915 г. в ее больницах с этим диагнозом перебивало 240–358 человек, а в июле-августе 1916 г. – 266–293 [9, с.33, 55; 11, с.65,91].

Вакцина против оспы была первой в истории человечества, на ней методом проб и ошибок люди постигали сложности иммунопрофилактики. Возникновение Оренбургской губернии в пореформенных границах совпало с первым большим кризисом в восприятии этого явления, приведшим к смене гуманизированной лимфы животными вакцинами. По-

скольку она находилась на глубокой периферии этого процесса (не имела, например, в отличие от Казанской губернии в годы разработки технологии получения оспенного детрита, научных подразделений и даже телятников), то переход на новый прививочный материал на ее территории затянулся, практически совпав с концом XIX в. Обретение надежного и массового препарата для прививок способствовало возвращению оспопрививания в разряд мероприятий по профилактике эпидемий, однако в России не спешили законодательно вводить обязательную вакцинацию, а стремились улучшить ее организацию (к подобным мерам в начале XX в. на изучаемой территории следует отнести совершенствование оспопрививания в Оренбурге, переход его к фельдшерам и врачам в Уральском казачьем войске, а во всей губернии после 1912 г. – к земству), а также снижать число антипрививочников. В Оренбургской губернии, благодаря продолжающемуся процессу ее колонизации и «разноплеменности населения», антиваксеры оказались особенно разнообразными и многочисленными: к ним относились переселенцы, инородцы, казачество, но наиболее агрессивными оставались старообрядцы. В годы Первой мировой войны наряду с ними эпидемиологическую обстановку осложнили интернированные лица и беженцы. Военное время вообще стало испытанием для иммунопрофилактики, которая могла демонстрировать эффективность при хорошем финансировании и крупных трудозатратах медицинского персонала. Дефицит того и другого привел к преодолению инфекцией эпидемиологических порогов в 1915 г. и изменению даже сезонности эпидемий в 1916 г. Система оспопрививания в своем развитии откатилась в губернии назад.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бородин Н.* Уральское казачье войско. Статистическое описание в 2-х томах. Т.1. Уральск: Типография Уральского казачьего войска, 1891. 947 с.
2. Врачебно-полицейский (санитарный отдел) // Отчет медицинского департамента Министерства внутренних дел за 1892 год. СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1896. С.1–179.
3. Врачебно-санитарная хроника. Сведения о заболеваемости населения Оренбургской губернии за февраль месяц 1915 г. Оренбург: [б.и.], 1915. 36 с.
4. Врачебно-санитарная хроника. Сведения о заболеваемости населения Оренбургской губернии за март месяц 1915 г. Оренбург: [б.и.], 1915. 73 с.
5. Врачебно-санитарная хроника. Сведения о заболеваемости населения Оренбургской губернии за апрель месяц 1915 г. Оренбург: [б.и.], 1915. 79 с.
6. Врачебно-санитарная хроника. Сведения о заболеваемости населения Оренбургской губернии за май и июнь месяцы 1915 г. Оренбург: [б.и.], 1915. 109 с.
7. Врачебно-санитарная хроника. Сведения о заболеваемости населения Оренбургской губернии за июль месяц 1915 г. Оренбург: [б.и.], 1915. 59 с.
8. Врачебно-санитарная хроника. Сведения о заболеваемости населения Оренбургской губернии за сентябрь и октябрь месяцы 1915 г. Оренбург: [б.и.], 1915. 95 с.

9. Врачебно-санитарная хроника. Сведения о заболеваемости населения Оренбургской губернии за ноябрь и декабрь месяцы 1915 г. Оренбург: [б.и.], 1915. 75 с.

10. Врачебно-санитарная хроника. Сведения о заболеваемости населения Оренбургской губернии за май и июнь месяцы 1916 г. Оренбург: [б.и.], 1916. 65 с.

11. Врачебно-санитарная хроника. Сведения о заболеваемости населения Оренбургской губернии за июль и август месяцы 1916 г. Оренбург: [б.и.], 1916. 111 с.

12. *Горбушин М.* Брединский поселок (Историко-статистический очерк) // Оренбургские епархиальные ведомости. 1908. №35–36, неоф. С.712–727.

13. *Горбушин М.* Раскол в Костылевском приходе Челябинского уезда // Оренбургские епархиальные ведомости. 1899. №15, неоф. С.575–584.

14. Доклад об открытии губернского оспенного земского телятника // Доклады оренбургской губернской земской управы 3-й очередной сессии губернского земского собрания. Оренбург: Электро-Типография Тург. обл. правл., 1916. С.1–4.

15. *Литуновский Н.И.* Медико-топографическое описание Оренбургской губернии. М.: Типография Т.Рис, 1878. 235 с.

16. *Лоскутов А.* Современное состояние приходов в Уральском казачьем войске // Оренбургские епархиальные ведомости. 1905. №19, неоф. С.601–606.

17. Меры против оспы // Оренбургские епархиальные ведомости. 1873. №1, неоф. С.45–46.

18. *Невский И.* Село Слоновка Оренбургского уезда // Оренбургские епархиальные ведомости. 1898. №17, неоф. С.658–663.

19. Обзор Оренбургской губернии за 1887 год. Приложение ко всеподданнейшему отчету оренбургского губернатора. Оренбург: губернская типография. [1888]. [2], 50, [49] с.

20. Обзор Оренбургской губернии за 1888 год. Приложение ко всеподданнейшему отчету оренбургского губернатора. Оренбург: губернская типография. [1889]. 58, [49] с.

21. Обзор Оренбургской губернии за 1889 год. Приложение ко всеподданнейшему отчету оренбургского губернатора. Оренбург: губернская типография. [1890]. [2], 44, [49] с.

22. Обзор Оренбургской губернии за 1892 год. Приложение ко всеподданнейшему отчету оренбургского губернатора. Оренбург: губернская типография. [1893] [2], 52, [49] с.

23. Обзор Оренбургской губернии за 1895 год. Приложение ко всеподданнейшему отчету оренбургского губернатора. Оренбург: Типо-литография губернского правления, 1896. [2], 62, [117] с.

24. Обзор Оренбургской губернии за 1896 год. Приложение ко всеподданнейшему отчету оренбургского губернатора. Оренбург: Типо-литография губернского правления, 1896. [4], 46, [89] с.

25. Отчет медицинского департамента за 1877 г. СПб.: Типография М. Стасюлевича, 1878. 217, III с.

26. Отчет медицинского департамента за 1878 г. СПб.: Типография М. Стасюлевича, 1880. III, 223, 48 с.

27. Отчет медицинского департамента за 1879 г. СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1881. 407 с.

28. Отчет медицинского департамента Министерства внутренних дел за 1881 г. СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1884. 619 с.

29. Отчет медицинского департамента Министерства внутренних дел за 1882 г. СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1885. 803 с.

30. Отчет медицинского департамента Министерства внутренних дел за 1887 год. СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1889. III, XV, 337 с.

31. Отчет медицинского департамента Министерства внутренних дел за 1891 год. СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1894. [11], 159, 305 с.

32. Отчет о деятельности оренбургского городского санитарного врача за 1907-й год. Оренбург: Паровая типо-литография Дворжец, 1908. – 38 с.

33. Отчет о состоянии Оренбургского казачьего войска за 1908 год. Часть гражданская. Оренбург: Типография Д. Мазина, 1909. 110, XVII с.

34. Отчет о состоянии Оренбургского казачьего войска за 1909 год. Часть гражданская. Оренбург: Типография Д. Мазина, 1910. 114, XXI с.

35. Отчет о состоянии Оренбургского казачьего войска за 1911 год. Часть гражданская. Оренбург: Типография А.Н. Гаврилова, 1912. 125 с.

36. Протокол заседания санитарной комиссии // Известия оренбургского городского общественного управления. 1910. №7. С.30.

37. Санитарно-статистический отчет по г. Оренбургу за 1909 г. // Известия оренбургского городского общественного управления. 1910. №9. С.1–10.

38. *Синицкий Д.* Наставление пастыря сельским прихожанам по случаю оспенной эпидемии // Оренбургские епархиальные ведомости. 1873. №18, неоф. С.703–708.

39. Статистический обзор Оренбургской губернии за 1899 год. Оренбург: Типо-литография губернского правления, 1900. [2], II, 53, [99] с.

40. Статистический обзор Оренбургской губернии за 1902 год. Оренбург: Типо-литография губернского правления, 1903. [2], II, 45, [109] с.

41. Статистический обзор Оренбургской губернии за 1909 год. Оренбург: Типография губернского правления, 1910. [2], II, 42, [9] с.

42. Таблицы // Отчет о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи населению России за 1902 год. СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1904. С.1–225.

43. Таблицы // Отчет о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи населению России за 1904 год. СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1906. С.1–243.

44. Таблицы // Отчет о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи населению России за 1906 год. СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1908. С.1–257.

45. Таблицы // Отчет о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи населению России за 1907 год. СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1909. С.1–269.

46. Таблицы // Отчет о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи населению России за 1908 год. СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1910. С.1–273.

47. Таблицы // Отчет о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи населению России за 1909 год. СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1911. С.1–267.

48. Таблицы // Отчет о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи населению России за 1913 год. СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1915. С 1–333.

49. Таблицы // Отчет о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи населению России за 1914 год. СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1916. С.1–211.

50. *Чижев П.* Город Илецкая защита // Оренбургские епархиальные ведомости. 1903. №15, неоф. С.528–536.

51. *Чижев П.* Передвижные школы Екатериновского прихода Оренбургского уезда // Оренбургские епархиальные ведомости. 1902. №5, неоф. С.204–209.

52. *Чижев П.* Приход Михаило-Архангельской церкви села Гнездовки Оренбургского уезда // Оренбургские епархиальные ведомости. 1899. №15, неоф. С.584–591.

53. *Чижев П.* Станица Донецкая // Оренбургские епархиальные ведомости. 1908. №25–26, неоф. С.553–568.

Информация об авторе:

Голикова Светлана Викторовна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра политической и социокультурной истории, Институт истории и археологии УрО РАН (Екатеринбург, Российская Федерация); ORCID: 0000-0001-8272-4763; e-mail: avokilog@mail.ru

Поступила 21.04.2023

Принята к публикации 10.07.2023

Smallpox vaccination in the Orenburg province

S.V. Golikova

*Institute of History and Archaeology
of the Ural branch of the Russian Academy of Sciences
Ekaterinburg, Russian Federation*

Author studies the history of smallpox vaccination in the Orenburg province of the second half of the 19th – early 20th centuries. Vaccination is considered against the background of the incidence of smallpox. The development of Immunization on this eastern outskirts was characterized by positive (albeit unstable) dynamics and slower pace than in European Russia. The reasons for this situation were covered in organizational troubles and lay in the presence of anti-vaxxer groups (non-russians («inorodcy»), Cossacks, Old Believers («staroobryadcy»), migrants). The First World War negatively affected the results of immunization and the development of smallpox epidemics in the region.

Keywords: vaccination, epidemic, immunization, smallpox, smallpox detritus, Orenburg province

For citation: Golikova S.V. Smallpox vaccination in the Orenburg province. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region.* 2023, vol.13, no.3, pp.60–77. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2023-13-3.60-77> (In Russian)

REFERENCES

1. Borodin N. Ural Cossack army. Statistical description in 2 volumes. Vol.1. Uralsk: Ural Cossack army Publ., 1891. 947 p. (In Russian)
2. Medical-police (sanitary department). *Report of the medical department of the Ministry of the Interior for 1892*. St. Petersburg: Ministry of the Interior Publ., 1896, pp.1–179. (In Russian)
3. *Medical and sanitary Chronicle. Information on the incidence of the population of the Orenburg province for the month of February 1915*. Orenburg, 1915. 36 p. (In Russian)
4. *Medical and sanitary Chronicle. Information on the incidence of the population of the Orenburg province for the month of March 1915*. Orenburg, 1915. 73 p. (In Russian)
5. *Medical and sanitary Chronicle. Information on the incidence of the population of the Orenburg province for the month of April 1915*. Orenburg, 1915. 79 p. (In Russian)
6. *Medical and sanitary Chronicle. Information on the incidence of the population of the Orenburg province for the month of May and June 1915*. Orenburg, 1915. 109 p. (In Russian)
7. *Medical and sanitary Chronicle. Information on the incidence of the population of the Orenburg province for the month of July 1915*. Orenburg, 1915. 59. (In Russian)
8. *Medical and sanitary Chronicle. Information on the incidence of the population of the Orenburg province for the month of September and October 1915*. Orenburg, 1915. 95 p. (In Russian)
9. *Medical and sanitary Chronicle. Information on the incidence of the population of the Orenburg province for the month of November and December 1915*. Orenburg, 1915. 75 p. (In Russian)
10. *Medical and sanitary Chronicle. Information on the incidence of the population of the Orenburg province for the month of May and June 1916*. Orenburg, 1916. 65 p. (In Russian)
11. *Medical and sanitary Chronicle. Information on the incidence of the population of the Orenburg province for the month of July and August 1916*. Orenburg, 1916. 111 p. (In Russian)
12. Gorbushin M. Settlement of Bredy (Historical and statistical essay). *Orenburg diocesan sheets*. 1908, no.35–36, pp.712–727. (In Russian)
13. Gorbushin M. The split in the Kostylev parish of the Chelyabinsk district. *Orenburg diocesan sheets*. 1899, no.15, pp.575–584. (In Russian)
14. Report on the discovery of the provincial smallpox zemstvo calf. *Reports of the Orenburg provincial zemstvo council of the 3rd regular session of the provincial zemstvo assembly*. Orenburg: Turgai Regional Board Publ., pp.1–4. (In Russian)
15. Litunovskij N.I. *Medical topographic description of the Orenburg province*. Moscow: T. Ris Publ., 1878. 235 p. (In Russian)
16. Loskutov A. The current state of the parishes in the Ural Cossack army. *Orenburg diocesan sheets*. 1905, no.19, pp.601–606. (In Russian)
17. Measures against smallpox. *Orenburg diocesan sheets*. 1873, no.1, pp.45–46. (In Russian)
18. Nevskij I. Slonovka village, Orenburg district. *Orenburg diocesan sheets*. 1898, no.17, pp.658–663. (In Russian)

19. Review of the Orenburg province for the year 1887. Supplement to the Most Submissive Report of the Orenburg Governor. Orenburg: Provincial Publ., [1888]. [2], 50, [49] p. (In Russian)

20. *Review of the Orenburg province for the year 1888. Supplement to the Most Submissive Report of the Orenburg Governor.* Orenburg: Provincial Publ., [1889]. 58, [49] p. (In Russian)

21. Review of the Orenburg province for the year 1889. Supplement to the Most Submissive Report of the Orenburg Governor. Orenburg: Provincial Publ., [1890]. [2], 44, [49] p. (In Russian)

22. *Review of the Orenburg province for the year 1892. Supplement to the Most Submissive Report of the Orenburg Governor.* Orenburg: Provincial Publ., [1893] [2], 52, [49] p. (In Russian)

23. *Review of the Orenburg province for the year 1887. Supplement to the Most Submissive Report of the Orenburg Governor.* Orenburg: Provincial Publ., [1888]. [2], 50, [49] p. (In Russian)

24. *Review of the Orenburg province for the year 1895. Supplement to the Most Submissive Report of the Orenburg Governor.* Orenburg: Provincial Administration Publ., 1896. [2], 62, [117] p. (In Russian)

25. *Report of the medical department for 1877.* St. Petersburg: M. Stasjulevich Publ., 1878, 217, III p. (In Russian)

26. *Report of the medical department for 1878.* St. Petersburg: M. Stasjulevich Publ., 1880. III, 223, 48 p. (In Russian)

27. *Report of the medical department for 1879.* St. Petersburg: Ministry of the Interior Publ., 1881. 407 p. (In Russian)

28. *Report of the medical department of the Ministry of the Interior for 1881.* St. Petersburg: Ministry of the Interior Publ., 1884. 619 p. (In Russian)

29. *Report of the medical department of the Ministry of the Interior for 1882.* St. Petersburg: Ministry of the Interior Publ., 1885. 803 p. (In Russian)

30. *Report of the medical department of the Ministry of the Interior for 1887.* St. Petersburg: Ministry of the Interior Publ., 1889. 337 p. (In Russian)

31. *Report of the medical department of the Ministry of the Interior for 1891.* St. Petersburg: Ministry of the Interior Publ., 1894. [11], 159, 305 p. (In Russian)

32. *Report on the activities of the Orenburg city sanitary doctor for the year 1907.* Orenburg: Dvorzhec Publ., 1908. 38 p. (In Russian)

33. *Report on the state of the Orenburg Cossack army for 1908. Part of the civil.* Orenburg: D. Mazin Publ., 1909. 110 p. (In Russian)

34. *Report on the state of the Orenburg Cossack army for 1911. Part of the civil.* Orenburg: tip. D. Mazin Publ., 1910. 114 p. (In Russian)

35. *Report on the state of the Orenburg Cossack army for 1908. Part of the civil.* Orenburg: A.N. Gavrilov Publ., 1912. 125 p. (In Russian)

36. Minutes of the meeting of the sanitary commission. *News of the Orenburg city public administration.* 1910, no.7, p.30. (In Russian)

37. Sanitary and statistical report on the city of Orenburg for 1909. *News of the Orenburg city public administration.* 1910, no.9, pp.1–10. (In Russian)

38. Sinickij D. The Pastor's Instruction to the Rural Parishioners on the Occasion of the Smallpox Epidemic. *Orenburg diocesan sheets.* 1873, no.18, pp.703–708. (In Russian)

39. *Statistical review of the Orenburg province for 1899*. Orenburg: Provincial Administration Publ., 1900. [2], II, 53, [99] p. (In Russian)

40. *Statistical review of the Orenburg province for 1902*. Orenburg Provincial Administration Publ., 1903. [2], II, 45, [109] p. (In Russian)

41. *Statistical review of the Orenburg province for 1909*. Orenburg: Provincial Administration Publ., 1910. [2], II, 42, [9] p. (In Russian)

42. Tables. *Report on the state of public health and the organization of medical care for the population of Russia for 1902*. St. Petersburg: Ministry of the Interior Publ., 1904. Pp.1–225. (In Russian)

43. Tables. *Report on the state of public health and the organization of medical care for the population of Russia for 1904*. St. Petersburg: Ministry of the Interior Publ., 1906. Pp.1–243. (In Russian)

44. Tables. *Report on the state of public health and the organization of medical care for the population of Russia for 1906*. St. Petersburg: Ministry of the Interior Publ., 1908. Pp.1–257. (In Russian)

45. Tables. *Report on the state of public health and the organization of medical care for the population of Russia for 1907*. St. Petersburg: Ministry of the Interior Publ., 1909. Pp.1–269. (In Russian)

46. Tables. *Report on the state of public health and the organization of medical care for the population of Russia for 1908*. St. Petersburg: Ministry of the Interior Publ., 1910. Pp.1–273. (In Russian)

47. Tables. *Report on the state of public health and the organization of medical care for the population of Russia for 1909*. St. Petersburg: Ministry of the Interior Publ., 1911. Pp.1–267. (In Russian)

48. Tables. *Report on the state of public health and the organization of medical care for the population of Russia for 1913*. St. Petersburg: Ministry of the Interior Publ., 1915. Pp.1–333. (In Russian)

49. Tables. *Report on the state of public health and the organization of medical care for the population of Russia for 1914*. St. Petersburg: Ministry of the Interior Publ., 1916. Pp.1–211. (In Russian)

50. Chizhev P. City of Iletsk defense. *Orenburg diocesan sheets*, 1903, no.15, pp.528–536. (In Russian)

51. Chizhev P. Mobile schools of the Ekaterinovskiy parish of the Orenburg district. *Orenburg diocesan sheets*, 1902, no.5, pp.204–209. (In Russian)

52. Chizhev P. Parish of the Archangel Michael Church in the village of Gnezdovka, Orenburg district. *Orenburg diocesan sheets*, 1899, no.15, pp.584–591. (In Russian)

53. Chizhev P. Stanitsa Donetska. *Orenburg diocesan sheets*, 1908, no.25–26, pp.553–568. (In Russian)

About the author:

Golikova Svetlana Viktorovna – Dr. Sci. (history), Leading Researcher of the Center for Political and Socio-Cultural History, Institute of History and Archaeology of the Ural branch of the Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg, Russian Federation); ORCID: 0000-0001-8272-4763; e-mail: avokilog@mail.ru

Received April 21, 2023

Accepted for publication July 10, 2023

Формирование предпринимательского
хозяйства в животноводстве
(Южный Урал, середина XIX – начало XX вв.)

М.И. Роднов, Л.Ф. Тагирова

Институт истории, языка и литературы

Уфимского федерального исследовательского центра РАН

Уфа, Российская Федерация

После земледелия второй основной отраслью сельского хозяйства на Южном Урале являлось животноводство, особенно для полукочевых и кочевых народов. С XIX в. формируется предпринимательское, рыночное хозяйство, в первую очередь в коневодстве и овцеводстве. Однако из-за кратковременности торговли скотом установить акторов животноводческого рынка остается сложной задачей для историков. В статье использованы новые методы поиска и анализа источников. Кроме опубликованных данных по дворянскому, помещичьему хозяйству, где есть сведения о количестве скота, привлечена прямая и косвенная информация о крупном рыночном животноводстве в Башкиро-мещерякском войске, а также сведения ветеринарных пунктовых врачей, которые контролировали пригон скота из других регионов. Максимально широкий охват источников позволил установить, что уже с первой половины XIX в. на Южном Урале существовало торговое коневодство и овцеводство. Большое поголовье лошадей продавалось на Мензелинской ярмарке, отдельные табуны пригоняли даже в Нижний Новгород. Ориентированное на продажу разведение коней существовало среди тюркских народов (башкир и татар), оно было представлено как крупными конными заводами, так и мелким бизнесом в сельской местности. Развитие рыночных отношений в XIX – начале XX вв. на Южном Урале наблюдалось в животноводстве, что стимулировалось древними традициями полукочевых башкир.

Ключевые слова: Южный Урал, животноводство, коневодство, овцеводство, башкиры, татары, экономика, торговля, помещичье хозяйство, ярмарки.

Для цитирования: Роднов М.И., Тагирова Л.Ф. Формирование предпринимательского хозяйства в животноводстве (Южный Урал, середина XIX – начало XX вв.) // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2023. Т.13, №3. С.78–96. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2023-13-3.78-96>

Второй по важности отраслью сельского хозяйства после земледелия является животноводство. Практически во всех обобщающих трудах по аграрной истории России приводятся данные по поголовью скота, динамика и пр. Но редко встречаются труды по формированию предпринимательского животноводческого хозяйства. Связано это со спецификой самой отрасли и проблемами поиска источников.

В местной историографии лишь в монографии Х.Ф. Усманова более детально говорится о помещичьих конских заводах и торговле живым скотом, включая пригон из южных степных регионов, а также продажу шерсти [25, с.354, 358–362]. Для Южного Урала изучение рынка животноводческой продукции тем более важно, потому что здесь соприкасались чисто земледельческие районы с различными скотоводческими (от отгонного, пастушеского выпаса до кочевого). Конечно, рыночные отношения не могли не проникать в скотоводческие сообщества.

Исключив специфические отрасли (только возникавшее специализированное мясное и молочное животноводство, производство козьего пуха, кумысничество, птицеводство), остановимся на двух главных отраслях, где товарные формы хозяйства проявились с наибольшей силой, – коневодстве и овцеводстве. Поиск предпринимательских структур надо вести в двух плоскостях – производстве (выращивании) скота и посреднической торговле.

Основное внимание уделялось коневодству, ведь тысячелетиями лошадь была основной тягловой силой [см.: 14; 15]. Спрос на коней в Оренбургской (в 1865 г. выделилась Уфимская) губернии был стабильный. Крестьянам дорого было вырастить рабочую лошадь (с 4-х лет), проще купить, тем более южнее лежали районы с избытком конского поголовья.

Поэтому в первую очередь бизнес представлял собой посредническую торговлю лошадьми, но носил эпизодический характер, слабо регистрировался налоговыми структурами, поэтому и информации о нем мало. В основном сбыт происходил на небольших местных ярмарках, ряд которых специализировался именно на торговле лошадьми. В Белебеевском уезде проводившаяся с 6 по 12 декабря Буздякская ярмарка (с. Буздяк) даже носила название конной, ведь главной ценностью на ней были башкирские лошади [10, с.108].

Кроме того, существовал постоянный спрос на лошадей в трех казачьих (Оренбургском, Уральском, Башкиро-мещерякском) и пограничных войсках, городах и горных заводах, где гужевым транспортом до речных пристаней вывозилась готовая продукция, подвозились руда, древесный уголь и пр. Сбыт лошадей производился либо самими сельчанами, либо мелкими скупщиками, сведений о которых не имеется.

Лишь отдельные факты подтверждают существование достаточно крупного (или среднего по оборотам капитала) бизнеса, когда составлялись табуны и перегонялись на большие расстояния специально с целью продажи. Так, в 1827 г. на знаменитую Нижегородскую ярмарку пригнали три табуна (около 300 голов) башкирских лошадей, которые были «разпроданы от 50 до 75 руб. за каждую» [8, с.94]. Доход составил не менее 15 тыс. руб. – огромная сумма по тем временам! За вычетом накладных на прогон, прокорм и пр. владелец (владельцы) табунов получил внушительную прибыль.

Без сомнения, именно предприниматели перегоняли табуны лошадей на Мензелинскую ярмарку, входившую в число крупнейших в Империи, ведь на расстояние в сотни верст гнать табуны стоило весьма недешево. Она располагалась вблизи большой судоходной реки Камы, к ней вели несколько важных трактов. Но торговля лошадьми на новогодней Мензелинской ярмарке носила специфический характер, так как ярмарка работала с 1 по 8 января (потом с 26 декабря по 11 января), «конная начинается несколькими днями ранее» [см.: 18].

К середине XIX в. на Волжско-Камском судоходстве большое распространение получили так называемые коноводные суда – кабестаны (или конные машины). Для движения против течения баржа подтягивалась к заброшенному якорю по канату, он наматывался на вал, который крутили лошади [см.: 12]. Именно в приречном Мензелинске судовладельцы закупали лошадей для коноводных судов, ведь ярмарка была зимняя и по льду рек табуны легко было перегнать в различные города на Волге и Каме. Маленькие степные лошадки, выносливые и неприхотливые к кормам, были особенно удобны для работы на кабестанах, а также при конной тяге по берегу.

В 1858 г. здесь было продано лошадей на 110 тыс. руб., в 1859 г. – на 98 тыс., в 1862 г. на 72 тыс. руб. [13, с.69]. Неоднократно бывавший на Мензелинской ярмарке историк-краевед Р.Г. Игнатъев отмечал, что «лошади были нужны в значительном числе для коноводок и бечевой», но в 1869 г. их продали всего на 15 тыс. руб., в 1871 г. – на 27 тыс. руб. С ростом пароходного транспорта потребность в конской силе исчезает. Хотя в конце 1860-х гг. «большая часть сельских и вообще окрестных жителей, даже из Елабужского, Сарапульского и Бугульминского уездов, являются сюда за покупкою лошадей» [26, 9, 16 марта; 27; 28].

В дальнейшем торговля в Мензелинске оставалась на высоком уровне. На ярмарку 1883–1884 гг. пригнали 1405 лошадей на 66 030 руб., и все были распроданы [7, с.62]. Руководитель местной статистики Н.А. Гурвич даже выдвинул версию, что Мензелинская ярмарка изначально вообще возникла к концу XVIII в. из-за «запроса ... на башкирских лошадей». Башкиры держали большое поголовье, а «порода их лошадей была тогда цельнее, типичнее, чище и лучше» [5, с.15].

Одновременно Р.Г. Игнатъев отмечал большой пригон скота из степи казахами (киргиз-кайсаками) на меновые дворы и ярмарки в Оренбург, Троицк, Орск, Верхнеуральск. Очевидцев поражали «эти кочевья Киргиз близ менового двора в войлочных шатрах или кошмах в виде сенных стогов, эти стада всякого рода скота, лошадей, верблюдов, одних верблюдов десятки тысяч» [16]. Игнатъев верно заметил, что «торг с киргизами и участие здешних торговцев в Троицкой меновой торговле и на Мензелинской ярмарке дают возможность существовать здесь кожевенным и салотопенным заводам, принадлежащим именно тем лицам, которые наиболее скупают киргизский скот».

Проживавший в зимние месяцы в Верхнеуральске Игнатьев также сообщает о конкретном торговце скотом – Музафарове, «из казанских переселенцев». По его сведениям, «некоторые из жителей занимаются коннезаводством и держат табуны на закормотленных [арендованных – авт.] местах в казачьих дачах. Более значительный конный торг принадлежит купцу Музафарову, имеющему, так называемые, степные табуны в окрестностях города» [9, с.120, 121, 123].

Значительный пригон скота, в том числе лошадей, вызывался спросом со стороны промышленности Южного Урала и крестьянства, который сохранялся вплоть до начала XX в. Сообщество торговцев, скорее всего, состояло из людей трех категорий: 1) скупщиков скота – владельцев небольших кожевенных и др. предприятий, 2) местных купцов-посредников, гуртовщиков, которые приобретали табуны на границе или у здешних жителей и перегоняли их на ярмарки, в города, заводы или непосредственно потребителям и 3) торговцев из самих скотоводческих народов, которые гнали табуны вглубь России.

Эпизодичность, кратковременный характер торговли скотом, когда предприниматель платил за право продажи на недолгой ярмарке или в воскресный день пригонял скотинку на базар (там с него ничего не требовали), приводили к отсутствию документации. Скототорговцы не выбирали гильдейские свидетельства, не регистрировались в городских думах, а временную ярмарочную документацию затем продавали старьевщикам. Именно поэтому установить состав этой группы предпринимателей крайне сложно.

Ситуация несколько изменилась к началу XX в., когда в Уфимской губернии заработала ветеринарная служба (государственная и земская) [см.: 21; 30]. Так, в 1909 г. в Уфе в составе Губернского правления имелось ветеринарное отделение во главе с губернским ветеринарным инспектором Н.Н. Криднером, вторым в штате был младший ветеринар Н.В. Шевников. В составе Губернской земской управы состоял старший ветеринарный врач А.М. Ксенжопольский, при Уфимской городской управе числились три городских ветеринарных врача: А.И. Верниковский, Н.Н. Фосс и Н.В. Билярский. В руководстве Уфимской заводской конюшни по ведомству Главного управления государственного коннозаводства находился старший ветеринар А.Ф. Ковалевский. А еще в Уфе существовало добровольное Общество поощрения коннозаводства, которое возглавлял лично губернатор, а делами заведовал А.И. Базилев, имевший научные труды [см.: 4].

В уездах земство создало ветеринарную сеть. Например, в Уфимском уезде, кроме вышеупомянутого старшего ветеринара А.М. Ксенжопольского, было четыре ветеринара: в Уфе, селе Авдон, Миньяре (горный завод) и на Благовещенском заводе служил коллежский секретарь Сабир Ахмед. Басимов [2, с.24, 27, 31, 38, 42, 48].

В итоге в архивах сохранилась документация, которая позволяет более конкретно реконструировать состав предпринимательского сообщества. Так, по данным ветеринара 3-го участка Бирского уезда Уфимской губернии, более ста штук конских кож в 1909 г. находилось у хозяев временных складов для кож – В.П. Дружинина (100 штук, иные кожи не указываются), Гильмадислама Кильметова (500 шт.) в с. Аскино, Исмагила Халилуллина (440 шт.) из д. Урмиязово, Шайхильислама Рахина (200 шт.) из Богданово, Гайданея Амирова (1182 шт.), Мухамет-Латыпа Баязитова (1300 шт.), Шайхитдина Мирхайдарова (642 шт.), Ахмадьяна Ибрагима (2400 шт.), Шагисултана Шакирова (100 шт.), Имамутдина Мирхайдарова (300 шт.) из д. Сейтяково, а в кожевенном заведении Касьяна Селянина (собственный хутор) выработано 200 конских кож¹.

Только в с. Сейтяково (тептяри и башкиры) Норкинской волости Бирского уезда в 1909 г. функционировало 14 временных складов для кож, которые осмотрел ветеринар. Там хранилось 6119 конских кож. Хозяева складов являлись скупщиками-посредниками, в больших объемах (свыше 2 тыс. шт.) заготавливавшими конские шкуры для последующей перепродажи в города и селения с развитым кожевенно-обувным производством (г. Сарапул Вятской губернии, в Уфу и др.). Значительный объем заготовок свидетельствует о контактах с мелкооптовыми поставщиками.

Тем временем, согласно постановлению министра внутренних дел от 20 октября 1889 г., уфимский губернатор по согласованию с губернским земством назначил следующие тракты и пункты впуска скота и сырых животных продуктов в Уфимскую губернию (в 1894 г. в «Уфимских губернских ведомостях» напечатали особое объявление губернатора, которое сохраняло силу все последующие десятилетия):

1) из Самарской губернии в Белебеевский уезд через входной пункт в д. Каныкаево и далее на Дюсенево, Аитово, Нижние Кармалы, Бижбуляк, Кош-Елгу и в г. Белебей. А также был второй входной пункт в Белебеевском уезде в д. Апсалямово по бывшему почтовому тракту на Белебей и Уфу. В Мензелинский уезд из Самарской губернии пропуск скота и товаров происходил через входной пункт Чубар-Абдулово на Александровку, Карамалу, Ташлияр, Юмады, Старую Мазину и в Мензелинск.

2) Из Казанской губернии в Мензелинский уезд провоз и прогон разрешались только через входной пункт Сухарево на Токмак, Бишево, Клянчино, Кузембетово и Мензелинск.

3) Из Вятской губернии также в Мензелинский уезд вход назначили через Челны (совр. г. Набережные Челны) по почтовому тракту на Кузембетово в Мензелинск. Второй вход был через с. Пьяный Бор на Мензелинск, который лежал буквально напротив – на другой стороне Камы.

¹ Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). Ф.И-9. Оп.1. Д.841. Л.92–92 об.

4) Из Пермской губернии установили два входа: в Бирский уезд Красноуфимским почтовым трактом на с. Аскино и далее в Явгильдино и Бирск, а в Златоустовский уезд через входной пункт Абдулино на Метели, Ярославку, Дуван и затем в Златоуст.

5) Из Оренбургской губернии изначально шли два скотопробогонных пути: почтовый тракт через Миасский завод (там был ветеринарный пункт, ранее находился в Сыростане) на Златоуст; второй с юга через входной пункт Алексеевку почтовым трактом на Стерлитамак и Уфу (в 1909 г. был открыт третий – через Петровское).

Главное поступление скота и мяса было с юга через Оренбургскую губернию. В губернаторском объявлении четко указывалось, что при малейшем отклонении от маршрута и отсутствии документов (свидетельств о происхождении товара) партию нельзя было впускать. Убытки ложились на владельцев².

Аналогичные постановления действовали в других регионах. Так, в Пермскую губернию пригон скота и ввоз продуктов животноводства (помимо Уфимской губернии) происходил по следующим трактам: 1) Тюменско-Ирбитскому тракту с входным пунктом в с. Краснослободском Ирбитского уезда, 2) Петропавловскому тракту с карантинным пунктом в с. Житниково Шадринского уезда, 3) Зверино-Головскому-Шадринскому тракту с ветеринарно-карантинным пунктом в с. Мингалах Шадринского уезда и 4) по Челябинскому тракту с аналогичным пунктом в д. Надыров мост Шадринского уезда³.

Установление ветеринарно-полицейского осмотра «в установленных на сей предмет пунктах впуска сырья и скота на территорию Уфимской губернии»⁴ позволяет выявить торговцев-гуртовщиков. Пунктовые ветеринарные врачи отправляли отчеты о работе.

Например, 11 февраля 1910 г. сверхштатный ветеринарный врач в с. Петровском Стерлитамакского уезда (там проходила гужевая дорога через горы, по которой из Зауралья гнали скот) отчитался за период с 12 сентября до конца 1909 г. Он в кардах или чистом поле осмотрел «промышленного» крупного рогатого скота 45 гуртов (2409 голов) и восемь гуртов мелкого (1094). «Скот гнался большею частью в гг. Уфу и Стерлитамак»⁵.

В этих отчетах можно найти сведения о конкретных предпринимателях, которые гнали скот из других регионов. Так, 17 октября 1911 г. при прогоне через Петровский пункт Стерлитамакского уезда ветеринар обнаружил повальное воспаление легких у трех голов крупного рогатого скота в гурте Рыспая Ишмухаметова, все были забиты. Гурт из 16 быков, 27 коров и 37 яловых тот гнал в Уфу из Агаповского поселка Магнитной стани-

² НА РБ. Ф.И-9. Оп.1. Д.842. Л.17, 47–47 об.

³ НА РБ. Ф.И-9. Оп.1. Д.842. Л.70.

⁴ НА РБ. Ф.И-9. Оп.1. Д.718. Л.11.

⁵ НА РБ. Ф.И-9. Оп.1. Д.844. Л.62.

цы Верхнеуральского уезда Оренбургской губернии⁶. Очевидно, этот башкир или татарин скупал скот у казаков и перегонял его за сотни верст.

Данная информация однозначно указывает на мелких или даже средних предпринимателей. Сам процесс организации отгона гурта требовал немалых затрат, но и прибыль была весомая. В 1909 г. в Стерлитамаке бык стоил 60 руб., корова – 40, яловая – 22 руб.⁷ Если бы Рыспай по этим ценам продал свой скот, доход составил бы 2854 руб. За вычетом всех сборов и расходов на перегон, прибыль наверняка превышала 2 тыс. руб., недостижимая сумма для рядового сельчанина.

Удалось найти точные данные по пригону отар овец. Согласно ведомости пунктового ветеринарного врача в Мелеузе за 1905 г., стерлитамакский мещанин Сергей Егунов 20 августа пригнал три отары баранов, которых он закупил на хуторе Сарбай в 4-й Усергановской волости Орского уезда (900 голов), в Новопокровской волости Оренбургского уезда (300 голов) и в самом Оренбурге (300 баранов). Всего он перегонял в Стерлитамак 1,5 тыс. голов, при средней продажной цене овцы в 6 руб., на сумму 9 тыс. руб.

23 августа 1905 г. через Мелеуз на выпас в д. Нагадак (севернее Стерлитамака) пришло сразу шесть овечьих отар башкира Мухамедсафы Алтыбаева, вероятно, для последующей продажи в Уфе. Торговец назван башкиром д. Нагадаевки – это д. Татарский Нагадак Бишкаиновской волости (население в 1917 г. – 909 татар, 120 тептярей, 27 башкир [23, с.32]), лежавшей возле большого тракта из Оренбурга через Стерлитамак на Уфу. Алтыбаев закупил пять партий баранов в г. Оренбурге (в 200, 299, 320, 80, 93 голов) и еще 250 баранов в Уральской области. Итого он имел 1242 головы примерно на 7,5 тыс. руб.

Овец гнали с юга. Стерлитамакский мещанин Тит Еремеев в свой родной город привел из Тургайской области 161 барана с единственным ягненком. Но основной поток шел из соседней Оренбургской губернии. Через Мелеуз в 1905 г. провели свои отары стерлитамакские мещане (оба из д. Мраково Оренбургского уезда) Ибрагим Илькин (188 баранов и козлов) и Туфатулла Мухамедиев (48 баранов), а Гилязеддин Валитов закупил 200 баранов в Кизильской станице Верхнеуральского уезда⁸.

Таким образом, информация ветеринарных врачей позволяет обнаружить конкретных предпринимателей, скупавших скот или перегонявших гурты. В этом бизнесе активное участие принимали татары и башкиры, наверняка были выходцы из степных народов, у которых животноводство являлось основной отраслью экономики. Обороты торговли гуртовщиков были немалыми.

⁶ НА РБ. Ф.И-9. Оп.1. Д.875. Л.215, 216.

⁷ НА РБ. Ф.И-9. Оп.1. Д.844. Л.39.

⁸ НА РБ. Ф.И-9. Оп.1. Д.696. Л.17–18.

Вторым направлением бизнеса было выращивание скота в крупных хозяйствах, масштабы которых однозначно указывали на рыночный характер. Здесь существовало два варианта: 1) разведение породистых лошадей на конных заводах и 2) «массовое» коневодство, рассчитанное на широкий круг потребителей. Первый вариант предполагал выращивание дорогих коней, в первую очередь скаковых пород, для очень узкого круга покупателей из высших слоев. В современном понимании это рынок премиум-класса.

Конные заводы на Южном Урале, как и в остальной России, держали дворяне-помещики, и, во многом, это был бизнес «по-барски», забава, увлечение богатых землевладельцев. Так как рентабельность таких хозяйств была невелика, конные заводы не являлись главной отраслью, где дворяне могли приумножить капитал.

Породистые кони стоили до сотни рублей и выше, а в Уфимской губернии круг покупателей был крайне узок. К началу 1880-х гг. средняя по качеству лошадь в Уфе продавалась по 75 руб., в уездных городах – по 50 руб., в сельской местности – около 30 руб. [6, с.9], породистые были значительно дороже. Небольшой город Уфа с несколькими десятками богатых купеческих семей, высший административный аппарат, маленький гарнизон и сами землевладельцы – вот и все клиенты конных заводов. Когда на уфимскую ярмарку 1871 г. из имений дворян Россинского и Стобеуса привели на продажу шесть «заводских» лошадей, не купили ни одной [6, с.31–32]. Гулявшие по ярмарке горожане, наверное, любовались стройными конями, гладили, кормили, но покупать не спешили.

Красивые кони, как современные дорогие иномарки, являлись показателем престижа, успешности, высокого социального статуса владельцев. Это четко видно в воспоминаниях великого русского художника М.В. Нестерова, выходца из средней уфимской купеческой семьи. Маленькому Мише папа все обещал привезти «живого жеребеночка», но так и не подарил, «утешая» дитя, что тот выпрыгнул с борта парохода. Рисуя чудные картины детства, М.В. Нестеров много рассказывает о поездках семьи, упоминаются кучер, различные виды саней, коляски и тарантасы. Но о качестве, породе, масти отцовских лошадей – ни слова. Вероятно, это были добротные рабочие лошади, ведь отец, весьма экономный и расчетливый хозяин, ради баловства дорогих коней не покупал.

Воспоминания М.В. Нестерова о зимних катаниях в Уфе (город стоит на горе) местной элиты тоже имеют свою ценность: тут «каких саней, упряжек, рысаков и иноходцев не увидишь». В Масленицу каталось богатое купечество. Например, старожилы Кобяковы: «Медленно выступают широкогрудые, крупные, с длинными хвостами и гривами вороные кони пристяжкой». Купчиха В.Т. Попова выезжала «на своих гнедых, старых конях "в дышло"». «А вот сломя голову летит посреди улицы, обгоняя всех, осыпая снежной пылью, на своих бешеных иноходцах» первый виноторговец А.К. Блохин. За ним «мчится, сам правит, великан-красавец – уда-

лой купец Набатов. К нему прижалась молоденькая супруга: едва-едва сидят они вдвоем на беговых санках» [17, с.34–37]. Породистые кони были важным символом на ярмарке тщеславия. История коннозаводства относится больше к области социокультурного, чем экономического порядка.

Уже в середине XIX в. в Оренбургской губернии существовал конный завод помещика Стрелкова в Стерлитамакском уезде (лошади английской крови). «Тонкорунными овчарнями, как равно и крупным скотом славятся здесь имения Карамзиных, Пашкова и наследников Шелашникова», – сообщал редактор местной газеты И.П. Сосфенов. В Бугурусланском уезде в 1848 г. было шесть конных заводов. А всего в Оренбургской губернии насчитывалось свыше двух десятков конных заводов, имелись крупные овчарни.

Разведение породистых лошадей в дворянской культуре имело особое значение. Зимой возле Уфы по льду реки Белой устраивались рысистые бега. Так, 11 декабря 1849 г. на «гипподроме» состязались несколько рысаков и иноходцев местных помещиков, чиновников и гражданского губернатора. Продолжение скачек состоялось 31 января и 8 февраля 1850 г., в них участвовали кони из Стерлитамакского уезда, а муфтий Сулейманов выставил небольшого серого иноходца [24, с.89, 117, 177, 182, 185, 190–191].

В 1869 г. статистики собрали подробные сведения по Уфимской губернии. Всего конных заводов имелось в Уфимском уезде 4, в Стерлитамакском – 8, в Бирском – 1, в Мензелинском – 10, в Белебеевском уезде – 2, итого 25 (в Златоустовском уезде не было). Помещики разводили коней разных пород, от орловских рысаков до полукровок, башкирских, киргизских лошадей.

Из общего числа поместий в Уфимской губернии (около тысячи) 25 конных заводов – это маленькая цифра. Их общее поголовье составляло 844 головы, включая полукровок и башкирских лошадей, всего же в губернии конское стадо превышало 2 млн голов. Если хотя бы треть заводского поголовья поступала на рынок, эти две – три сотни лошадей даже близко не могли сравниться с одной Мензелинской ярмаркой. А некоторые практически не торговали. Кони у известного заводчика («подмесь Орловской») Н.В. Стрелкова содержались «для себя и сбыту почти нет».

Из 25 конных заводов лишь в пяти держали свыше 50 голов, а в 17 из 25 заведений имелось от одного до трех жеребцов-производителей. Большинство являли собой небольшие конефермы. Сбыт лошадей производился в основном внутри губернии, за пределы края коней перегоняли только шесть заводчиков. Например, помещики Пасмуры даже собирались посылать «кровных жеребцов в С.-Петербург».

Цена заводских лошадей колебалась от 50 до 200, реже доходила до 250 или 300 руб. Самые высокие цены в Мензелинском уезде – до 1100 и даже 1500 руб. Пасмуры сообщили, что в течение года продали одного жеребца по кличке Барс другому помещику за 400 руб., да одному покупа-

телю уступили полукровку за 150 руб. [19, с.108–118]. Фактически большинство сделок носило индивидуальный характер.

В справочнике за 1891 г. отмечалось падение коннозаводства в дворянских хозяйствах: «И в настоящее время оно весьма незначительно». На всю Уфимскую губернию было 14 рысистых заводов, выделены мензелинские заводчики, чьи кони сбывались на своей ярмарке (откуда вывозились в Пермскую, Вятскую, Казанскую губернии), некоторые продавали лошадей в Казани. Имелись 27 рабочих заводов, Уфимская заводская конюшня [20, с.11].

За исключением самого западного Мензелинского уезда, недалеко от которого лежал один из крупнейших городов Поволжья – Казань – и была большая ярмарка, остальные коннозаводчики испытывали проблемы со сбытом. В купеческо-чиновничьей Уфе, не говоря об уездных городках, спросом пользовались простые рабочие лошади.

Например, крупный уфимский чиновник А.А. Маллеев, накануне избрания городским головой, в феврале 1893 г. купил у помещика пару «темно-серых лошадей» пяти и четырех лет за 240 руб. Оба жеребчика были из Стерлитамака, «мать – башкирка, отец – хорошей породы» [1, с.188]. Состоятельный служащий предпочел простых полукровок, удобных для выездов в упряжке, а «пускать пыль в глаза» орловскими рысаками даже не собирался.

В сумевших перестроиться на рыночные рельсы дворянских поместьях, как и в купеческих «агрофирмах» Уфимской губернии в начале XX в. держали часто большое поголовье скота, в первую очередь рабочего. В отдельных хозяйствах около Уфы уделялось внимание племенному коневодству. Например, в 1917 г. в имении дворян Харитоновых насчитывалось всего 198 лошадей. Рабочее поголовье включало 72 лошади старше 4-х лет, из них 42 арденнской породы. Одновременно в поместье держали 38 заводских жеребцов (рысистых и тяжеловозов арденнов) и 88 маток.

Поблизости в старинном дворянском хозяйстве Н.В. Ляхова в 1917 г. имелось 34 заводских жеребца (орловской, английской и иных пород) и 45 маток. В имении А.Н. Ралля было 23 заводских жеребца и 67 маток, также рысистые и тяжеловозы⁹. Несмотря на нараставшую автомобилизацию, быстро увеличивавшемуся населению Уфы требовалось много лошадей. Коней поставляли в армию в годы Первой мировой войны, а с наступлением революционного хаоса в 1917 г. дворяне стали усиленно распродавать скот.

Но даже в этих передовых помещичьих экономиях, где племенное коневодство носило явно товарный характер, оно не выступало скольконибудь решающим фактором в хозяйственной деятельности. Рынок дорогих заводских коней оставался весьма узким, в отличие от рынка простых рабочих лошадок, в том числе и неприхотливых башкирок.

⁹ НА РБ. Ф.Р-473. Оп.1. Д.580.

Уже данные за 1869 г. показывают, что последние составляли существенную часть поголовья уфимских коннозаводчиков. Многие помещики вместо выращивания дорогих породистых коней, которых потом было трудно продать, перешли на выкармливание лошадей для массового потребителя. В Стерлитамакском уезде братья Эннатские держали табуны башкирской породы, у П.Н. Левашова указана «порода лошадей русск., сорт посредственный». Среди заводчиков самого рыночного Мензелинского уезда это особенно было распространено (у 8 из 10), видимо, в Казани тоже предпочитали недорогих рабочих коней.

Так, штабс-ротмистр Мухаметшариф Баязитов(-ич) Султанов держал троих рысистых и 15 лошадей башкирской породы, то же было у есаула Шашмурата Султанова. На конном заводе Пасмуровых имелось особое отделение полукровных, которое «составилось от случки башкирской и киргизской пород маток с кровными Орловскими жеребцами». В имени князя Д.П. Горчакова держали коней только башкирской породы (72), рабочие и простые лошади присутствовали у коннозаводчиков Н.Е. Пальчикова, П.Н. Катанского, Н.П. Ружевского, братьев Останковых.

В Белебеевском уезде у татарских дворян братьев Тевкелевых выращивались кони смешанной породы, «башкирских с заводскими и с киргизскими», но отдельно паслись пять голов молодняка чистых башкирок. Мусульманское дворянство, бывшие чиновники Башкирского войска, также увлекалось коневодством: М.Б. Султанов (26 голов в заводе и табуне), отставной сотник Шайхильислам Султанов (24), Ш. Султанов (17), Тевкелевы (70).

Такой интерес к недорогим простым породам был отнюдь не случайным. К 1869 г. массовое коневодство процветало у башкир Уфимской губернии, успешно торговавших своими скакунами. Сведения по коневодству собрал подполковник Дмитрий Владимирович Юзефович. Его супруге принадлежал в Бирском уезде единственный конный завод, и он сумел получить уникальную информацию.

В Уфимском уезде было выявлено 14 табунов у башкир (45 жеребцов, 324 матки, 210 приплода), в среднем 42 головы на табун. В Стерлитамакском уезде удалось получить данные по конкретным селениям. В 57 башкирских деревнях держали табуны обыкновенной башкирской породы, или простой, или упряжной, или сорт посредственный, в двух случаях «простой крестьянской породы». Причем в некоторых селах указаны не табуны, а заводы, как в Янасовой (2, названия иногда искажались), Табундиновой (7), Кабыкушевой (10) и др., всего 38. А почти в 300 табунах паслось свыше 6,5 тыс. голов.

Стоили башкирки недорого, от 15 до 50 руб., реже 75 руб. и коневодство носило целенаправленно товарный характер, у всех указан сбыт в Стерлитамаке, Оренбурге, селах Табынске, Мелеузе и других, на ярмарках и без них. За пределы своего Стерлитамакского уезда башкирские конеторговцы выбирались не часто.

Но средний размер табуна редко превышал 50 голов. Из 57 селений крупные табуны отмечены (не везде есть сведения) лишь в двух случаях: в Кальчир-Бураново (51) и Янасово (56). В массе преобладали мелкие табуны в количестве около 20 голов. Наверняка, продажей занимались сами сельчане, поэтому сбыт редко выходил за пределы Стерлитамакского уезда, торговцев – посредников (гуртовщиков) было немного.

Наличие табунов башкирской или простой породы отмечено в семи селениях Бирского уезда, в густонаселенном Мензелинском уезде ее не было. Лошади простой русской, смешанной с заводскими породы господствовали у башкир северо-восточного Златоустовского уезда, «но есть башкирского конно-заводства». В 1869 г. табуны отмечены в 16 башкирских деревнях, в Есаулово также имелся завод. Продажа коней происходила в Златоусте и по уезду, особенно в Айлинской волости, цены иногда поднимались до 400 руб., в основном колебались от 45 до 70 руб., на башкирских – от 25 до 50 руб. Средний размер табуна также колебался в пределах 20 голов. Шесть табунов башкирской породы зафиксировано в д. Ильчигулово Белебеевского уезда (280 голов). Коней оттуда гнали на Бугульминскую, Белебеевскую и Стерлитамакскую ярмарки, где продавали по цене от 30 до 80 руб. [19, с.108–117].

Башкиры исторически занимались скотоводством и в особенности коневодством, поэтому количество лошадей среди них было не только главным показателем богатства, но и предметом сбыта. Существовала особая башкирская порода лошади, которую ценили за выносливость и неприхотливость. В 1836 г. для улучшения и сохранения этой породы в Башкиро-мещерякском войске был создан войсковой конный завод и рассадник, где к 1860 г. состояло 718 лошадей¹⁰, в 1865 г. – 834 лошади¹¹. Жителям войска разрешалось приводить туда своих лошадей «для улучшения породы». Кроме этого, по причинам «негодности» для разведения, некоторых лошадей конного завода продавали в Оренбурге с аукционного торга. Например, в 1853 г. было продано 79 лошадей на общую сумму 260 руб. 35 коп.¹²

Во второй половине 1830 – начале 1840-х гг. отмечался резкий спад в коневодстве у башкир, что было обусловлено усиленными нарядами в зауральскую степь, где погибали тысячи лошадей, ограничительными указами правительства в кочевом скотоводстве, уменьшением территории пастбищ, попытками насильственного внедрения среди коренного населения земледелия и огородничества. В этот период коневодство главным образом было сохранено в Оренбургском уезде по рр. Ток и Чуран, в Белебеевском – по р. Дема, в Верхнеуральске и Бурзянской волости. Самый большой табун в Башкирии – до 700 голов – принадлежал мулле Аллабер-

¹⁰ НА РБ. Ф.И-2. Оп.1. Д.10613. Л.4.

¹¹ НА РБ. Ф.И-2. Оп.1. Д.13017. Л.31 об.

¹² НА РБ. Ф.И-2. Оп.1. Д.7554. Л.4.

де Джамалину, проживавшему в Оренбургском уезде, пастбища которого располагались по реке Ток¹³ [3, с.215].

Остальные крупные табуны лошадей находились в руках верхушки. В отчете командующего Башкирским войском Н.В. Балкашина за 1858 г. говорится, что «многие из войсковых чинов имеют табуны лошадей от 50 до 1000 голов, вообще коневодство составляет для башкир, по роду службы, существенно важную отрасль»¹⁴.

Состояние некоторых чиновников было весьма внушительное. Происходивший из одного из «правящих» кланов Миргалиятдин Резяпов после кончины в сентябре 1851 г. оставил наследство в 300 тыс. руб. асс. или 85,1 тыс. руб. серебром, да еще ему были должны более чем 10 тыс. руб. Наследство включало два поташных завода, шесть мукомольных мельниц, множество лошадей, коров, овец и пр.¹⁵

В 1844 г. имам Муслехетдин Абдулнасыров (Белебеевский уезд) написал жалобу губернатору В.А. Обручеву о том, что начальник 12-го башкирского кантона Шагигардан Сыртланов, управляя башкирами, довел их до крайнего положения своими притеснениями, разорил непомерными денежными поборами, покровительствовал ворами, в результате они стали не в состоянии нести военную службу и исполнять повинности¹⁶. До назначения управляющим кантоном Ш. Сыртланов был бедным чиновником, но за короткое время нажил себе богатство, приобрел имение, отстроил дома, имел крупные суммы денег. Раньше у Сыртланова даже не было скота. Теперь же он выстроил хутор для содержания лошадей, верблюдов, коров и овец, «приобретенных от различных людей взятками ... для охраны своего скота он содержит в близи своего хутора... казаков»¹⁷. К 1861 г. в формулярном списке Сыртланова значились дом, мукомольная мельница и конный завод¹⁸, который по наследству перешел к сыну Шагисултану¹⁹.

Коннозаводство в роду башкирских дворян Сыртлановых продолжалось и в пореформенный период. В справочнике за 1897 г. помещена подробная реклама А.И. Султанова, показывающая профессиональный подход в разведении рысистых коней [см.: 11, рекламные приложения].

Большое поголовье лошадей отмечалось у башкир вплоть до начала XX в. По переписи 1917 г. в д. Альшеево проживал 35-летний башкир Миннигалий Яхъян, названный статистиками «барышник». Ему принадлежало 219 голов скота, в том числе 120 лошадей, из них 70 рабочих [22, с.11].

¹³ НА РБ. Ф.И-2. Оп.1. Д.13017. Л.39.

¹⁴ НА РБ. Ф.И-2. Оп.1. Д.9631. Л.16 об.

¹⁵ См.: Национальный музей Республики Башкортостан. Документальный фонд. Ф.22. Оп.1. Д.1.

¹⁶ НА РБ. Ф.И-2. Оп.1. Д.5319. Л.1–2.

¹⁷ НА РБ. Ф.И-2. Оп.1. Д.5319. Л.205.

¹⁸ НА РБ. Ф.И-2. Оп.1. Д.11985. Л.2 об.

¹⁹ НА РБ. Ф.И-2. Оп.1. Д.15049. Л.2 об.

Таким образом, с 1860-х гг. в Уфимской губернии существовало массовое, но мелкое башкирское коневодство, связанное с рынком. На ближние ярмарки и в города коней перегоняли сами хозяева табунов или мелкие посредники-гуртовщики. Именно большой сбыт простых и башкирских недорогих лошадок доминировал на этом рынке Уфимской губернии, составляя сильную конкуренцию дворянскому коннозаводству, вынуждая последних также ориентироваться на выращивание лошадей для среднего класса и рядового потребителя.

Примерно в таких же условиях развивалось и товарное овцеводство, баранье сало шло на салотопенные заводы, шерсть вывозилась [25, с.359–360]. Скупщики-гуртовщики приобретали овец по деревням у рядовых сельчан. В 1869 г. уфимский мещанин Григорий Иванов скупил 1500 овец, которых держал при д. Сафарово в двух гуртах, при каждом было по три пастуха²⁰. Скот откармливали перед продажей в Уфе.

В частновладельческих хозяйствах сохранялось крупное товарное овцеводство. По переписи 1912–1913 гг. в Белебеевском уезде в имении самарского купца Д.И. Бородина держали 2000 овец, в поместье генеральши А.П. Вороновой – 560 голов, у немца-колониста И.Я. Тиссена было 900 овец, в поместье татарской дворянки С.С. Джантюриной – 1800, у наследников Н.А. Пестрово – 3300 голов (в другом поместье было 2 тыс. штук), у княгини Г.Р. Давлеткильдеевой в Уфимском уезде выпасали 835 овец, крупные отары овец имелись в хозяйствах купцов Стахеевых в Мензелинском уезде, у купца В.Ф. Маланьичева поголовье насчитывало 1140 голов [см.: 29].

Итак, несмотря на плохую сохранность документации и сложность с источниками, обусловленную характером предпринимательского животноводческого хозяйства на Южном Урале в XIX – начале XX вв., можно достаточно детально реконструировать механизм товарного выращивания и реализации скота на примере коневодства и овцеводства. Для этого нужен комплексный охват архивных и статистических материалов, при этом особое внимание необходимо уделить отчетности ветеринарного надзора. Подобная методика поиска применима и к другим регионам России, где имелось развитое скотоводство (казачьи области, Калмыкия, Казахстан, Западная Сибирь).

Рыночный характер носила мелкая торговля скотом местных скупщиков и гуртовщиков, а также достаточно зажиточных крестьянских хозяйств, ориентированная всецело на внутригубернский сбыт. С другой стороны, существовало крупное коневодство и овцеводство, главным образом в частновладельческих (дворянских и позже купеческих) поместьях. Часть поголовья вывозилась за пределы Уфимской губернии.

²⁰ См.: НА РБ. Ф.И-139. Оп.1. Д.33.

Крупное товарное коневодство имело свои особенности. Племенные конные «заводы», где выращивались в основном дорогие породистые рысистые (меньше упряжные) кони, были ориентированы на элитарного потребителя. А так как на Южном Урале подобные социальные группы занимали крайне небольшую долю рынка, то и дворянское племенное коннозаводство к началу XX в. пришло в упадок.

Зато массовое выращивание на продажу недорогих рабочих коней, значительную долю которых составляли неприхотливые лошади башкирской породы, имело устойчивый рынок сбыта, и даже помещики-коннозаводчики склонялись именно к этому варианту бизнеса. В этом сегменте рынка всегда присутствовали выходцы из тюркских народов (башкиры и татары), знавшие древние традиции коневодства. В немалой степени именно в этой отрасли происходило формирование национального предпринимательства.

Существенное влияние на южноуральский рынок животноводства оказывали общероссийские факторы. Мензелинская ярмарка, одна из крупнейших в Империи, специализировалась на продаже лошадей сначала для кабестанов и конной бичевой тяги по рекам, затем для снабжения рабочим скотом более северных губерний.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Агеева Маргарита*. Уфимский городской голова Александр Маллеев: История в письмах. Уфа: Информреклама, 2020. 448 с.
2. Адрес-календарь Уфимской губернии и справочная книжка на 1909 год. Уфа: Электрическая Губернская типография, 1909. 241 с.
3. *Асфандияров А.З.* Башкирия после вхождения в состав России (вторая половина XVI – первая половина XIX вв.). Уфа: Китап, 2006. 504 с.
4. *Базилев А.И.* К вопросу об улучшении лошадей: Доклад вице-президента Уфимскому обществу поощрения коннозаводства. Уфа: Электро-тип. «Печать» Н.В. Делинского, 1910. 2 с.
5. *Гурвич Н.* Мензелинская ярмарка 1872 года и ее статистическое исследование // Отд. отд. из «Уфимских губернских ведомостей». Уфа, 1872. 15 с.
6. *Гурвич Н.* Статистические очерки Уфимской губернии. Вып. II. Скотоводство. Уфа: печатня Н.Блохина, 1882. 41 с.
7. *Гурвич Н.А.* Ярмарки. К истории ярмарок вообще и к статистике ярмарок в Уфимской губернии. Уфа: Губернская Типография, 1884. 66 с.
8. *[Де Лаво Леконт]*. Описание Нижнего-Новгорода и ежегодно бывающей в нем ярмарки. М.: Типография Августа Семена при Императорской Медико-хирургической академии, 1829. 127 с.
9. *Игнатъев Р.Г.* Верхнеуральск // Памятная книжка Оренбургской губернии на 1865 год. Уфа: Оренбургская Губернская Типография, 1865. Отдел первый. С.103–132.

10. Исторические портреты. В 5 т. Т.5: Сочинения Ивана Прокофьевича Сосфенова / сост. и отв. ред. М.И. Роднов. Уфа: Альфа-Реклама, 2019. 254 с.

11. Календарь и справочная книжка Уфимской губернии на 1897 год. Уфа: Типография губернского правления, 1896. 367 с.

12. *Климовский С.Д.* Кабестан «Грозный» – первый пароход в Уфе // Река времени. 2016: К 400-летию Смоленского собора Уфы / отв. ред. М.И. Роднов. Уфа: [б.и.], 2016. С.116–125.

13. *Курбатов В.Д.* Мензелинск // Памятная книжка Оренбургской губернии на 1865 год. Уфа: Оренбургская Губернская Типография, 1865. Отдел первый. С.55–82.

14. *Мельникова Д.А.* Конская торговля в Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв. // История повседневности (СПб.). 2017. №2 (4). С.42–51.

15. *Мельникова Д.А.* История коневодства Российской империи во второй половине XIX – начале XX века в отечественной историографии // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2018. №3 (60). С.7–17.

16. Московские ведомости. 1862. 10 октября.

17. *Нестеров М.В.* Давние дни. (Воспоминания, очерки, письма). Уфа: Башкирское кн. изд-во, 1986. 560 с.

18. Оренбургские губернские ведомости. 1848. 7 февраля.

19. Памятная книжка Уфимской губернии / под ред. Н.А. Гурвича. Ч.1. Уфа: Губернская типография, 1873. 356 с.

20. Памятная книжка Уфимской губернии на 1891 год / под ред. Н.А. Гурвича. Уфа: Губернская типография, 1891. 307 с.

21. *Ризванова Т.Р.* Губернские власти и органы местного самоуправления Южного Урала в борьбе с эпидемиями и эпизоотиями в конце XIX – начале XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 2011. 28 с.

22. *Роднов М.И.* Пережитки полукошевого хозяйства у башкир Уфимской губернии в начале XX века. Уфа: [б.и.], 2001. 43 с.

23. *Роднов М.И.* Крестьянство Стерлитамакского уезда по переписи 1917 года. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2010. 132 с.

24. *Сосфенов И.П.* Редакторская журналистика (1845–1853 гг.) (публ. и пред. М.И. Роднова) // Исторические портреты. В 5 т. Т.5: Сочинения Ивана Прокофьевича Сосфенова / сост. и отв. ред. М.И. Роднов. Уфа: Альфа-Реклама, 2019. С.34–251.

25. *Усманов Х.Ф.* Развитие капитализма в сельском хозяйстве Башкирии в пореформенный период. 60–90-е годы XIX в. М.: Наука, 1981. 370 с.

26. Уфимские губернские ведомости. 1868.

27. Уфимские губернские ведомости. 1869. 15 февраля.

28. Уфимские губернские ведомости. 1871. 20 февраля.

29. Частновладельческое хозяйство Уфимской губернии. Уфа: Электрическая типография «Печать», 1915. 153 с.

30. *Шуляк Е.В.* Земская медицина и ветеринария в Уфимской губернии (1875–1914 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2014. 23 с.

Информация об авторах:

Роднов Михаил Игоревич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории и истории культуры Башкортостана, Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН (Уфа, Российская Федерация); ORCID: 0000-0001-7654-4782; e-mail: rodnov@ufacom.ru

Тагирова Лейла Факиловна – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела истории и истории культуры Башкортостана, Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН (Уфа, Российская Федерация); ORCID: 0000-0001-5967-2694; e-mail: sleila.83@mail.ru

Поступила 23.05.2023

Принята к публикации 18.07.2023

**Formation of an entrepreneurial economy in animal husbandry
(Southern Urals, mid-19th – early 20th centuries)**

M.I. Rodnov, L.F. Tagirova

Institute of History, Language and Literature,

Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences

Ufa, Russian Federation

After agriculture, the second main branch of farming in the Southern Urals was animal husbandry, especially for semi-nomadic and nomadic peoples. Since the 19th century an entrepreneurial, market economy is being formed, primarily in horse breeding and sheep breeding. However, due to the short duration of the livestock trade, identifying the actors in the livestock market remains a challenge for historians. The article uses new methods of searching and analyzing sources. In addition to the published data on the noble, landowner economy, where there is information about the number of livestock, direct and indirect information about large-scale, market livestock raising in the Bashkir-Meshcheryak army, as well as information from veterinary point doctors who controlled the arrival of cattle from other regions, was involved. The widest possible coverage of sources made it possible to establish that already from the first half of the 19th century. in the southern Urals there was trade horse breeding and sheep breeding. A large number of horses were sold at the Menzelinsky fair; individual herds were even brought to Nizhny Novgorod. Horse breeding for sale existed among the Turkic peoples (Bashkirs and Tatars), it was represented by both large stud farms and small businesses in the countryside. The development of market relations in the 19th – early 20th centuries in the Southern Urals was observed in animal husbandry, which was stimulated by the ancient traditions of the semi-nomadic Bashkirs.

Keywords: Southern Urals, livestock, horse breeding, sheep breeding, Bashkirs, Tatars, economics, trade, landlord economy, fairs, merchants

For citation: Rodnov M.I., Tagirova L.F. Formation of an entrepreneurial economy in animal husbandry (Southern Urals, mid-19th – early 20th centuries). *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2023. vol.13, no.3, pp.78–96. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2023-13-3.78-96> (In Russian)

REFERENCES

1. Ageyeva Margarita. *Head of the city of Ufa Alexander Malleev: History in letters*. Ufa: Informreklama Publ., 2020. 448 p. (In Russian)
2. *Address-calendar of the Ufa province and a reference book for 1909*. Ufa: Provincial Publ., 1909. 241 p. (In Russian)
3. Asfandiyarov A.Z. *Bashkiria after becoming part of Russia (second half of the 16th – first half of the 19th centuries)*. Ufa: Kitap Publ., 2006. 504 p. (In Russian)
4. Bazilev A.I. *On the issue of improving horses: Report of the Vice-President to the Ufa Society for the Promotion of Horse Breeding*. Ufa: N.V. Delinsky "Print" Publ., 1910. 2 p. (In Russian)
5. Gurvich N. Menzelinsky fair of 1872 and its statistical study. *Ufa provincial gazette*. Ufa, 1872. 15 p. (In Russian)
6. Gurvich N. *Statistical essays of the Ufa province. Issue.2. Cattle breeding*. Ufa: N. Blokhin Publ., 1882. 41 p. (In Russian)
7. Gurvich N.A. *Trade fairs. To the history of fairs in general and to the statistics of fairs in the Ufa province*. Ufa: Provincial Publ., 1884. 66 p. (In Russian)
8. [De Lavoe Lecoent]. *Description of Nizhny-Novgorod and the annual fair*. Moscow: August Semyon Publ., 1829. 127 p. (In Russian)
9. Ignatiev R.G. Verkhneursk. *Commemorative book of the Orenburg province for 1865*. Ufa: Orenburg provincial Publ., 1865. Pp.103–132. (In Russian)
10. *Historical portraits. In 5 volumes. Vol.5: Works of Ivan Prokofievich Sosfenov*. Compiled by M.I. Rodnov. Ufa: Alfa-Reklama Publ., 2019. 254 p. (In Russian)
11. *Calendar and reference book of the Ufa province for 1897*. Ufa: Provincial Publ., 1896. 367 p. (In Russian)
12. Klimovskiy S.D. Kabestan "Grozny" – the first steamer in Ufa. *River of Time. 2016: To the 400th anniversary of the Smolensk Cathedral in Ufa*. Ed. by M.I. Rodnov. Ufa, 2016. Pp.116–125. (In Russian)
13. Kurbatov V.D. Menzelinsk. *Commemorative book of the Orenburg province for 1865*. Ufa: Orenburg provincial Publ., 1865. Pp.55–82. (In Russian)
14. Melnikova D.A. Horse trade in the Russian Empire in the second half of the 19th – early 20th centuries. *History of everyday life*. 2017, no.2(4), pp.42–51. (In Russian)
15. Melnikova D.A. The history of horse breeding in the Russian Empire in the second half of the 19th – early 20th centuries in domestic historiography. *Bulletin of the Ryazan State University*. 2018, no.3(60), pp.7–17. (In Russian)
16. *Moskovskie vedomosti*. 1862. October 10. (In Russian)
17. Nesterov M.V. *Old days. (Memoirs, essays, letters)*. Ufa: Bashkir Publ., 1986. 560 p. (In Russian)
18. *Orenburg provincial sheets*. 1848. February 7. (In Russian)
19. *Memorable book of the Ufa province*. Ed. by N.A. Gurvich. Part I. Ufa: Provincial Publ., 1873. 356 p. (In Russian)
20. *Commemorative book of the Ufa province for 1891*. Ed. by N.A. Gurvich. Ufa: Provincial Publ., 1891. 307 p. (In Russian)
21. Rizvanova T.R. *Provincial authorities and local governments of the Southern Urals in the fight against epidemics and epizootics in the late 19th – early 20th century: Dissertation abstract for a Candidate of Historical Sciences*. Ufa, 2011. 28 p. (In Russian)

22. Rodnov M.I. *Remnants of a semi-nomadic economy among the Bashkirs of the Ufa province at the beginning of the 20th century*. Ufa, 2001. 43 p. (In Russian)

23. Rodnov M.I. *The peasantry of the Sterlitamak district according to the 1917 census*. Ufa: Institute for Socio-Economic Research of the Ufa Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 2010. 132 p. (In Russian)

24. Sosfenov I.P. Editorial journalism (1845–1853). *Historical portraits. In 5 volumes. Vol.5: Works of Ivan Prokofievich Sosfenov*. Compiled by M.I. Rodnov. Ufa: Alfa-Reklama Publ., 2019. Pp.34–251. (In Russian)

25. Usmanov Kh.F. *The development of capitalism in the agriculture of Bashkiria in the post-reform period. 60-90s of the 19th century*. Moscow: Nauka Publ., 1981. 370 p. (In Russian)

26. *Ufa provincial sheets*. 1868. (In Russian)

27. *Ufa provincial sheets*. 1869. February 15. (In Russian)

28. *Ufa provincial sheets*. 1871. February 20. (In Russian)

29. *Privately owned economy of the Ufa province*. Ufa: "Print" Publ., 1915. 153 p. (In Russian)

30. Shulyak E.V. *Zemstvo medicine and veterinary medicine in the Ufa province (1875–1914): Dissertation abstract for a Candidate of Historical Sciences*. Tyumen', 2014. 23 p. (In Russian)

About the authors:

Rodnov Mikhail Igorevich – Dr. Sci. (history), Leading Researcher of the Department of History and Cultural History of Bashkortostan, Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences (Ufa, Russian Federation); ORCID: 0000-0001-7654-4782; e-mail: rodnov@ufacom.ru

Tagirova Leyla Fakilovna – Cand. Sci. (history), Researcher of the Department of History and Cultural History of Bashkortostan, Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences (Ufa, Russian Federation); ORCID: 0000-0001-5967-2694; e-mail: sleila.83@mail.ru

Received May 23, 2023

Accepted for publication July 18, 2023

1916 год в Уфе: татарский взгляд

Л.Р. Габдрафикова

Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ

Казанский научный центр Российской академии наук

Казань, Российская Федерация

В статье через призму эго-документов и в контексте Первой мировой войны анализируется жизнь татарской интеллигенции г. Уфы в 1916 г. В качестве основных источников привлечены произведения Ш.Бабича, Г.Гафурова-Чыгтая, С.Кудаша и З.Башири. 1916 год был юбилейным для татарской культуры – 10 лет со дня основания татарского театра, учреждения газет, открытия медресе. Для Уфы такими знаковыми доминантами были медресе «Галия», газета «Тормыш», труппа «Нур». Особое внимание в статье уделено конфликту вокруг медресе «Галия», взаимоотношениям Ш.Бабича и С.Сунчелея, а также повседневной жизни военной поры. Автор приходит к выводу о том, что конфликты этого периода получили продолжение в революционное время. Некоторые дореволюционные эпизоды были мифологизированы благодаря мемуарам более позднего характера.

Ключевые слова: Уфимская губерния, Уфа, история татарской культуры, Первая мировая война, татарская повседневность.

Для цитирования: Габдрафикова Л.Р. 1916 год в Уфе: татарский взгляд // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2023. Т.13, №3. С.97–117. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2023-13-3.97-117>

Введение. Шел третий год Первой мировой войны. 8 января 1916 г. уфимский губернатор П.Башилов подписал обязательное постановление о немедленной явке в полицию всех ратников 2-го разряда (т.е. никогда не служивших в армии мужчин), находящихся на тот момент в Уфе [6, с.198]. Военное ведомство постоянно обновляло свои списки, фронт и тыл нуждались в новых ресурсах. В январе того же года житель Уфы – Харис Латыпов, проживавший по адресу Никольская, 54, мог бы получить письмо от солдата 239-го пехотного запасного батальона Исмагила Латыпова (повидимому, родственника), но послание на татарском языке не дошло до адресата – оно не прошло военную цензуру. В письме Харис сообщал, что «солдатская жизнь стала очень плоха, так что с каждым днем становится все хуже и хуже», жаловался на плохую еду, на изнурительные занятия с призывниками (с 5 утра до 10 вечера). Харис Латыпов занимался подготовкой новобранцев и отмечал, что из-за трудных условий в гарнизоне некоторые его товарищи уходят на фронт добровольцами [6, с.211–212].

Положение в тылу тоже было непростым. Например, татарский поэт Сагит Сунчелей еще 19 июня 1915 г. писал из Уфы: «Материально немно-

го нуждаюсь, но ничего.... Зимой может быть легче будет. Если что – поступлю в редакцию» [18, с.270–271]. Зимой легче не стало, через полгода в Уфе не только сохранились сложности с продовольствием и поставкой других товаров, но и возникли проблемы с отоплением: не хватало дров. 15 января 1916 г. уфимский губернатор подписал постановление о запрете вывоза дров из города и регулировании цен на них [6, с.247]. С.Сунчелей продолжал работать в городской библиотеке.

В военных условиях все больше ужесточались меры, связанные с охраной государственного порядка и общественной безопасности. Это касалось деятельности и газет, и других периодических изданий, хотя военная цензура действовала еще с 1914 г. Так, 9 марта 1916 г. появилось новое постановление уфимского губернатора о подсудности различных действий, в том числе разглашение военных сведений на страницах местных газет и других изданий [6, с.251].

Весной 1916 г. уфимская жандармерия получила агентурные сведения о планируемом в Уфе Всероссийском мусульманском съезде под руководством депутата Государственной думы К.Б. Тевкелева¹. Но мусульмане в том году так и не собрались.

На фронте противник применил газовые атаки. Неизвестное оружие пугало даже в тылу: 2 мая 1916 г. выходит постановление уфимского губернатора о сборе сведений о наличии в губернии противогазовых масок, поясков и других предметов для личной защиты от удушливых газов [6, с.253].

Кроме того, продолжался сбор благотворительной помощи. 26 мая того же года новый муфтий Оренбургского магометанского духовного собрания Мухаметсафа Баязитов, назначение которого за год до этого стало большим разочарованием для уммы [8, с.196–202], обратился к имамам Уфимской губернии, чтобы они устроили «в две пятницы июня и июля текущего года сбор добровольных пожертвований в пользу семей воинов». Аналогичный сбор еще в феврале был проведен в церквях губернии [6, с.360].

В условиях войны все актуальнее становился вопрос о привлечении женских кадров для работы в разных сферах деятельности. Летом 1916 г. в Уфе уже не первый раз открывались татарские женские учительские курсы (Дарельмугаллимат), они работали под началом Зии Камали (руководителя медресе «Галия»). Число курсисток в 1916 г. выросло до 137 человек [23, с.257–258]. Кроме того, осенью этого года впервые открылись трехгодичные учительские курсы по подготовке мугаллимов и мугаллима при Уфимском губернском земстве. В ноябре 1916 г. туда поступили 29 человек, почти все получили стипендии от уездных земств [2, с.421–422].

6 октября 1916 г. часть мугаллимов все же получила отсрочку от военного призыва: но закон применялся только к тем, кто был старше 40 лет и приступил к должности до 4 июля 1916 г. Депутат из Уфимской губер-

¹ Объединенный государственный архив Оренбургской области (ОГАОО). Ф.21. Оп.9. Д.4. Л.234.

нии Г.Еникеев требовал изменения данного закона, но его попытки в том году не увенчались успехом [8, с.36].

По данным городской переписи 1916 г., в Уфе тогда проживало 104 691 человек (не учитывались военные и военнопленные). Женщин было намного больше – 58 450 чел., тогда как мужчин – только 46 241 [16, с.5]. Мусульмане составляли около 20 тысяч жителей [20]. Под этими цифрами сухой статистики скрываются и известные имена татарской культуры начала XX века: Мажит Гафури, Галимджан Ибрагимов, Сагит Сунчелей, Сагит Рамиев, Закир Кадыри, Галиасгар Гафуров-Чыгтай, Шайхзада Бабич, Сайфи Кудаш, Сахипджамал Гиззатуллина-Волжская, Абруй Сайфи и др.

Некоторые из них учились или преподавали в медресе «Галия», публиковались в местной татарской газете «Тормыш», были зрителями и участниками постановок татарской труппы «Нур». Несмотря на войну и тяжелые бытовые условия, у этого круга была насыщенная духовная жизнь. По крайней мере оставшееся после них письменное наследие указывает именно на это.

1916 год был «юбилейным» для молодой татарской культуры нового формата. За десять лет до этого были заложены основы многих культурных явлений той поры – татарских газет и журналов, медресе, театра.

В данной публикации предпринята попытка представить обзор культурной жизни Уфы 1916 года глазами татарских интеллигентов. Для реконструкции «татарского взгляда» в качестве основных источников были привлечены публикации Шайхзады Бабича, автобиографическая повесть Галиасгара Гафурова-Чыгтая, а также мемуары Сайфи Кудаша и Зарифа Башири.

Уроженец д. Асяново Бирского уезда Уфимской губернии – Ш.Бабич (1895–1919) в 1916 г. окончил медресе «Галия». Публиковался в татарских газетах и журналах («Тормыш», «Шура», «Акмулла»). Кроме того, поэт активно сотрудничал с сатирическим журналом «Кармак», который издавался Махмутом Марджани (М.Галяу) в Оренбурге. Он скрывался под разными псевдонимами (“Шөбшә”, “Казалы казасы”, “Шәрран-яра”) и делал своеобразные обзоры татарской культурной жизни Уфы. Несмотря на ироничную манеру подачи информации, диктуемой и личностью самого автора (он был известным комиком-конферансье в Уфе), и спецификой журнала, в этих текстах можно найти много любопытных сведений о жизни татар Уфы периода Первой мировой войны.

Г.Гафуров-Чыгтай (1867–1942) был уроженцем д. Новое Ибрайкино Чистопольского уезда Казанской губернии, учился в Чистопольском медресе, потом служил имамом. Однако его литературные публикации, связанные, в том числе, и с религиозной тематикой, стали причиной перемен в его профессиональной жизни. После отстранения от должности имама Г.Гафуров-Чыгтай занимался журналистикой. В 1916 г. он переезжает из Казани в Уфу для работы в редакции в газете «Тормыш». В отличие от

Ш.Бабича, его записки датируются более поздним периодом. Они составлены двадцать лет спустя – в 1930-е гг. В советское время Г.Гафуров-Чыгтай стал редактором московского журнала «Фэн һәм дин» («Наука и религия») на татарском языке. Конечно, в 1930-е гг. он смотрел на жизнь татар дореволюционной Уфы под определенным идеологическим углом, критикуя старый порядок и буржуазных персонажей прошлого.

Уроженец д. Кляшево Уфимского уезда С.Кудаш (1894–1993) был односельчанином руководителя медресе «Галия» З.Камали. В 1916 г. он учился в этом же медресе и заведовал там местной библиотекой. В советские годы С. Кудаш стал известным писателем.

З.Башири (1888–1962) родился в д. Чутеево Цивильского уезда Казанской губернии, учился в медресе «Мухаммадия» в Казани, работал учителем. Публиковался в татарских газетах Казани, Оренбурга. В мае 1916 г., незадолго до начала восстания народов Туркестана в связи с объявлением военного призыва и для льготных категорий населения, он приехал в Уфу из Центральной Азии. Жестокое подавление мусульман летом того года мало кого из единоверцев оставило равнодушным. Поэт вспоминал позднее о сочувствии интеллигенции к участникам этого восстания [7, с.266].

Здесь надо отметить, что мемуары З.Башири и С.Кудаша появились в годы «оттепели», поэтому, в отличие от записок Г.Гафурова-Чыгтая, имеют несколько иную тональность. Наряду с шаблонной критикой старого, в них нашлось место и романтизации дореволюционного татарского мира.

Татарское сообщество Уфы. Г.Гафуров-Чыгтай делил татар Уфы на несколько социальных групп, в зависимости от уровня и источника их доходов, а также круга общения: 1) помещики (Джантурины, Султановы, Тевкелевы, Мамлеевы, Терегуловы и др.); 2) крупные купцы (Хакимов, Назиров, Ягудин, Шамгулов, Каримов, Усманов и др.); 3) мелкие мурзы и торговцы (любопытно, что в эту же группу он включил и духовенство Оренбургского магометанского духовного собрания (ОМДС), шакирдов, приказчиков); 4) интеллектуалы («вак зыялылар»): мугаллимы, писатели, служащие земства, а еще сыновья и зятья старых купцов, их приказчики [10, с.154]. Конечно, это субъективное деление. Тем не менее, оценка писателя отражает в некоторой степени известную дифференциацию уфимского татарского сообщества, где были и европеизированные дворяне-мурзы, и следующие своим путем купцы-джадиды, и молодежь, увлеченная либеральными идеями. Неслучайно Г.Гафуров-Чыгтай подчеркивал близость татарской интеллигенции к земству – основному очагу таких идей. Интересно, что крупные татарские купцы Уфы (Хакимов, Назиров, Шамгулов и др.) показались ему, по сравнению с казанскими, более именитыми («атаклырак») [10, с.151]. Хотя некоторые из них ранее были приказчиками казанских купцов (например, выходец из Заказанья купец С.Назиров служил у купца С.Губайдуллина в Казани). Очевидно, Г.Гафурову-Чыгтаю приходилось больше общаться со вторым поколением та-

тарских купцов в Уфе: например, с сыном Садретдина – Бадретдином Назировым, сыном Абдуллатифа – Мухаметназипом Хакимовым и др.

Собственную картину уфимского татарского сообщества представлял и Ш. Бабич в публикациях сатирического характера. По его мнению, в Уфе татары делились на мелкие группы (возрастные, социальные и т.д.) и мало контактировали между собой, такую разобщенность он сравнивал с межплеменными взаимоотношениями. В статье «Из Уфы» поэт обращал внимание читателей на следующие социальные группы: шакирдов, приказчиков и девушек. Самыми замкнутыми, на его взгляд, были «безвольные» шакирды, которые мало бывали в городском обществе и предпочитали «жить в своем мире». Очевидно, Ш.Бабич, как выпускник «Галии», критиковал шакирдов других уфимских медресе («Усмания», «Хакимия», «Хасания»). Приказчики, по мнению поэта, наоборот, были слишком активными и являлись постоянными участниками литературно-музыкальных вечеров. Однако их он находил нагловатыми («тозсыз», «тозлы күзле»).

Наконец, женскую половину татарского общества, причем именно юного возраста, Ш.Бабич сгруппировал в зависимости от их отношения к противоположному полу. Причем в 1916 г. он анализирует женское общество сразу в нескольких сатирических заметках. Судя по всему, из-за учительских курсов в тот период в городе было много татарских девушек. Они посещали не только занятия, но и театральные представления. И именно на таких публичных собраниях можно было увидеть контраст между татарками-гимназистками и будущими мугаллима, девушками из менее привилегированных сословий, в меньшей степени подверженных европейскому (русскому) влиянию.

Так, уфимских татарок Ш.Бабич разделил на три группы, руководствуясь их манерами и внешним видом: 1) девушки в народных платьях (очевидно, с покрытой головой и говорившие по-татарски); 2) девушки, одетые по городской моде, но в калфаках, их татарская речь пестрила русскими словами; 3) татарки, не отличавшиеся ни манерами, ни видом от русских барышень. Они разговаривали на русском языке, поэтому последних поэт называл «мадмазели», «барышни», «куклы», «матрены» [5, с.320]. К таким татарским девушкам (скорее всего, из дворянских семей) Ш.Бабич относился довольно критично. «Они мастера поговорить. В них есть какая-та “тайна”, они даже свою внутреннюю пустоту выдадут за душевное богатство... Они растут под влиянием русских гимназий и школ, – писал он в 1916 г. – Наши бездельники радуются, глядя на них: “Слава Богу! Пробуждается татарская женщина...”» [5, с.336]. К слову, в этот период Ш.Бабич дружил с одной мугаллимой по имени Хава из татарской деревни Верки Рязанской губернии, тоже приехавшей на летние учительские курсы [7, с.275]. Эту девушку, скорее всего, сам поэт отнес бы к первой группе.

Ш.Бабич считал, что татарская девушка выбирала обычного шакирда по двум причинам: либо она сама имеет невзрачную внешность (поэтому не может быть парой ни мурзе/интеллигенту, ни приказчику), либо она

действительно «очень умная» и с национальным мышлением («бик милли, бик мөтәффәкирэ була»). Здесь поэт снова проводил шуточную корреляцию самосознания татарских девушек и их поведения. Если она гимназистка («мадмазель», «кукла»), то стремится понравиться «интеллигенту», «мурзе», очевидно, тоже выпускнику русского учебного заведения. Если же дочь торговца («гордо носят пальто, сшитые на отцовские деньги»), то ее интересуют приказчики в «белых воротниках» [5, с.336–337].

Аналогичная критика звучала из уст поэта и в адрес татар, учеников гимназий и училищ. Эти учащиеся-татары отличались от шакирдов, прежде всего, своим внешним видом – мундирами и картузами. Но были и другие отличия. «Если бы они не прятали свой язык (татарский – Л.Г.) в карманах, когда гуляют с подобными себе гимназистками и курсистками», – образно сетовал поэт [5, с.332].

В этих заметках Ш.Бабича очевидна критика не только социально-экономического, но и социокультурного расслоения татарского общества г. Уфы. Если учесть, что ему самому, тоже «шакирду», были близки социалистические взгляды, то становится понятна негативная коннотация при описании им буржуазных слоев татарского общества. С ухудшением экономической ситуации в стране, в связи с затянувшейся войной, эти настроения в его публикациях лишь усиливались.

В фельетоне «Уфа кызыклары» («Интересное в Уфе») Ш.Бабич критиковал городскую среду за сонную обывательщину и консерватизм («даже красные лицом юноши оказываются помазаны дегтем»), отсутствие внутреннего движения и вдохновения, за равнодушие местных татар к культурной жизни соплеменников. «В знаменитых медресе «Усмания» и «Галия» вы не увидите ни одного представителя высших слоев уфимского татарского общества», – писал поэт. Местное татарское общество, на его взгляд, имело лишь несколько позитивных моментов: «Есть одна ремесленная школа, одно дамское общество, одна маленькая библиотека, один-два человека обоих полов, заботящихся о благе других людей, одна мусульманка-врач, один-два благородных бая (богатых людей), два-три интеллектуала» [5, с.330–332]. Конечно, это был утрированный подход и образное представление действительности. Тем не менее, Ш.Бабич сумел уловить некоторые важные моменты в культурной жизни татар г. Уфы этой эпохи.

Медресе «Галия» и Зия Камали. В 1916 г. в Уфе отметили 10-летие медресе «Галия». Сначала предполагалось проведение торжественного вечера в июне, потом все перенесли на декабрь 1916 г. К этому времени данное учебное заведение под руководством богослова З.Камали окончательно вышло из-под опеки крупных татарских благотворителей Уфы. Конфликт начался на фоне шакирдских волнений накануне войны, в 1915 г. попечители «Галии» (в их числе отец и сын Назировы, С.Джантюрин и др.) прекратили финансирование медресе. Именно поэтому на страницах газеты «Тормыш» появлялись материалы, показывающие высшее мусульманское

училище не с лучшей стороны. Например, в 1914 г. прошла волна критики недостатков материальной базы медресе и культурного уровня самих шакирдов из-за роста числа туберкулезных больных [14, с.29]. При этом один из бывших шакирдов и мугаллимов медресе «Галия» Хабиб Зайни считал, что разлад между попечителями и мударрисом начался из-за нецелевой растраты денежных средств из попечительского фонда («они хотели убрать З. Камали с должности руководителя потому, что он купил себе дом на большую сумму»)². Однако других подтверждений этого заявления нет. Как известно, шакирды выступали против снятия с должности З.Камали, а некоторые в знак протеста даже оставили медресе.

Тем не менее, татарские газеты не могли проигнорировать 10-летний юбилей медресе «Галия», сумевшей завоевать за столь короткий период широкую популярность и за пределами Уфы. Во многом это связано и с самими шакирдами, среди которых было немало не просто мугаллимов, но и людей пишущих, известных благодаря своим публикациям (например, среди них и М. Гафури, и Г.Ибрагимов).

Уже в советские годы, в период «оттепели», начали появляться новые воспоминания выпускников о медресе «Галия». Некоторые из них (например, воспоминания С.Кудаша) стали частью книг и сборников мемуаров, были опубликованы в газетах и журналах. Другая часть стала основой архивной коллекции медресе «Галия» (хранится в Национальном архиве РБ)³. В какой-то степени это было следование тому самому «медийному» юбилею 1916 г.

С.Кудаш представлял медресе «Галия» в самых приятных тонах. Вообще многие выпускники вспоминали учебное заведение с большой теплотой и высоко оценивали и методы обучения, и самого руководителя З. Камали. Но не все современники событий были согласны с таким образом «Галии». Например, тот же Х.Зайни оставил критические заметки «Реальность о медресе «Галия», где писал о некоторой мифологизации роли данного медресе в советское время, о приписывании мусульманскому учебному заведению несуществующего потенциала («это не комвуз и не институт красной профессуры»). Профессиональный успех бывших шакирдов «Галии» Х.Зайни связывал с упрощенной системой поступления в вузы в 1920-е гг., а также свободной атмосферой в самом медресе, где ученики во внеурочное время занимались изучением русского языка, музицировали и упражнялись в литературном мастерстве. Все эти факторы, по его мнению, способствовали раскрытию их способностей в дальнейшем⁴.

² Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского федерального университета (ОРК НБЛ КФУ). 2390, т. II. Л. 10.

³ Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). Ф.Р-4767. Оп.1. Д.1, 2, 5.

⁴ ОРК НБЛ КФУ. 2390, т. II. Л.4–6.

Что касается юбилея 1916 г., то в это время сам Х.Зайни находился на фронте, его призвали в 1915 г. (как было сказано выше, мугаллимы тогда еще не освобождались от мобилизации). Также надо отметить, что в конфликте попечителей и руководителя медресе (вместе с шакирдами) фигурировало в том числе имя мугаллима Х.Зайни. По каким-то причинам (возможно, это было связано с фигурой З.Камали) ученики были недовольны им. Впрочем, попечитель С.Джантурин в 1914 г. в письме на имя Х.-Г. Габяши отмечал, что он не согласен с шакирдской критикой и Хабиб-эфенди показал себя только с лучшей стороны. Наряду с Х.Зайни шакирды были критично настроены и по отношению к другим учителям (Г.Шонаси, С.Саттарову и др.). Все это требовало отдельной проверки [12, с.121].

После отказа в финансировании «Галии», уже в августе 1915 г. З.Камали отправился на Нижегородскую ярмарку, где ему, со слов Ш.Бабича, удалось собрать солидную благотворительную помощь для своего медресе [5, с.323].

По данным литературоведа Г.Гильманова, бывшие попечители «Галии» устроили осенью 1915 г. совещание, где было принято решение о создании нового медресе. В этой встрече принимали участие Г.Шонаси, З.Кадыри (раньше он тоже был мугаллимом «Галии», но в 1914 г. перешел на работу в редакцию газеты «Тормыш»), З.Валиди, Г.Терегулов (служащий уфимского земства, в этот период как раз велись разговоры о включении мектебов и медресе во всеобщую школьную сеть). Разработку программы нового медресе на 1916/1917 учебный год поручили Г. Шонаси и З.Валиди [5, с.477]. Но в 1916 г. открытия нового аналога «Галии» не состоялось, а учебные планы апробировались в медресе «Усмания». Именно там работали Г.Шонаси и З. Валиди.

Как в фельетонах Ш.Бабича, так и в стихотворных произведениях 1916 г. есть отсылки к конфликту вокруг медресе «Галия». Например, в «Китабеннас фи хаккылхавас» поэт дал ироничную оценку многим известным персонам той поры (в их числе С.Шамгулов, С.Назирова, С.Джантурин, З.Кадыри, З.Валиди, Г.Шонаси и др.). Но в эпиграмме на своего учителя З.Камали он сравнивал его с памятником труду, желал ему многих лет жизни и процветания «Галие», а его врагам – горения в аду [5, с.272]. В стихотворении, написанном в честь юбилея медресе, основатель «Галии» представлен в образе трудолюбивой пчелы, а само учебное заведение – как прекрасный сад. Оно было прочитано 27 декабря 1916 г. на юбилейном вечере медресе.

На торжество, помимо шакирдов и мугаллимов, собрались выпускники и представители татарской интеллигенции. Например, среди гостей были М. Гафури, С.Рамиев, Г.Ибрагимов, М. Бигиев, Ш.Бабич. «Медресе было полно гостей, прибывших из дальних и ближних уголков России, – вспоминал С.Кудаш. – В первый день (26 декабря) состоялась официальная часть юбилея. З.Камали отчитался о работе “Галии” за десять лет. Стало известно, что за эти годы в медресе обучалось около 1000 человек. Из них 17 стали

писателями и журналистами» [15, с.69–70]. Но С.Кудаш не упомянул, что в тот вечер среди гостей, кроме купца С.Назирова, не было попечителей-предпринимателей. Спустя почти 50 лет после этого события не писал он и о том, что тогда остро стоял вопрос дальнейшего финансирования медресе, был объявлен сбор благотворительной помощи.

Интересное замечание по этому поводу есть в мемуарах бывшего шакирда «Галии» Ахмета Бикмурзина. В 1960-е гг. он отмечал, что на юбилейном вечере Г.Ибрагимов в своем выступлении пытался доказать способность медресе существовать и без помощи купцов. Для этого он предложил всем выпускникам и другим интеллигентам прогрессивных взглядов пожертвовать определенный процент с собственного жалования на нужды учебного заведения. По словам автора воспоминаний, не все слушатели тогда поддержали главные идеи доклада Г.Ибрагимова [9, с.114]. Но некоторую сумму все же удалось собрать (помощь поступила в том числе и от С.Назирова) [5, с.508].

В 1916 г. попечительское сообщество г. Уфы, в лице крупных татарских предпринимателей, планировало все-таки объединение двух медресе – «Галии» и «Усмании», в апреле 1917 г. провели даже одно совещание по этому вопросу [5, с.524–525], но в дальнейшем приоритетными стали совсем другие задачи.

Газета «Тормыш» и Закир Кадыри. Во время Первой мировой войны газета «Тормыш» стала популярным татарским изданием в Уфе. К тому времени редактора Вагиза Наурузова сменил Закир Кадыри (1878–1954), уроженец Ставропольского уезда Самарской губернии и выпускник каирского медресе Аль-Азхар (как и руководитель «Галии» З.Камали). Именно в редакцию газеты «Тормыш» пришел работать в 1916 г. Г.Гафуров-Чыгтай. Он уже имел опыт работы в другой татарской редакции – казанской газете «Кояш». «Работников мало. Ответственный редактор – Закир Кадыри, сотрудники – Самат Шарафетдинов, Гумар Хабиров. Все они – дети мулл. Гумар – сын известного ишана», – отмечал он [10, с.151].

Издателем газеты «Тормыш» с 1914 г. являлся стерлитамакский купец Гибадулла Усманов, до этого печатный орган был организован в форме товарищества на паях (среди крупных пайщиков – А. Хакимов, С.Назирова, Г. Усманов, К.-М. Алкин, С.Джантюрин) [4, с.27]. Г.Гафуров-Чыгтай, судя по всему, был наслышан об этом юридическом моменте, но интерпретировал по-своему: газету «уфимские богачи выпускают совместно, но руководит делами избранный ими для этого – купец Гибадулла Усманов», – писал он. При этом Г. Гафуров-Чыгтай подчеркивал, что «Тормыш» – это «совсем национальный орган». С позиции человека 1930-х гг., это указание на «буржуазно-национальный» характер издания. Между тем, после смены редактора и издателя в 1914 г. было принято решение о «внепартийной» редакционной политике и ориентированности на интересы «культурной нации» [4, с.30]. Условно нейтральная позиция бы-

ла, очевидно, гарантом существования газеты. Тем более с началом Первой мировой войны была введена и военная цензура.

Газета «Тормыш» привлекала многих татарских литераторов того времени, особенно связанных с Уфой. Ее постоянными авторами были признанные мастера литературного слова – М.Гафури, С.Сунчелей, С.Рамиев, Г.Ибрагимов. Неслучайно включили эпизоды о редакции «Тормыш» в свои воспоминания и З.Башири, и С.Кудаш.

«Не хватило терпения ждать почтальона, который утром доставлял газеты. Чуть свет я отправился к зданию редакции, где на витрине вывешивалась свежая газета. С волнением я прочитал свое стихотворение!» – вспоминал о своей публикации в газете «Тормыш» С.Кудаш. Случилось это в начале 1917 г., со слов автора мемуаров, при активной поддержке М.Гафури [15, с.87–88]. Надо отметить, что публикация состоялась после событий февраля 1917 г., а значит, после отмены всех цензурных ограничений.

Здание редакции газеты располагалось на улице Пушкинской (совр. Пушкина) [1, с.41]. Юному шакирду Сайфи приходилось ходить от медресе «Галия» 5–6 кварталов, чтобы дойти до «Тормыша» тем памятным утром. «Редакция газеты располагалась в доме одного бая, в соседстве с типографией», – писал он [15, с.87]. По замечанию Г.Гафурова-Чыгтая, это была одна из комнат старого деревянного дома («наверное, в той комнате жили бедные люди раньше»), расположенного в довольно тихом, спокойном месте. Он постоянно сравнивал две татарские редакции – «Тормыш» и «Кояш». Последняя размещалась в одном из номеров, недалеко от шумного Сенного базара. Возможно, поэтому Г.Гафуров-Чыгтаю показалось, что место редакции «Тормыша» какое-то неодоухотворенное («рухсыз») [10, с.151].

Между тем, Ш.Бабич в 1916 г. ставил эти две газеты – «Кояш» (неофициальным редактором был писатель Ф.Амирхан – Л.Г.) и «Тормыш» в один ряд. Он считал, что по содержанию они похожи. В сатирической публикации поэт отмечал, что руководят ими «сумасшедшие хальфы», которые «боятся шакирдов». Надо сказать, что в той статье, выпущенной под псевдонимом, Ш.Бабич критиковал большинство татарских периодических изданий [5, с.328].

В мемуарах и Г.Гафурова-Чыгтая, и З.Башири, и С.Кудаша в эпизодах о газете «Тормыш» прослеживается негативный тон при характеристике его редактора З.Кадыри. Это и неудивительно: он был в числе белоэмигрантов, поэтому другая оценка его персоны и деятельности в советское время вряд ли могла быть допущена к печати. Кроме того, в мемуарах С.Кудаша противопоставляются друг другу «Галия» и «Тормыш», то же самое прослеживается и в публикациях Ш.Бабича 1916 г.

Г.Гафуров-Чыгтай не касался этого конфликта. Он писал, что З.Кадыри – известная личность среди джадидов и ему поначалу был непонятен феномен его успеха в этой среде («он не знает по-русски», «не мастер слова, хоть и много говорит», «вид дервиша»). Но тут же поясняет, что

З.Кадыри отличался упорством и смелостью в достижении своих целей, развитой интуицией и практичностью. Сформировали эти черты его характера, по мнению Г. Гафурова-Чыгтая, также бедность и нужда, которые будущий редактор терпел во время своей учебы в Аль-Азхаре. Еще одним важным качеством журналиста он считал его умение быстро улавливать актуальные вопросы и правильно выбирать друзей [10, с.152].

С.Кудаш в своих мемуарах отметил, что корректором газеты тогда трудился Джамалетдин Юмаев, но не назвал даже имени редактора. Тем не менее, автор воспоминаний не мог полностью проигнорировать персону З.Кадыри: «Редактором «Турмуша» был один реакционер, человек мстительный и коварный, – писал он. – В свое время он бросил «Галию» и к нам относился враждебно. При каждом удобном случае охотно помещал в газете материалы, бросающие тень на репутацию медресе. Остальные сотрудники газеты угодливо разделяли взгляды редактора» [15, с.86]. Здесь С.Кудаш, очевидно, экстраполировал в какой-то степени на себя отношение З.Кадыри и спонсоров его газеты (бывших попечителей медресе) к З.Камали и «Галие». То же самое прослеживалось и в творчестве Ш.Бабича.

Первая публикация Ш.Бабича в газете «Тормыш» состоялась в октябре 1914 г., это было стихотворение «Мандолина». После этого у него выходили и другие стихи. Как видно из воспоминаний современников, Ш.Бабич бывал в редакции газеты «Тормыш». Однако в своих анонимных публикациях в журнале «Кармак» он часто пародийным образом полемизировал с заметками из газеты «Тормыш», попадало от него и редактору издания – З.Кадыри.

В 1916 г. Ш.Бабич хотел опубликовать в газете стихотворение «Көтәм» («Жду»). Но З.Кадыри предложил ему перед публикацией немного отредактировать произведение. В учебной литературе по истории Башкирии этот факт стал хрестоматийным, и требование редакторских правок связывается с «башкирскими мотивами» стихотворения. Татарские «редакционно-издательские объединения» края якобы еще не были готовы печатать произведения на башкирском языке [13, с.247]. Между тем стихотворение написано на татарском языке, а «башкирские мотивы» – это стилизация острой социальной критики действительности под башкирские народные песни («озын-күй»). Поэт сравнивал родную землю с кладбищем («гүрстан»), а жителей с «живыми трупами» («тере мәэтләр») [5, с.88]. Как и другие стихи Ш.Бабича той поры произведение обличает тяжелое положение страны в условиях войны, выражает усталость общества и ожидание перемен. З.Кадыри предлагал изменить некоторые моменты в этом стихотворении (ведь цензура могла не пропустить такое к печати), но молодой Ш.Бабич отказался.

В год 40-летнего юбилея Октябрьской революции проживавший в Уфе З. Башири опубликовал в газете «Совет Башкортостаны» воспоминание об этом случае. Редакционный конфликт был представлен как яркий эпизод борьбы пролетария (автора, написавшего стихотворение на баш-

кирском языке) и буржуазного националиста (редактора-татарина). «Наступит и для нашего народа свобода», – якобы сказал в ответ З.Кадыри Ш.Бабич [5, с.430]. В мемуарах З.Башири, выпущенных позднее в Казани, в том же эпизоде нет ничего о «башкирском языке», а есть лишь фигурировавшее еще в публикации 1957 г. замечание З.Кадыри о необходимости убрать «странности» из стихотворения [7, с.280–281]. Под «странностями», на наш взгляд, все же следует понимать острый социальный характер произведения, а не язык изложения.

Кстати, на этом же заседании 1916 г. присутствовали еще и другие татарские поэты. Помимо Ш.Бабича и З.Башири, были еще М.Гафури, С.Сунчелей и Нажиб Думави (был в Уфе проездом). С редакторскими правками приняли к публикации и стихотворение С.Сунчелей. Сохранившаяся фотография пяти поэтов – М.Гафури, С.Сунчелей, С.Рамиев, Н.Думави, З.Башири – тоже относится к этому периоду, так как сделана в 1916 г. по просьбе редакции газеты «Тормыш». Отсутствие на этом снимке Ш.Бабича, очевидно, лишь усилило мифологизацию остроты редакционного конфликта.

Сагит Сунчелей и Аксаковская библиотека. В воспоминаниях З.Башири есть указания на сложные взаимоотношения Ш.Бабича не только с З.Кадыри, но и С.Сунчелеем [7, с.279–283]. Любопытную зарисовку про С.Сунчелей и Ш.Бабича той поры оставил журналист Исмагил Рамиев. Он запомнил С.Сунчелей как человека высокомерного («смотрел с высоты минарета, говорил с издевкой»), невеселого, не улыбочивого. Ш.Бабич, по наблюдениям И.Рамиева, был его противоположностью: веселый, находчивый, настоящий шутник с заразительным смехом [9, с.96].

Если судить по публикациям Ш.Бабича этого периода, где он высмеивал С.Сунчелей (например, часто рифмовал его фамилию со словом «мунчала») («мочалка»), то высказывание З.Башири вполне может соответствовать действительности [5, с.270]. При этом и в одном из фельетонов, и в эпиграмме из серии «Китабеннас фи хаккылхавас» Ш.Бабич положительно оценивал переводческую деятельность С.Сунчелей, но считал, что за годы «уфимской жизни» как литератор он значительно «обмельчал» [5, с.330].

В тот период С.Сунчелей заведовал мусульманским филиалом Аксаковской (городской) публичной библиотеки. Читальня размещалась в здании недавно построенного Аксаковского народного дома (совр. Театр оперы и балета). За несколько лет (открылась только в 1914 г.) библиотека стала местом притяжения для татарской интеллигенции, так как туда выписывались различные газеты и журналы на татарском языке, в том числе из Оренбурга, Казани и др. Но, по словам Ш.Бабича, в читальне не было определенного порядка, трудно было найти даже недавно поступившие издания. Кроме того, в своей ироничной манере он отмечал, что в некоторых сатирических журналах не хватает страниц или стерты строчки, связанные с критикой уфимской жизни. Прежде всего имелись в виду публикации из журнала «Кармак» [5, с.325].

В 1916 г. Ш.Бабич опубликовал в журнале «Кармак» три пародии на стихи С.Сунчелея, напечатанные в газете «Тормыш» в том же году. Во всех этих произведениях С.Сунчелей был углублен в свой внутренний мир и будто отрицал сложную действительность (подводил своеобразный итог творческой жизни («Алты ел»), радовался наступившей весне в Уфе («Нурлы яз») и выражал надежду, что война все равно кончится когда-нибудь («Канлы сугышлар бетәр») [18, с.145, 150]. Эти стихи, очевидно, раздражали Ш.Бабича, который в тот момент хотел совсем других высказываний. Поэтому в пародиях он высмеивал и редакционную политику газеты «Тормыш» (которую называл «Котормыш»), и «беспечность» поэтических текстов С.Сунчелея, и личность самого автора.

По словам С.Кудаша, С.Сунчелей реагировал на анонимные заметки довольно нервно. В его мемуарах уточняется, что библиотекарь Сунчелей зачеркивал в «Кармаке» все пародийные упоминания о себе. «Если он обнаруживал в каком-нибудь юмористическом журнале что-нибудь направленное в его адрес, замазывал эту вещь так, что ничего нельзя было разобрать, — отмечал С.Кудаш. — Иногда он вырывал целую страницу и только после этого выставлял журнал в читальном зале. Страницу, на которой была напечатана пародия Бабича, Сунчэлэй всю исчеркал толстым черным карандашом, а сверху написал «Дурак» [15, с.68].

Неизвестно, знал ли тогда С.Сунчелей о том, что под псевдонимом «Шөбшә» скрывался его знакомый Ш.Бабич. Однако летний эпизод из мемуаров З.Башири повествует о том, что в тот памятный день в редакции газеты «Тормыш», где собрались и другие татарские поэты, С.Сунчелей не захотел фотографироваться вместе с Ш.Бабичем, посчитав его еще начинающим автором [7, с.282–283]. Тут надо отметить, что все пародии на стихи С.Сунчелея в «Кармаке» были опубликованы в первой половине 1916 г., возможно, поэт уже знал, кто автор этих строк.

Татарский театр и Уфа. В публикациях Ш.Бабича 1916 г. немало внимания отведено и заметкам о театральные постановках в Уфе. Очевидно, что они занимали важное место в культурной жизни татар того периода. Но, в отличие от этих записок, в мемуарах Г.Гафурова-Чыгтая, З.Башири и С.Кудаша, наоборот, нет никаких упоминаний о татарских спектаклях. Возможно, этим авторам просто не приходилось их посещать? Тем более в том же 1916 г. Ш.Бабич писал, что татарских постановок в Уфе можно пересчитать по пальцам одной руки и публика очень ждет их [5, с.319].

В 1916 г. в Уфе периодически появлялась татарская труппа «Нур» под руководством актрисы С.Гиззатуллиной-Волжской. Например, в июне того года Ш.Бабич сообщал о том, что прекрасное выступление труппы накануне («Уфе такая игра и не снилась») собрало, в основном, представителей простых слоев населения, тогда как высшая интеллигенция («редактора и т.п.») проигнорировала театральный показ. сетовал он и на то, что в газете «Тормыш» не было никакой заметки о выступлении труппы.

Возможно, такое игнорирование выступления труппы в местной прессе объяснялось еще одним межличностным моментом, на который указывает все та же публикация Ш.Бабича. Так, он упоминает о том, что среди артистов труппы – бывший приказчик из магазина купца Шамгулова – Казанский. «А ведь Уфа должна была встречать такого артиста, своего земляка, овацями», – критикует он местную публику [5, с.331].

Артист Гиляз Казанский (Гилязетдин Ибрагимов) (1891–1938) был уроженцем Заказанья (об этом говорил и его сценический псевдоним). С 1912 г. играл в труппе «Нур» [17, с.255]. Очевидно, он не просто так оказался в Уфе и начал работать там приказчиком. Многие из местных татарских купцов были родом из Заказанья, поэтому неудивительно, что на роли доверенных лиц (приказчиков) они брали своих земляков. Возможно, переход Г. Казанского из торговли в артистическую деятельность был воспринят бывшим работодателем (купцом С.Шамгуловым) не самым положительным образом.

Тем временем, из труппы «Нур» многих артистов призвали на фронт (в их числе – Г.Казанский, Ш.Шамильский, Н.Ханжаров), поэтому она стала преимущественно женской [19, с.153]. В 1916 г. некоторое время «нуровцы» гастролировали по другим городам. С сентября 1916 г. и уже вплоть до своего расформирования в мае 1918 г. коллектив «Нур» находился в Уфе. Выступали они в «Новом клубе» (совр. Дом офицеров). Примерно с этого времени деятельность труппы начала чаще освещаться на страницах газеты «Тормыш». Автором многих заметок был Самат (Самат Шарафетдинов – Л.Г.) [17, с.263]. 30 декабря 1916 г. прошел бенефис основательницы труппы Сахипджамал Гиззатуллиной-Волжской.

Кроме коммерческих спектаклей «нуровцев» в Уфе в это время ставились еще любительские спектакли на татарском языке, организованные самодеятельными артистами для благотворительных сборов в пользу воинов и членов их семей. Такие постановки тоже собирали полный зал, но не всегда спектакли отличались высокой художественностью. Этот момент не ускользнул от внимательного взора Ш.Бабича [5, с.340]. Ему больше нравились спектакли труппы «Нур».

Как уже отмечалось выше, 1916 год был юбилейным и для татарского театра. Первый публичный татарский спектакль в Уфе сыграли весной 1906 г. Вот что об этом сообщали в газете «Уфимские губернские ведомости» 9 марта 1906 г.: «Первый спектакль на татарском языке, данный в пятницу на сцене общества «Вспомоществования частному служебному труду» (ул. М. Карима, здание не сохранилось – Л.Г.), привлек много публики и прошел очень оживленно. Пьеса называется «Житье с тремя женами» (пьеса Г. Исхаки – Л.Г.) [21]. Судя по всему, осенью 1916 г. уфимские артисты-любители устроили чествование по этому поводу. В их числе был и земский служащий – Гумер Терегулов, которому в тот вечер подарили серебряный портсигар с выгравированной надписью «основателю татарского театра». Кроме того, наградили чайными сервизами Зухру и Фатиму Ахметовых,

Рукию Терегулову. По мнению Ш.Бабича, это мероприятие тоже имело свои изъяны, т.к. выглядело слишком субъективным и честование охватило не всех первопроходцев татарского театра в Уфе. «Почему забыли, например, Ахтямова? Почему он не участвует, почему его не наградили? – вопрошал Ш. Бабич и сам же отвечал на этот вопрос. – Потому что он мугаллим, он не врет. Он не мурза, в нем нет позерства» [5, с.338–339].

Возможно, поэт имел в виду Х.Ахтямова, выпускника медресе «Усмания», который еще в шакирдские годы участвовал в театральных постановках. В 1923 г. Х.Ахтямов опубликовал статью «Бездә беренче театр» («Первый театр у нас») в уфимском журнале «Яна юл», где рассказал о комедии «Рисалят», представленной шакирдами в медресе «Усмания» в 1901 г. [13, с.299]. Г. Терегулов к тому времени был в числе белоэмигрантов, поэтому никто уже не оспаривал это первенство.

Повседневная жизнь. Тыловая повседневность 1916 г., в том числе в Уфе, прежде всего характеризовалась ростом цен и дефицитом. По всей стране вводили карточную систему на продовольствие, пытались регулировать цены, создавались потребительские общества. В 1916 г. в стихотворении «Яшәсен кыйммәтчелек!» («Да здравствует дороговизна») Ш.Бабич обращал внимание как раз на эти моменты (нехватку чая, сахара, мяса, оптовые закупки пайщиков и т.д.). «...Избранные люди, рассуждавшие когда-то о высоких мирах, теперь больше волнуются о соли да о чае с сахаром», – по своему обычаю иронизировал поэт. К стихотворению, опубликованному в том же 1916 г. в журнале «Кармак», была вымышленная приписка – новость о том, что в Оренбургском магометанском духовном собрании увеличили для шакирдов стоимость пошлины за сдачу экзаменов в этом ведомстве. Обыгрывая имя одного из судей (кадиев) Гиниятуллы Капкаева, он использовал татарское слово «Жинаять» (преступление) [5, с.118, 437].

Из-за обесценивания денег многие татарские купцы предпочитали вкладывать средства в приобретение недвижимости. Этот момент подмечал Г. Гафуров-Чыгтай. «Уфимские баи, соревнуясь, начали покупать дома и имения, некоторые кварталы сплошь превратились в собственность татарских богачей. Хакимов, Шамгулов, Ягудин и другие пополнили ряды крупных собственников» [10, с.156]. Действительно, в кварталах вокруг Верхне-Торговой площади (совр. Гостиного двора) в годы Первой мировой войны заметно больше стало домовладений татарских купцов (Назировых, Хакимовых, Шамгуловых и др.). Например, купец С.Назиров в 1916 г. приобрел гостиницу «Россия» (доходный дом наследников бывшего городского головы Сахарова) на углу улиц Бекетовской и Большой Успенской (совр. М. Карима и Коммунистической) [11].

Конечно, покупатели дорогой недвижимости не жили заботами о дефицитном продовольствии и других товарах потребления. Их повседневность состояла из других явлений. Например, Г.Гафуров-Чыгтай отмечал, что в доме Шамгуловых часто устраивались веселые вечера, где собира-

лась татарская молодежь, в том числе барышни. Он не называет фамилий, а указывает только имена: Гумеры, Сагиты, Закиры [10, с.154]. Но очевидно, что литератор имел ввиду Гумера Терегулова, Сагита Рамиева, Сагита Сунчелея, Закира Кадыри и др. Через год в этом же доме состоится заседание Миллэт Меджлисе (Национального парламента) под председательством Садри Максуди, где будут обсуждать вопросы татарской культурной автономии. Но Г. Гафуров-Чыгтай в своих записках, видимо специально, не обозначает этот факт, ведь некоторые участники того собрания (в том числе и З.Кадыри, и Г.Терегулов) стали белоэмигрантами.

В жизни татарской интеллигенции г. Уфы в 1916 г. еще не было тех социально-экономических лишений, с которыми они столкнулись уже в период Гражданской войны. У многих тогда имелся стабильный заработок благодаря должностям при земстве или других муниципальных службах, а также работе в редакциях. Даже Г.Гафуров-Чыгтай, не прижившийся в редакции газеты «Тормыш», быстро нашел новое место при Мусульманском благотворительном обществе г. Уфы (размещалось тоже в доме Шамгулова, председателем тогда был купец М-Н. Хакимов). Бывший журналист работал распорядителем в столярной мастерской для детей. «Назначили месячное жалованье, было по-своему весело», – вспоминал он [10, с.167].

Несмотря на войну, общую усталость и стихотворения с атеистическими мотивами («Видно, нет тебя Аллах» М.Гафури 1915 г.), в 1916 г. с особой радостью отмечали привычные мусульманские праздники (например, летом этого года татарские поэты собрались в редакции газеты «Тормыш» именно по случаю Уразы-байрама), выезжали большими компаниями на пикники на берегу Демы, устраивали свадебные застолья.

Так, летом 1916 г. сыграли свадьбу мугаллим «Галии» – Фатих Сайфи-Казанлы и мугаллима Накия (в революционный период она станет известна как певица Абруй Сайфи, в 1917 г. ее изберут гласной Уфимской городской думы). Правда, переход социалиста Ф.Сайфи-Казанлы в 1916 г. на работу в консервативное Оренбургское магометанское духовное собрание (ответственным редактором журнала «Маглюмат») все же указывает на остроту материального вопроса в этой молодой семье [5, с.526]. Кроме того, Ф. Сайфи-Казанлы сотрудничал и с земствами. В том же году он разработал для Верхнеуральско-Троицкого уездного земства (Оренбургская губерния) 6-летнюю программу обучения в мектебах [3, с.128].

Летом 1916 г. в Уфе было особенно много татарских девушек, мечтавших получить свидетельства и стать учительницами (мугаллима). Неслучайно в записках Ш.Бабича того периода так много внимания уделяется женской публике. Не хватало в городе и специалистов другого профиля. Так, газета «Тормыш» сообщала, что в магазинах купца Г. Усманова можно увидеть даже приказчиков (продавцов и управленцев) женского пола [8, с.274]. Трудовая жизнь губернского центра обретала «женские» черты.

Уроженка Астрахани Зайнаб Каримова (в замужестве) тоже приехала в Уфу летом 1916 г. для учебы на вышеуказанных курсах. Именно она оставила описание быта писателя Галимджана Ибрагимов, проживавшего тогда в Уфе. Он занимал двухкомнатную квартиру на первом этаже двухэтажного деревянного дома на улице Вавиловской (совр. Зенцова), это в нескольких кварталах от места его работы – медресе «Галия». «Комнаты были очень скромно меблированы. В зале – хороший стол и для приема пищи, и для письменной работы, несколько венских стульев, шкаф-буфет, возле окна – большой фикус, – вспоминала З.Каримова в 1960-е гг. – Во внутренней комнате виднелись аккуратно заправленная кровать и комод». Она пришла в гости к писателю вместе со своим супругом земским служащим, бывшим шакирдом «Галии» – Хусни Каримом. Устроили чаепитие. Кроме того, несмотря на «сухой закон», в буфете радушного хозяина нашелся и алкоголь [9, с.177–179]. Г.Ибрагимов в тот год работал не только мугаллимом в медресе, но и преподавал на учительских курсах. Еще одним источником дохода были публикации. Например, казанский журнал «Аң», выходящий при поддержке издателя А-Г. Хасани, как раз отличался щедрыми гонорарами.

Ш.Бабич, уехавший осенью 1916 г. в Оренбург для работы в редакции журнала «Кармак», тоже печатался в разных изданиях. Любопытно, что в том же 1916 г. в издательстве «Тормыш» у него вышла книга «Көлке капчыгы» («Мешок смеха») – сборник юмористических конференсов. С другой стороны, Ш.Бабич интересовался совсем другими образцами народного творчества, полными трагизма эпохи. Его друг, сокурсник Вали Хангильдин (они снимали вместе комнату) вспоминал, как в 1916 г. в Уфе поэт собирал татарский фольклор и переписывал в Нижегородской слободе песни у солдаток [22, с.101]. Скорее всего, это были байты, присланные их мужьями в письмах.

Тот же В.Хангильдин приводит еще один характерный эпизод. Летним вечером 1916 г. они шли вчетвером (он, Ш.Бабич, Г.Ибрагимов, З.Абдюшев) по одной из уфимских улиц. Абдюшев и Ибрагимов были коллегами, работали в «Галие». Компания была в веселом настроении, шли домой к Абдюшеву. Он попросил Ш.Бабича сыграть на мандолине, чтобы услышала вся округа. Но эту затею пресек Г.Ибрагимов, указав на неуместность, вокруг – горе, кто-то на фронте, кого-то нет уже в живых. «И все понимающие притихли», – подытоживал В. Хангильдин [9, с.161]. Видимо, приятели пели и играли на мандолине уже за закрытыми дверями, в квартире З.Абдюшева. 1916 год состоял из таких контрастов (обыденного трагизма и веселья), в центре которых было обесценивание человеческой жизни.

Выводы. Советские мемуары очень избирательно фиксировали дореволюционную эпоху, важно было показать антагонизм разных слоев общества и солидарность с пролетариатом. Воспоминания, записанные спустя десятилетия, после Гражданской войны и даже Великой Отечественной, вытеснили из памяти свидетелей эпохи многие нюансы тех лет, а разделе-

ние на два лагеря – красных и белых – сделало невозможным упоминание некоторых имен в позитивном ключе. Хотя и частная жизнь 1916 года, и публичная (на страницах прессы) состояла из разных мелочей. Предреволюционный год, безусловно, был предвестником надвигавшихся социальных катаклизмов. Он определил в какой-то степени и дальнейшее течение татарской культуры. Первая мировая война пронизывала обычную и творческую жизнь татарской интеллигенции. Кто-то предпочитал в 1916 г. говорить о ней громко (Ш.Бабич), кто-то выражал тихую надежду, что когда-нибудь все изменится (С.Сунчелей). Разные типы переживания ситуации порождали межличностные конфликты. Социально-экономический кризис, с ростом цен и дефицитом военного времени, усугубил довоенные конфликты финансового характера (ситуация вокруг медресе «Галия»), эта линия тянула за собой новые конфронтации, в том числе уже в ходе революционного хаоса.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адрес-календарь Уфимской губернии и справочная книжка на 1917 год. Уфа: Электрическая Губернская типография, 1917. 336 с.
2. *Азаматова Г.Б.* Земское самоуправление в многонациональном регионе России (на примере Уфимской губернии, 1874–1917 гг.): дисс. ... д.и.н. Уфа, 2018. 586 с.
3. *Азаматова Г.Б.* Взаимодействие национальной интеллигенции с земскими учреждениями в области образования // Урал-Алтай. Материалы V тюркологической конференции. Кн.1. Уфа: ИП Поляковский Ю.И, 2012. С.126–128.
4. *Ахтямова А.В.* Обзор татарской периодической печати губернского города Уфы (1906–1917 гг.) // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2021. №11. Т.1. С.15–39.
5. *Бабич Ш.* Зэнгэр жырлар: шигырьләр, поэмалар, эпиграммалар, мәкаләләр, хатлар. Казан: Татар. кит. нәшр., 1990. 544 б.
6. Башкирия в годы Первой мировой войны. 1914–1918. Сборник документов и материалов / сост. Р.Н. Рахимов и др. Уфа: Китап, 2014. 448 с.
7. Бәшири З. Замандашларым белән очрашулар (язучы истәлекләре). Казан: Татар. кит. нәшр., 1968. 292 б.
8. *Габдрафикова Л.Р., Абдуллин Х.М.* Татары в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ; Изд-во «ЯЗ», 2015. 396 с.
9. Галимжан Ибраһимов: мәкаләләр, истәлек-хатирәләр / төз. Р.Акъегет. Казан: Татар кит. нәшр., 2007. 544 б.
10. *Гафуров-Чыгтай Г.* Галинең алтмыш еллык истәлеге. Казан: Слово, 2017. 288 б.
11. *Егоров П.* Доходный дом Сахарова // Уфимские ведомости. 2004. 12 октября. №41.
12. *Зиннәтуллина А.Ә.* «Галия» мәдрәсәсенә кагылышлы яңа чыганак // Гасырлар авазы. 2021. №4. С.107–124.

13. История Башкортостана во второй половине XIX – начале XX века. Т.2. Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, 2007. 368 с.
14. Камалов Т. Зия Камали: мыслитель, просветитель, религиозный деятель Казань: Иман, 1997. 53 с.
15. Кудаш С. Незабываемые минуты. Воспоминания. М.: Советский писатель, 1964. 284 с.
16. Материалы по учету населения гор. Уфы 1916. Уфа: электр. тип.-лит. Ф.Г. Соловьева, 1916. 6 с. с прил.
17. Мәхмүтов Һ., Илялова И., Гыйззәт Б. Октябрьгә кадәрге татар театры. Казан: Татар кит. нәшр., 1988. 399 б.
18. Сүнчәләй С. Әсәрләр һәм хатлар. Казан: Тат. кит. нәшр., 2005. 367 б.
19. Татар театры (1906–1926). 2-нче басма. Казан: Мәгариф, 2003. 308 б.
20. Тормыш. 1916. 14 август.
21. Уфимские губернские ведомости. 1906. 9 марта.
22. Хангильдин В. Бабич белән үткән бер жәйнең истәлеге // Совет әдәбияте. 1959. №5. Б.101–102.
23. XX гасыр башы татар вакытлы матбугатында хатын-кыз мәгарифе мәсьәләләр (документлар жыентыгы) / төз.-авт. Мортазина Л.Р., Зиннәтуллина А.Ә. Казан: ТР ФА Ш.Мәржани исем. Тарих институты, 2020. 380 б.

Информация об авторе:

Габдрафикова Лилия Рамилевна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела новой истории, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ; ведущий научный сотрудник Лаборатории многофакторного гуманитарного анализа и когнитивной филологии, ФИЦ «Казанский научный центр РАН» (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-9940-9097; e-mail: bahetem@mail.ru

Поступила 18.05.2023

Принята к публикации 27.07.2023

1916 in Ufa: Tatar view

L.R. Gabdrāfikova

Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences

Kazan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

Kazan, Russian Federation

The article analyzes the life of the Tatar intelligentsia in Ufa in 1916 through the prism of ego-documents and in the context of the World War I. The main sources are the works of Shaikhzada Babich, Galiasgar Gafurov-Chygtai, Saifi Kudash and Zarif Bashiri. 1916 was a jubilee year for Tatar culture – 10 years since the founding of the Tatar theater, the establishment of newspapers, the opening of a madrasah. For Ufa, such iconic dominants were the Galia madrasah, the Tormysh newspaper, and the Nur troupe. Particular attention is paid to the conflict around the Galia madrasah, the relationship between Shaikhzad Babich and Sagit Suncheley, as well as the daily life of the military period. The author concluded that the conflicts of this period were continued in

revolutionary times. Some pre-revolutionary episodes were mythologized thanks to memoirs of a later nature.

Keywords: Ufa province, Ufa, history of Tatar culture, World War I, Tatar everyday life

Fot citation: Gabdrafikova L.R. 1916 in Ufa: Tatar view. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2023, vol.13, no.3, pp. 97–117. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2023-13-3.97-117> (In Russian)

REFERENCES

1. *Address-calendar of the Ufa province and a reference book for 1917*. Ufa: Electric Provincial Publ., 1917. 336 p. (In Russian)
2. Azamatova G.B. *Zemstvo self-government in the multinational region of Russia (on the example of the Ufa province, 1874–1917)*. Dissertation of Doctor of Historical Sciences. Ufa, 2018. 586 p. (In Russian)
3. Azamatova G.B. Interaction of national intelligentsia with zemstvo institutions on education issues. *Ural-Altai. Materials of the V Turkological Conference. Book 1*. Ufa: IP Polyakovskiy Yu. I., 2012. Pp.126–128. (In Russian)
4. Akhtyamova A.V. Review of the Tatar periodicals the provincial city of Ufa (1906–1917). *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. vol.1, no.11, pp.15–39. (In Russian)
5. Babich Sh. *Blue songs: poems, poems, epigrams, articles, letters*. Kazan: Tatar book Publ., 1990. 544 p. (In Tatar)
6. *Bashkiria during the World War I. 1914–1918. Collection of documents*. Ed. by R.N. Rahimov and others. Ufa: Kitap Publ., 2014. 448 p. (In Russian)
7. Bashiri Z. *Meetings with my contemporaries (memoirs of a writer)*. Kazan: Tatar book Publ., 1968. 292 p. (In Tatar)
8. Gabdrafikova L.R., Abdullin H.M. *Tatars during the World War I (1914–1918)*. Kazan: Marjani Institute of History, 2015. 396 p. (In Russian)
9. *Galimdzhan Ibragimov: articles and memoirs*. Ed. by R. Akyeget. Kazan: Tatar book Publ., 2007. 544 p. (In Tatar)
10. Gafurov-Chygtaj G. *Memoirs of Gali for sixty years*. Kazan: Slovo Publ., 2017. 288 p. (In Tatar)
11. Egorov P. Sakharov commercial house. *Ufimskie vedomosti*. 2004. October 12, no.41. (In Russian)
12. Zinnatullina A.A. A new document on the history of the madrasah "Galia". *Gasyrlar avazy – Ekho vekov*. 2021, no.4, pp.107–124. (In Tatar)
13. *History of Bashkortostan in the second half of the 19th – early 20th century*. vol.2. Ufa: Ufimskij poligrafkombinat Publ., 2007. 368 p. (In Russian)
14. Kamalov T. *Zia Kamali: thinker, educator, religious figure*. Kazan: Iman Publ., 1997. 53 p. (In Russian)
15. Kudash S. *Unforgettable minutes. Memories*. Moscow: Soviet Writer Publ., 1964. 284 p. (In Russian)
16. *Materials on the registration of the population of Ufa 1916*. Ufa: F.G. Solovyov Publ., 1916. 6 p. (In Russian)
17. Makhmutov Kh., Ilyalova I., Gyzzat B. *Tatar Theater before October*. Kazan: Tatar book Publ., 1988. 399 p. (In Tatar)

18. Sunchalyay S. *Works and letters*. Kazan: Tatar book Publ., 2005. 367 p. (In Tatar)
19. *Tatar theater (1906–1926)*. 2nd edition. Kazan: Magarif Publ., 2003. 308 p. (In Tatar)
20. *Tormysh*. 1916. August 14. (In Tatar)
21. *Ufimskie gubernskie vedomosti*. 1906. March 9. (In Russian)
22. Khangildin V. Memories of one summer spent together with Babić. *Soviet Literature*. 1959. no.5, pp.101–102. (In Tatar)
23. *Issues of women's education in the Tatar periodical press of the early 20th century. Collection of documents*. Compiled by Murtazina L.R., Zinnatullina A.A. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2020. 380 p. (In Tatar)

About the author:

Gabdrfikova Liliya Ramilevna – Dr. Sci. (history), Chief Researcher of the Department of Modern History, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences; Leading Researcher of the Laboratory of Multifactorial Humanitarian Analysis and Cognitive Philology, Federal Research Center “Kazan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences” (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-9940-9097; e-mail: bahetem@mail.ru

Received May 18, 2023

Accepted for publication July 27, 2023

«Конституция» Идель-Урала как фундамент многонациональной государственности

Д.Р. Зайнутдинов

*Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирязова
Казань, Российская Федерация*

Вопрос о национальной автономии тюрко-татарских народов России витал в воздухе довольно долго. На I Всероссийском мусульманском съезде, проходившем в Москве в мае 1917 года, при обсуждении вопроса о государственном устройстве России делегаты разбились на два лагеря – унитаристов и федералистов. Последние в скором времени одержали победу, сразу же приступив к составлению проекта национально-территориальной автономии. Одним из таких проектов как раз и стал «Штат Идель-Урал». В настоящее время накопился немалый массив научных исследований, посвященных процессу подготовки и провозглашения проекта Штата Идель-Урал как многонационального государства. Однако среди этих исследований отсутствуют работы, которые бы освещали юридическую составляющую данного проекта.

В результате длительного заседания Национального собрания мусульман тюрко-татар в январе 1918 года на свет появился ряд постановлений, которые в целом устанавливали рамки для последующей конституционализации правопорядка в Штате Идель-Урал. Совокупности этих постановлений можно дать условное название «Конституция» Идель-Урала. В ней был закреплён путь развития конституционализма и гарантированы фундаментальные принципы построения государственности: национальное равноправие, федерализм, демократия, политический и идеологический плюрализм. Особо важное значение «Конституция» Идель-Урала сыграла в практике государственного строительства татарского народа. Настоящая работа преследует цель подвергнуть общему анализу положения этого юридического документа и тем самым выявить скрытые области государственно-правовой истории татар.

Ключевые слова: Штат Идель-Урал, конституция, федерализм, национальное равноправие, парламентская республика, конституционализм, большевики

Для цитирования: Зайнутдинов Д.Р. «Конституция» Идель-Урала как фундамент многонациональной государственности // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2023, Т.13, №3. С.118–135. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2023-13-3.118-135>

В декларативно-учредительных документах, в публицистике и научной литературе встречается несколько наименований тюркского государственного образования, которое планировалось создать весной 1918 г.: «Штат Идель-Урал», «Волго-Уральский Штат», «Урало-Волжский Штат», «Урало-Волжская Республика», «Волжско-Уральская Советская Республика». Может показаться, что все это синонимы одного проекта государственного об-

разования, однако это верно лишь отчасти. Принципиальное значение имеют слова «штат», «республика», «советская». Они показывают эволюцию этого проекта государственного образования – от провозглашения «государства» (от английского «state») к обозначению формы правления (республиканская) и к ее конкретному виду (республика советов).

Абсолютно у всех местных политических групп, от татарских левых социалистов (Мулланур Вахитов) до представителей либеральной демократии (Садри Максуди), на первый план выдвигались вопросы территориального устройства будущей России и статуса татарского народа. «Мы должны дать каждой мусульманской нации полное право на национальное самоопределение» [6, с.123], – заявил Ильяс Алкин на II Всероссийском мусульманском военном съезде (8 января – 20 февраля 1918 г.). К этому времени сторонники федерализма среди татарской и башкирской национальной интеллигенции практически вытеснили из политического поля унитаристов. А.Ю. Хабутдинов отмечает: «В отличие от сторонников национально-культурной автономии (тюркистов) сторонники территориальной автономии (татаристы) не сумели создать единое общенациональное движение. Внутренняя борьба за власть, прежде всего контроль над провозглашенным Идель-Урал Штатом, сопровождавшаяся борьбой между региональными группировками, привела к расколу внутри социалистического движения и уничтожению Харби Шуро» [13, с.202].

Штат Идель-Урал являлся далеко не идеально проработанным проектом государственного объединения татар и башкир, но присоединение к этой идеи других народов Волго-Уральского региона придавало данному проекту все большую значимость. Над данным проектом работали лучшие умы национальной интеллигенции, такие как Галимзян Шараф (1896–1950). Рожденный в жестких политических дебатах, проект Штата Идель-Урал отражал стремления демократически настроенных представителей общества.

Несмотря на целый ряд проблем в процессе реализации национальной государственности тюрко-татар, именно этот период следует считать началом зарождения конституционализма в Волго-Уральском регионе.

Национальное собрание мусульман (тюрко-татар) Внутренней России и Сибири 6–7 января 1918 г. [12, с.241] приняло ряд постановлений «Об Урало-Волжском Штате», которые были опубликованы в «Известиях Всероссийского мусульманского военного шуро» [1, с.38]. В целом эти постановления представляли собой акт учредительной (верховой) власти, закрепляющий основы конституционного строя, форму правления, государственно-территориального устройства, общую модель органов государственной власти. Поэтому этим постановлениям можно дать условное название «Конституция» Идель-Урала.

Как комплексный документ «Конституция» Идель-Урала состояла из трех постановлений, которые представляли собой три самостоятельных раздела основного закона (всего 55 статей/пунктов):

– раздел 1 «О внутреннем устройстве Урало-Волжского Штата и отношении его к другим штатам Российской Федеративной Республики» (7 пунктов);

– раздел 2 «О правах наций, языков и религий в Урало-Волжском Штате» (21 пункт);

– раздел 3 «Об учреждении Коллегии по осуществлению Урало-Волжского Штата и ее компетенции» (17 пунктов).

При изучении государства Штат Идель-Урал, прежде всего, возникает вопрос о месторасположении и территориальных границах данного государственного образования.

Границы Штата определялись в пункте 1 раздела 1 «Конституции» Идель-Урала. Из имеющихся сведений можно отметить, что в состав государства должны были войти:

- вся Казанская губерния;
- вся Уфимская губерния;
- западная часть Оренбургской губернии, населенная тюрко-татарами, прилегающая к Уфимской и Самарской губерниям;
- южная часть Пермской губернии, населенная тюрко-татарами;
- часть Вятской губернии, прилегающая к Уфимской и Казанской губерниям, населенная тюрко-татарами и черемисами;
- часть Симбирской губернии, населенная мусульманами тюрко-татарами и чувашами, прилегающая к Казанской.

Точно описать границы этого государства невозможно. Тем не менее, исходя из представленного выше описания, территориальные масштабы Идель-Урала были весьма значительны.

При обращении к современному национально-территориальному делению Российской Федерации видно, что в состав Штата Идель-Урал входили полностью или частично территории пяти современных республик, четырех областей и одного края Российской Федерации (Республика Башкортостан, Республика Марий Эл, Республика Татарстан, Республика Удмуртия, Республика Чувашия, Кировская область, Оренбургская область, Пермский край, Самарская область, Ульяновская область).

Однако в 1918 г. картина выглядела иначе.

Границы Штата Идель-Урал затрагивали территории семи губерний Российской империи. В связи с этим можно условно подсчитать общую площадь данного государственного образования – она составляла бы около 350 000 кв. км [9].

Таким образом, Идель-Урал был равен по площади современным государствам Европы, таким как Великобритания (243 809 кв. км), Италия (301 340 кв. км), Польша (312 679 кв. км), Германия (357 385 кв. км). В дальнейшем при обсуждении проекта территориальные границы Идель-Урала корректировались, но эти изменения носили точечный характер, не изменяя кардинальным образом уже определенную площадь проживания

народов. Так или иначе народы Идель-Урала возвращали свои исторические земли.

Национальный состав Штата получался весьма многообразным. Идель-Урал охватывал практически все народы: башкир, марийцев, русских, татар, чувашей, частично мордву и удмуртов. «Общая численность населения штата должна была составить 8 390 866 человек. Самое главное, ... в него должны были войти 85–90 % всех татар и башкир России и они должны были составить в штате 43,96 %. Чувашаи в штате могли составить 11,76 %, а марийцы – 4,7%. В случае реализации штата в него вошли бы 90–95 % общей численности этих народов. Доля русских должна была составить 35,86 %, и они по численности занимали бы второе место» [10, с.189]. В целом же Штат Идель-Урал выражал собой основную идею консолидации трех тюркских народностей на исторической территории проживания (башкир, татар, чувашей).

Анализ «Конституции» Идель-Урала вполне позволяет определить форму территориального устройства Штата как нецентрализованную договорную федерацию.

Многонациональный и многоконфессиональный состав Волго-Уральского региона серьезно влиял на сложение будущей федеративной государственности. Поэтому постановления «Об Урало-Волжском Штате» – это не только конституция, но и декларация, договор об образовании федерации.

Содержание «Конституции» Идель-Урала пронизано договорными началами. Большинство пунктов посвящено различным аспектам разграничения предметов ведения и прав. Самым объемным в данном документе является раздел 2 «О правах наций, языков и религий в Урало-Волжском Штате», состоящий из 21 пункта, что составляет почти половину всей «Конституции» Идель-Урала.

Следует обратить внимание на то, что субъекты Штата Идель-Урал имели такое же название, как и само союзное государство, то есть «штат» (авторами не был проработан вопрос о наименовании субъектов Штата). Например, предполагалось, что субъектами федерации станут Средне-Волжский и Южно-Уральский штаты, также высказывались предложения назвать один из штатов Башкортостан (Соглашение между Национальным собранием (Миллят Меджлиси) и башкирами от 14 января 1918 г.) [1, с.24]. Это создает заметную путаницу при прочтении и толковании юридических документов. В настоящей работе применительно к субъекту Штата Идель-Урал будет использовано словосочетание «штат-субъект».

Важным принципом, заложенным в государственность Идель-Урала, являлось равноправие трех категорий: наций, языков и религий (пункт 6 раздела 1 и пункт 1 раздела 2). Огромное значение придавалось защите национальных и религиозных прав, что естественно – учитывая шовинистический характер национальной политики Российской империи, авторы

проекта «Штат Идель-Урал» старались избежать любого проявления национального неравноправия.

Союзное единство народов Волго-Уральского региона выступало надежной защитой от национального и религиозного притеснения. Отсутствие доминирующей нации в Штате делало невозможным проведение ни русификации, ни татаризации населения и тому подобных мероприятий.

Согласно нормам «Конституции» Идель-Урала, каждая народность Штата была совершенно самостоятельна в решении вопросов национально-культурного и религиозно-духовного характера. Центральная власть Штата не могла вторгаться в компетенцию штат-субъекта. Пункт 2 раздела 2 «Конституции» Идель-Урала устанавливал, что центральные и местные административные органы, а также органы местного самоуправления не должны вмешиваться в национальные дела народов Штата. Все национальные дела находились в исключительном ведении органов национального управления. Следует отметить, что в «Конституции» Идель-Урала было предусмотрено обеспечение прав и малых народностей, и субэтнических групп, входящих в Штат, каковыми являлись, например, бесермяне, кряшены, мишаре, поволжские немцы, тептяри, эрзя и другие. В этом отношении в примечании к пункту 2 раздела 2 предписывалось: «Народы, не имеющие возможности организовать свое национальное управление, должны примкнуть по своему выбору к национальным органам одной из организованных наций».

Демократизм и национальное равноправие, заложенные в государственность Идель-Урала, привлекали многие народы региона. Они открыто тяготели к вхождению в данное государство. Ярким примером является добровольное вхождение в состав Штата чувашского народа. «Коллегия по осуществлению Урало-Волжского штата (КУВШ) в лице ее председателя Г.Ш. Шарафа в январе 1918 г. разослала национальным организациям чувашей и марийцев обращение, в котором извещалось о решении образовать автономный Волжско-Уральский штат в границах “наибольшего включения территории с тюрко-татарским, чувашским, черемисским населением и наименьшего включения территории с другими народностями”» [8, с.339].

Переориентация мусульман тюрко-татар с идеи организации национально-культурной автономии к концепции образования территориальной автономии оказала огромное влияние на другие нерусские народы Волго-Уральского региона. Так, В.Н. Клементьев отмечает: «Проходивший одновременно с мусульманским военным конгрессом в Казани Всероссийский чувашский военный съезд (12 января (ст. ст.) – 14 февраля (н. ст.) 1918 г.) – широкий общечувашский форум – принял к рассмотрению послание КУВШ. ... Для рассмотрения их предложения на съезде была образована специальная, так называемая комиссия. 19 января съезд заслушал подготовленный комиссией доклад (И.В. Васильев). Комиссия видела три возможные перспективы в сфере национального самоопределения чувашей: пас-

сивное ожидание общегосударственной административно-территориальной реформы; образование чувашского национального территориального штата; вхождение в проектируемый мусульманами штат. С точки зрения комиссии, практическая реализация первых двух вариантов не представлялась возможной, ибо центральная власть, несмотря на принимаемые ею декларации, была против национального самоопределения народов. Комиссия констатировала, что организовать чувашский национальный штат «мы (чуваш. – В.К.) не в силах: нет материальных культурных сил и инициативы: нет ясного осознания в чувашских массах необходимости штата». Комиссия считала, что придется соглашаться на включение в образуемый Средневожско-Южноуральский штат, который «при нашем отказе войти в этот штат мусульмане все равно создадут, но уже без чуваш» [8, с.339–340]. На II Всероссийский мусульманский военный съезд от чувашского народа был делегирован И.Л. Лукьянов (Лукоянов).

В итоге представители чувашского народа не просто заинтересовались проектом Штата Идель-Урал, а активно включились в его реализацию. Чувашские национальные лидеры, такие как И.В. Васильев, И.К. Лукьянов, Д.П. Петров, Г.Т. Титов, своими идеями обогатили проект Идель-Урал. Именно чувашскими лидерами было выдвинуто предложение о включении в состав Штата мордвы и вотяков (удмуртов) [8, с.340–341]. Безусловно, с включением в Штат максимального числа народов Волго-Уральского региона идея Идель-Урала набирала огромную политическую силу. Образование подобного многонационального государства на стыке Европы и Азии заставляло с ним считаться все общероссийские политические движения – от монархистов антибольшевизма до левых социалистов. Все они прикладывали максимальные усилия для того, чтобы проект Штата Идель-Урал никогда не был реализован. Большевикам это удалось.

Как было сказано, под влиянием политико-правовых воззрений чувашской интеллигенции проект Штата Идель-Урал существенно окреп. Чувашские национальные лидеры смогли экономически обосновать преимущества укрупнения Идель-Урала. Здесь можно вновь обратиться к В.Н. Клементьеву, который пишет: «21 января с докладом «По вопросу об образовании штатов и пересмотру границ» выступил И.К. Лукьянов. Он конкретизировал план изменения границ и территории штата, приняв во внимание внесенные поправки: округлить границы, уравновесить этнические группы, сохранить непрерывность путей сообщения. Докладчиком было предложено включить в штат 10 городов: Екатеринбург, Челябинск, Сарапул, Алатырь, Ардатов, Красноуфимск, Уржум, Малмыж, Бугуруслан и Яранск. По его мнению, вместе с названными экономическими и культурными центрами край вберет в себя три больших плодородных с огромными лесными массивами уезда, жизненно важные железнодорожные линии: Казань – Сарапул – Красноуфимск – Екатеринбург, Самара – Уфа – Челябинск, Ардатов – Казань, Симбирск – Уфа, Челябинск – Екатеринбург, а также водные сообщения по Волге (от Васильурска до Сенгилея),

Каме (от Камского Устья до Саранска), Суре (до Алатыря), по рекам Белая и Уфа» [8, с.341]. В предложенном формате идея государственности обрела еще большую экономическую значимость.

Не стоит забывать, что чувашская интеллигенция смотрела на природно-ресурсную составляющую Волго-Уральского региона, опираясь на данные, имеющиеся на начало XX в. А тогда ни о какой масштабной нефтедобыче в будущих Башкортостане и Татарстане не шло и речи (в свое время не удалось выявить недра промышленной нефтеносности) [11, с.414–415].

Позволим себе представить, что если бы Штат Идель-Урал все же возник как суверенное государство, то оно вполне могло стать одним из самых богатых и процветающих государств Европы.

Для авторов «Конституции» Идель-Урала было крайне важно всесторонне регламентировать принцип национального равноправия и невмешательства во внутренние дела народов Штата. Поэтому к делам внутреннего характера штата-субъекта были отнесены законотворчество, налогообложение, образование, язык, местное самоуправление.

Национальное законотворчество и налогообложение являлись исключительной компетенцией штата-субъекта. В этом отношении пункт 3 раздела 2 «Конституции» Идель-Урала предписывал, что центральный орган национального самоуправления каждого народа, независимо от того, находится он на территории штата-субъекта или вне его пределов, в отношении своих членов, живущих в пределах Идель-Урала, обладает принудительной властью в области национального законодательства и национального налогообложения. При этом взимание и сбор национальных налогов в Штате Идель-Урал возлагаются на общие налоговые учреждения самого штата-субъекта.

«Конституция» Идель-Урала гарантировала неприкосновенность в сфере национального образования и языка. При этом в компетенции штата-субъекта находились вопросы регулирования всех уровней образования – от общего до высшего. Данная гарантия закреплялась в пункте 4 раздела 2: «Открытие всякого рода и типа учебных заведений, учреждение органов народного просвещения, общественного призрения и национальной культуры, а также и управления ими и обеспечение их признаются делом национальным; в этих делах нации совершенно автономны». При этом каждый штат-субъект обязан был предоставить обучающимся другой нации возможность изучать религию, родной язык, литературу и историю своего народа (пункт 6 раздела 2).

Согласно пункту 10 раздела 2 «Конституции» Идель-Урала, последователи всех религий в вопросах вероисповедания, а также обустройства учреждений религиозного самоуправления автономны. Общие законодательные и административные органы Идель-Урала в означенные дела совершенно не вмешиваются. В то же время пункт 11 раздела 2 устанавливал, что вопрос о ведении религиозных дел совместно с национальными

делами или отдельно от них разрешается каждой нацией самостоятельно (каждым штатом-субъектом). Можно предположить, что эта конституционная норма была включена под давлением представителей либерального консерватизма и мусульманского духовенства, то есть сторонников национально-культурной автономии.

Языковая проблема в 1917 г. являлась одной из острейших проблем в рамках национального вопроса (и сегодня она имеет не меньшее значение). Русификация национальных школ инородцев стала главным инструментом имперской образовательной политики, в контексте которой подавление языкового многообразия стало важной тактикой.

Авторы «Конституции» Идель-Урала прекрасно понимали важность языкового многообразия Штата. Многоязычие Идель-Урала делало внешней политикой данного государства весьма вариативной и коммуникативной. Родственные культуры, в том числе и языковые, обеспечивали успешную взаимосвязь с различными странами Европы и Азии. В частности, тюрко-татарский язык позволял строить диалог с Турцией и государствами Азии, финно-угорский – с Венгрией, Финляндией и Эстонией, а русский – со славянским миром. Многоязычие Идель-Урала было его безусловным преимуществом.

Право языка закреплялось в целом ряде норм «Конституции» Идель-Урала (пункт 6 раздела 1, пункт 6 и пункты 12–20 раздела 2). Языковое равноправие в Штате Идель-Урал провозглашалось в школе, суде, государственном и местном управлении, а также в общественной жизни (пункт 12 раздела 2).

Пункт 19 раздела 2 «Конституции» Идель-Урала устанавливал, что во всех средних учебных заведениях в пределах Штата кроме родного языка учащимся вменяется в обязанность изучение одного из следующих языков: татарского, русского, чувашского или черемисского (марийского). Пункт 20 раздела 2 предусматривал, что для лиц, окончивших высшее учебное заведение, обязательно знание двух из вышеуказанных языков.

Исходя из конституционно закрепленных норм, можно сделать вывод, что за указанными четырьмя языками (русским, татарским, черемисским, чувашским) закреплялся статус государственных языков Штата Идель-Урал.

Для остальных языков устанавливался определенный порог, при переходе которого он приобретал официальный статус. Пункт 13 раздела 2 «Конституции» Идель-Урала гласил: «Каждый язык, при достижении известного наперед установленного процента говорящих на нем, признается официальным языком в судебных и административных учреждениях, обслуживающих данный район». Эту норму развивали пункты 14 и 15 раздела 2, регламентировали порядок признания за языком официального статуса. В частности, если какая-либо народность в определенном районе достигает 25 процентов, то во всех судебных и административных учреждениях язык этой нации должен был признаваться официальным. Знание

языка этой народности для лиц, служащих в этих учреждениях, являлось обязательным. Все документы, исходящие от этих учреждений в адрес членов данной народности, должны были писаться на их родном языке. Нации же, не достигающие в данном районе 25 процентов, в сношениях с судебными и административным учреждениями, а также органами местного самоуправления обладали правом пользоваться родным языком (пункт 15 раздела 2).

Установленный порог для признания официальным языка той или иной национальной группы также касался и деятельности почтово-телеграфных учреждений. Официальными языками этих учреждений признавались языки наций, достигающих 25 процентов всего населения штата-субъекта.

Примечательно, что языком государственной регистрации признавался только официальный язык численно преобладающей нации (пункт 16 раздела 2). Этот аспект существенно упрощал обмен реестровыми и учетно-регистрационными данными между штатами-субъектами.

В «Конституции» Идель-Урала было хорошо прописано регулирование языка судопроизводства (гражданского и уголовного). Следует отметить, что закрепление на конституционном уровне правил пользования национальным языком во время судебных процессов выступает одним из важнейших критериев сохранения народности. В пункте 17 раздела 2 устанавливалось, что в суде, как в местном, так и в общем, в том случае, если в гражданском деле обе стороны (в уголовном – подсудимый и большинство свидетелей) принадлежат одной национальности, все производство дел должно вестись на языке этой национальности, независимо от того, какой процент достигает национальность в этом районе. В случае же, если в гражданском деле только одна сторона (в уголовном – лишь подсудимый) данной национальности, означенные судебные действия, по требованию заинтересованных сторон, должны переводиться на язык этой национальности. Более того, исковые заявления, подаваемые в общие и местные судебные учреждения, и прочие процессуальные, а также исходящие от них документы должны быть написаны на языке этих национальностей. Иначе говоря, судьи, помощники судей и другие работники суда должны были владеть как минимум двумя языками для правильного ведения судебного делопроизводства. Пункт 21 раздела 2 обязывал как органы государственной власти Штата, так и органы власти штатов-субъектов организовываться на таких началах, чтобы было обеспечено внедрение в жизнь прав национальностей, указанных в пунктах 1–20 раздела 2. Таким образом, всего лишь одним пунктом авторы «Конституции» Идель-Урала разрешали проблемы языка судопроизводства в будущем. Тогда как на сегодняшний день вопрос сохранения национального языка судопроизводства республик в Российской Федерации остается нерешенным.

Авторы «Конституции» Идель-Урала видели Штат в качестве составной части Российской Федеративной Республики (пункт 3 раздела 1). Во-

прос об отделении от России напрямую зависел от политической ситуации в стране. Составители надеялись на максимально федеративный характер взаимоотношений Идель-Урала с Россией. По этой причине не только народы Волго-Уральского региона должны были объединиться в децентрализованную договорную федерацию – Штат, но и самой России следовало организовать на такой платформе. Иначе говоря, будущая Россия представляла бы собой суперфедерацию, так сказать «Союз Штатов России». Критерии однородности субъектов федерации, с точки зрения их государственно-правовой природы и различий в статусе, позволяют отметить, что российская суперфедерация стала бы симметричной.

Желательной формой правления для России признавалась парламентская республика. Отсюда и включение в «Конституцию» Идель-Урала нормы о «Союзном парламенте Российской Федеративной Республики» (пункт 5 раздела 1). Этот высший представительный (законодательный) орган власти избирался пропорционально количеству населения в штате-субъекте России (не путать со штатами-субъектами Идель-Урала) на основе всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права. В исключительную компетенцию Союзного парламента входили такие вопросы, как почтово-телеграфное дело, железные и водные пути сообщения, установление монетной системы, угольное, торговое и вексельное право, установление общих для всех штатов-субъектов России налогов на общегосударственные нужды, заключение государственных займов, таможенная политика, международные отношения и другие общие для всех штатов-субъектов России вопросы.

В «Конституции» Идель-Урала во всех этих вопросах признавался приоритет общегосударственного законодательства над законами Штата. Если за Россией были подробно прописаны предметы ведения, то в отношении исключительных полномочий штатов-субъектов России применялся остаточный принцип. Отсутствие перечня предметов ведения Идель-Урала позволяет говорить о широком круге полномочий Штата. Перечисление в «Конституции» Идель-Урала полномочий России свидетельствует о том, что федерация должна была формироваться на договорном принципе, так как Идель-Урал делегировал собственные полномочия (часть суверенитета) центральным органам власти. Таким образом получалось, что Россия может быть исключительно договорной федерацией.

Исходя из изложенного, нельзя исключать и то, что авторы «Конституции» Идель-Урала, скорее всего, видели будущую Россию конфедеративным государством, нежели реальной федерацией.

Важную роль в образовании Волго-Уральского государства играл раздел 3 «Конституции» Идель-Урала – «Об учреждении Коллегии по осуществлению Урало-Волжского Штата и ее компетенции». Данной Коллегии отводилась огромная роль в создании государства Идель-Урал. «Меджлис создал Коллегию по организации Урало-Волжского штата (КУВШ). В ее состав вошли И.Алкин, С.Янгальчев, Г.Шараф, Ф.Муха-

медьяров, Ф.Сайфи, С.Атнагулов, Г.Губайдуллин, Н.Халфин. Главную роль в реализации идеи штата должен был сыграть Ильяс Алкин, председатель Всероссийского Мусульманского Харби Шуро. Товарищем председателя был избран Г.Шараф. Предполагалось, что Коллегия будет работать в Казани, в полном согласии с Казанским Советом. Планировалось включение в ее состав 5 представителей от русского населения, 2 – от чувашского, 1 – от марийцев» [10, с.185].

Коллегия являлась исполнительно-распорядительным органом временной власти. Пункт 1 раздела 3 «Конституции» Идель-Урала возложил на данную Коллегию решение пяти главных задач:

- установление контактов с представительными органами народов, предполагаемых к вхождению в Штат;
- созыв Конференции народов Штата в городе Уфе;
- обеспечение объявления Конференцией народов Штата об образовании автономного Штата;
- обеспечение принятия Конференцией народов Штата Временной Конституции Идель-Урала;
- обеспечение Конференцией народов Штата избрания Временного правительства Идель-Урала.

Следует сделать акцент на том, что Конференция народов Штата представлялась аналогом Учредительного собрания.

Подготовке созыва данной Конференции отводилось пристальное внимание. На эту Конференцию должны были быть приглашены представители учреждений и организаций как общих для всех народов (возможно, подразумевались советы, комиссариаты, земские и тому подобные органы), так и национальных (пункт 3 раздела 3), находящихся в пределах Штата.

Выборы в учредительный орган Идель-Урала должны были пройти максимально честно и открыто. В основу созыва Конференции был положен национально-пропорциональный принцип. Так, согласно пункту 4 раздела 3 «Конституции» Идель-Урала, количество представителей, приглашенных на Конференцию от каждой народности, должно быть по возможности пропорциональным ее численности в пределах Штата. Данная пропорциональность рассчитывалась исходя из предполагаемых границ Штата. Подобная формулировка закладывалась сознательно, так как авторы проекта отталкивались от идеи национального равноправия.

Кроме того, Коллегии предоставлялось право отбора тех организаций и учреждений, которые должны были быть представлены на Конференции, а также право указать количество представителей от каждой организации и учреждения и способ выборов (пункт 5 раздел 3).

Исполнительно-распорядительный характер власти Коллегии проявлялся в том, что она должна была определить время созыва Конференции народов Штата, выбрать помещения для ее заседаний, подготовить для

обсуждения проекты и доклады об экономическом положении, о Конституции, о границах Штата (пункт 6 раздел 3). По итогам своей деятельности Коллегии требовалось предоставить отчет Конференции народов Штата (пункт 7 раздел 3).

Необходимо отметить и еще одну необычную задачу, носившую агитационный характер и возложенную на Коллегию – распространение идеи территориальной автономии и популяризация ее среди народов, входящих в состав Штата Идель-Урал (пункт 8 раздел 3). Внимание представителей чувашского народа к проекту создания Штата Идель-Урал сыграло положительную роль. Предложенные чувашской интеллигенцией идеи, как отмечалось выше, укрепили экономическую основу проекта.

Пункт 10 раздела 3 «Конституции» Идель-Урала регламентировал вопрос финансирования деятельности Коллегии и предоставления ей материальных средств. Это финансово-материальное обеспечение возлагалось на Национальное управление мусульман тюрко-татар Внутренней России и Сибири, в ведении которого находилась национальная казна. При этом в случае, если издержки превысили бы смету, принятую Национальным собранием, необходимые суммы должны были быть выданы Национальным управлением по дополнительному требованию Коллегии из запасных сумм, предназначенных для Коллегии.

Нельзя не напомнить, что Национальное управление (Милли Идарэ) по своему характеру являлось либерально-демократическим, в отличие от инициаторов создания территориальной автономии (победителей – группы «Туфракчылар»), стоявших на социалистической платформе. Пожалуй, поэтому в положения «Конституции» Идель-Урала была включена дополнительная норма (пункт 11 раздела 3), которая предоставляла право Национальному собранию избирать в Коллегию из 8 членов и 4 кандидатов. Получался своеобразный компромисс – финансирование в обмен на голоса.

Деятельность Коллегии была строго ограничена временными рамками, то есть до избрания Конференцией народов Штата Временного Правительства Штата (пункт 15 раздела 3).

В «Конституции» Идель-Урала можно назвать неудачным положение о том, что сама Коллегия должна была работать в Казани, а перед открытием Конференции народов Штата переехать в Уфу (пункт 15 раздела 3). Забегая вперед, укажем, что это стало одной из причин быстрой «гибели» Штата Идель-Урал.

В рамках исследования государственности Штата Идель-Урал нельзя не коснуться и вопроса о форме правления.

В пункте 3 раздела 1 «Конституции» Идель-Урала устанавливалось, что государство строится как демократическая республика. При этом не определялся ее конкретный вид (парламентская, президентская или смешанная). Эта неопределенность была обусловлена политическими, классовыми и идеологическими аспектами. Либерально-демократические и социалистические круги (как левые, так и правые) выдвинули два разных

варианта – парламентская республика и республика советов. Например, экс-председатель Конституционного Суда Республики Башкортостан З.И. Еникеев подчеркивал: «Урало-Волжский штат, представляя по форме своего правления демократическую республику, вместе с другими штатами должен был составить Российскую Федеративную Республику. Тут же учреждена Коллегия по осуществлению Урало-Волжского штата (в дальнейшем КУВШ). Однако, несмотря на решение Национального собрания о создании УВШ как парламентской республики, КУВШ решила, что власть в штате должна быть организована на советской платформе» [5, с.160]. Аналогичную точку зрения высказывали ранее М.И. Абдуллин и С.Г. Батыев [2, с.90].

Безусловно, если проанализировать все постановления «Об Урало-Волжском Штате», то целый ряд положений позволяет утверждать, что Идель-Урал должен был стать парламентской республикой. В «Конституции» Идель-Урала нет ни одного положения о главе государства. Также документ не содержит и норм о премьер-министре Штата, что позволяет думать о намерении учреждения коллегияльного главы государства (например, президиума), состоящего из представителей нескольких (возможно четырех или более) наций.

Высшим представительным (законодательным) органом государственной власти должен был стать парламент Урало-Волжского Штата, который избирался на основе всеобщего, прямого, равного, тайного и пропорционального избирательного права (пункт 4 раздела 1). Парламент Идель-Урала был правомочен решать все вопросы Штата, за исключением вопросов, изъятых из его ведения пунктами 5 и 7 раздела 1. Парламент Идель-Урала не должен был вмешиваться в национальные дела народов Штата, предоставляя их исключительному ведению всероссийских национальных органов каждой нации. В соответствии с пунктом 8 раздела 2 в состав правительства штата-субъекта, по указанию центрального органа каждой нации, должно было входить одно лицо, наделенное правами министра, для непосредственного сношения штата-субъекта с нацией.

Таким образом, положения «Конституции» Идель-Урала строились на началах пропорциональности национального представительства и суверенитета национальной власти. Единоначалие для «волго-уральского конституционализма» было нехарактерно.

Представительный вид республики не стоял на месте в процессе подготовки проекта Штата Идель-Урал к реализации, а эволюционировал под воздействием политических событий. Активную роль в этом процессе сыграли большевики.

Вскоре «парламентская республика» превратилась в «республику советов». «Чтобы помешать намеченному съездом на 1 марта 1918 г. провозглашению ИУР, большевики организовали 21–22 февраля в Казани съезд Советов Поволжья и Южного Урала, который высказался за создание Волжско-Уральской республики, но под их эгидой» [7, с.480–481]. С этого

момента изменился не только вид республики, но и само наименование государства Идель-Урал – «Штат». Теперь Идель-Урал становился «Урало-Волжской Советской Республикой» (Телеграмма председателя КУВШ Г.Шарафа Уфимскому мусульманскому военному шуру от 10 марта 1918 г.) [1, с.47].

Местные органы переориентировали государственность Идель-Урала с либерально-социал-демократического курса исключительно на социалистический.

Агрессивное поведение большевиков, стремящихся сломать национально-демократическую платформу, на которой стоял проект Идель-Урала, вынудило Коллегию спешно утвердить дату провозглашения Штата [4, с.121–122]. И Штат Идель-Урал был провозглашен 1 марта 1918 г.

Коллегия по осуществлению Урало-Волжского Штата 10 марта 1918 г. направила Уфимскому мусульманскому военному шуру телеграмму, в которой отмечалось: «В скором времени объявить территорию Поволжья-Урал автономной частью Российской федеративной советской республики. В объявлении, как акте национального самоопределения мусульманского пролетариата и крестьянства, участвуют исключительно мусульманские организации, стоящие на платформе советов» [1, с.47]. В итоге структура органов власти стала оформляться по советскому шаблону.

В таком ключе ранее избранный путь конституционализации правопорядка становится ненужным, равно как и «Конституция» Идель-Урала. Новая власть взяла курс на строительство совершенно другого государства, в которой конституционализм – это институт буржуазного права и чуждое социализму явление.

Трансформация проекта «Штат Идель-Урал» в «Урало-Волжскую Советскую Республику» стала компромиссным шагом, проявлением стремления не вступать в прямую конфронтацию с большевиками. Однако эти уступки не помогли. Большевикам не нужен был независимый Идель-Урал ни в каком виде, в том числе и советском.

Штат Идель-Урал просуществовал до 28 марта 1918 г. В этот день присланные из Москвы вооруженные силы ликвидировали Мусульманский народный комиссариат. «На самом деле инициатором ликвидации Штата стал не кто иной, как Султан-Галиев, возглавлявший с 21 февраля губернский Комиссариат по мусульманским делам при Казанском совете. 29 марта он телеграфировал в Совнарком и Вахитову, что 28 марта этим комиссариатом был предъявлен ультиматум забулачной части города о немедленном разоружении и выдаче организаторов, в результате чего удалось без кровопролития ликвидировать, как сказано в источнике, “Забулачную” республику, ее “железные дружины” сложили оружие, сдались, горожане также сдавали оружие. Идель-Уральская советская республика (ИУСР), таким образом, была ликвидирована Советской властью 29 марта 1918 г., просуществовав почти месяц» [7, с.484].

Несомненно, что одной из причин неудачи реализации проекта Штата Идель-Урал послужило отсутствие солидарности между представителями татарско-башкирского либерально-демократического и социально-демократического течений с татарскими и башкирскими коммунистами. При этом татаро-башкирскую интеллигенцию, как либеральную, так и социалистическую, в равной степени волновал вопрос национальной государственности. Для башкирской и татарской интеллигенции, стоявшей на либерально-демократической и правосоциалистической платформе, идея реализации права самоопределения народа строилась вокруг Штата Идель-Урал. Однако для коммунистов центром сосредоточения вскоре стал проект Татаро-Башкирской Советской Республики. При этом вторые были более решительными при реализации своего проекта. Сторонники же первой группы к марту 1918 г. совершенно не были готовы к вооруженному противостоянию.

В заключение сделаем некоторые выводы.

Несмотря на свою квазиконституционную природу, «Конституция» Идель-Урала имела важное значение в становлении конституционализма у башкир, марийцев, татар, чувашей. Она показала, что добровольная консолидация народов в одном государстве может произойти, если основываться на принципе национального равноправия. Поэтому в работу по реализации данного проекта включались все народности региона. В связи с этим в проекте национального государственного образования все ярче отражался федеративный характер. Р.К. Валеев делает важное заключение: «В проекте Урало-Волжского штата впервые в России была опробована идея Советских Социалистических Республик (Штатов). Это вынуждены были признать ленинские идеологи советского национально-государственного строительства» [3, с.44]. С этим сложно не согласиться.

«Конституция» Идель-Урала признавала только договорную нецентрализованную федерацию. Также есть основания полагать, что Россию авторы Идель-Урала видели в качестве конфедеративного государства.

Ответ на вопрос о том, какой вид республики предполагалось создать, будет однозначным – Идель-Урал должен был стать парламентской республикой. Доминирующей являлась бы законодательная ветвь власти. В высшем представительном (законодательном) органе должны были присутствовать все национальности пропорционально своей численности.

«Конституция» Идель-Урала включала в себя множество гарантий, направленных на сохранение этнокультурного, языкового и религиозного многообразия Волго-Уральского региона.

Несмотря на провал реализации проекта Штата Идель-Урал, его государственно-правовое значение в истории народов Волго-Уралья весьма велико. Попытка реализации этого проекта показала стремление и готовность народов к самостоятельному государственному строительству.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. 100-летие образования Татарской АССР. Сборник документов и материалов: в 3 т. Т.2 / авт.-сост. З.С. Миннуллин, Р.Д. Шарафеева; науч. ред.: Р.Р. Фахрутдинов, Р.Р. Хайрутдинов. Казань: Заман, 2019. 496 с.
2. *Абдуллин М.И., Батыев С.Г.* Татарская АССР: реальность и буржуазные мифы. Казань: Татар. кн. изд-во, 1977. 200 с.
3. *Валеев Р.К.* Борьба за национальную государственность: начало XX века. Казань: Татар. кн. изд-во, 2020. 261 с.
4. *Гиззатуллин И.Г.* Мусульманские военные организации (1917–1921 гг.). Казань: Фэн, 2002. 205 с.
5. *Еникеев З.И.* Правовой статус Башкортостана в составе России: историко-правовое исследование. Уфа: Гилем, 2002. 371 с.
6. Илиас Алкин – общественный деятель, военачальник, ученый: Документы и материалы / сост.: И.Р. Тагиров, Д.Р. Шарафутдинов; Гл. архив. упр. при Кабинете Министров Респ. Татарстан, ЦГА ИПД РТ, НА РТ. Казань: Гасыр, 2002. 351 с.
7. *Исхаков С.М.* Российские мусульмане и революция (весна 1917 г. – лето 1918 г.). 2-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во «Социально-политическая МЫСЛЬ», 2004. 600 с.
8. *Клементьев В.Н.* История национальной государственности чувашского народа. В 2-х кн. Кн. 1: Истоки государственности чувашей. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2018. 383 с.
9. Россия. Географическое описание Российское Империи по губерниям и областям с географическими картами. СПб.: Изд-во Тип. «Бережливость», 1913. 286 с.
10. *Тагиров И.Р.* История национальной государственности татарского народа и Татарстана. 2-е изд. Казань: Татар. кн. изд-во, 2008. 455 с.
11. Татарская энциклопедия: в 6 т. Т.4 / гл. ред. М.Х. Хасанов, ответ. ред. Г.С. Сабирзянов. Казань: Институт Татар. энциклоп. АН РТ, 2008. 768 с.
12. *Усманова Д.М.* Национальное собрание и судьба различных проектов национальной автономии // История татар с древнейших времен. В 7 т. Т.VII. Казань: Институт истории АН РТ, 2013. С.233–242.
13. *Хабутдинов А.Ю.* От общины к нации: татары на пути от средневековья к Новому времени (конец XVIII – начало XX вв.). Казань: Татар. кн. изд-во, 2008. 214 с.

Информация об авторе:

Зайнутдинов Динар Рафаилович – доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры теории государства и права и публично-правовых дисциплин, Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязова (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0003-0836-8769; e-mail: knight_1988@mail.ru

Поступила 26.04.2023

Принята к публикации 06.07.2023

The "Constitution" of Idel-Ural as the foundation of multinational statehood

D.R. Zaynutdinov

Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov

Kazan, Russian Federation

The question of the national autonomy of the Turko-Tatar peoples of Russia has been in the air for quite a long time. At the First All-Russian Muslim Congress, held in Moscow in May 1917, while discussing the question of the state structure of Russia, delegates split into two camps – Unitarians and federalists. The latter soon won the victory, immediately starting to draw up a project of national-territorial autonomy. One of these projects was the "Idel-Ural State". At present, a considerable array of scientific research has been accumulated on the process of preparing and proclaiming the project of the State of Idel-Ural as a multinational state. However, among these studies there are no works that would cover the legal component of this project.

As a result of a long meeting of the National Assembly of Turko-Tatar Muslims in January 1918, a number of resolutions came into being, which generally established the framework for the subsequent constitutionalization of law and order in the State of Idel-Ural. The combination of these resolutions can be given the conditional name "Constitution" of Idel-Ural. It fixed the path of development of constitutionalism, and guaranteed the fundamental principles of building statehood: national equality, federalism, democracy, political and ideological pluralism. The "Constitution" of Idel-Ural played a particularly important role in the practice of state building of the Tatar people. This work aims to provide a general analysis of the provisions of this legal document, and thereby reveal the hidden areas of the state-legal history of the Tatars.

Keywords: State of Idel-Ural, constitution, federalism, national equality, parliamentary republic, constitutionalism, Bolsheviks

For citation: Zaynutdinov D.R. The "Constitution" of Idel-Ural as the foundation of multinational statehood. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2023, vol.13, no.3, pp.118–135. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2023-13-3.118-135> (In Russian)

REFERENCES

1. *100th anniversary of the formation of the Tatar ASSR. Collection of documents and materials:* in 3 volumes. Vol.2. Compiled by Z.S. Minnullin, R.D. Sharafieva; scientific editors: R.R. Fakhruddinov, R.R. Khairutdinov. Kazan: Zaman Publ., 2019. 496 p. (In Russian)
2. Abdullin M.I., Batiev S.G. *Tatar ASSR: reality and bourgeois myths*. Kazan: Tatar book Publ., 1977. 200 p. (In Russian)
3. Valeev R.K. *The struggle for national statehood: the beginning of the 20th century*. Kazan: Tatar book Publ., 2020. 261 p. (In Russian)
4. Gizzatullin I.G. *Muslim military organizations (1917–1921)*. Kazan: Fen Publ., 2002. 205 p. (In Russian)
5. Enikeev Z.I. *Legal status of Bashkortostan within Russia: historical and legal research*. Ufa: Gilem Publ., 2002. 371 p. (In Russian)

6. *Ilias Alkin – public figure, military leader, scientist: Documents and materials*. Compiled by I.R. Tagirov, D.R. Sharafutdinov. Kazan: Gasyr Publ., 2002. 351 p. (In Russian)
7. Iskhakov S.M. *Russian Muslims and the Revolution (Spring 1917 – Summer 1918)*. 2nd ed. Moscow: "Social and Political Thought" Publ., 2004. 600 p. (In Russian)
8. Klementiev V.N. *The history of the national statehood of the Chuvash people*. In 2 books. Book. 1: The origins of the Chuvash statehood. Cheboksary: Chuvash book Publ., 2018. 383 p. (In Russian)
9. *Russia. Geographical description of the Russian Empire by provinces and regions with geographical maps*. St. Petersburg: Thrift Publ., 1913. 286 p. (In Russian)
10. Tagirov I.R. *History of the national statehood of the Tatar people and Tatarstan*. 2nd ed. Kazan: Tatar book Publ., 2008. 455 p. (In Russian)
11. *Tatar Encyclopedia*: in 6 volumes. Vol.4. Ed. by M.Kh. Khasanov, G.S. Sabirzyanov. Kazan: Institute of the Tatar Encyclopedia of the Tatarstan Academy of Sciences, 2008. 768 p. (In Russian)
12. Usmanova D.M. *National Assembly and the fate of various projects of national autonomy*. History of the Tatars since ancient times. In 7 volumes. Vol.7. Kazan: Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences. 2013. Pp.233–242. (In Russian)
13. Khabutdinov A.Yu. *From community to nation: Tatars on the way from the Middle Ages to the New Age (late 18th – early 20th centuries)*. Kazan: Tatar book Publ., 2008. 214 p. (In Russian)

About the author:

Zaynutdinov Dinar Rafailovich – Dr. Sci. (law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory of State and Law and Public Law Disciplines, Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0000-0003-0836-8769; e-mail: knight_1988@mail.ru

Received April 26, 2023

Accepted for publication July 6, 2023

ПУБЛИКАЦИЯ ИСТОЧНИКА

УДК 94(470.5)"16"

«Татарину... платить окладной ясак против башкирцов по лисице на год». О влиянии фискальной политики государства на процессы формирования социальных групп населения Уфимского уезда в конце XVII в.

Р.Р. Исхаков, О.О. Владимиров

Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ

Казань, Российская Федерация

В публикации представлены документы из фонда «Уфимская приказная изба» Российского государственного архива древних актов, позволяющие оценить процесс складывания социальных групп ясачного населения Уфимского уезда в последней трети XVII в. и влияние на этот процесс фискальной политики государства. Документы проливают свет на роль государства в стратификации сельских жителей, а также механизмы интеграции переселенцев из Предкамья в сложившуюся социальную структуру местного общества.

Ключевые слова: ясачные татары, бобыли, башкирцы, Уфимский уезд, Западное Приуралье

Для цитирования: Исхаков Р.Р., Владимиров О.О. «Татарину... платить окладной ясак против башкирцов по лисице на год». О влиянии фискальной политики государства на процессы формирования социальных групп населения Уфимского уезда в конце XVII в. // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2023. Т.13, №3. С.136–160. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2023-13-3.136-160>

Одной из слабоизученных тем в историографии народов Западного Приуралья является формирование социальных (сословных) групп региона в XVII–XVIII вв. и влияние на этот процесс фискальной политики местного руководства (администрации Уфимского уезда) и центральной бюрократии (Приказа Казанского дворца). Несмотря на то, что данный вопрос затрагивался в трудах исследователей [1, 2, 3, 4], можно констатировать, что он слабо разработан. В данном случае основной проблемой является отсутствие достаточной для эмпирических обобщений источниковой базы. В этом отношении безусловный интерес представляют документы фонда «Уфимская приказная изба» (ф.1173) Российского государственного архива древних актов (РГАДА).

В рамках данной публикации предлагаем читателям ознакомиться с коллекцией документов, находящихся в деле под номером 1152 вышеозначенного фонда, где сохранились делопроизводственные документы по рассмотрению прошений (челобитных) о записи в окладной и бобыльский ясак разных групп населения, а также снятии с них ясака.

Всего в публикации представлено 13 документов¹, датируемых 1693 г. Но в них также имеются выписки из более ранних документов 1670–1680-х гг., дающиеся в качестве прецедентного примера для принятия решения по настоящим прошениям. Таким образом, данная коллекция позволяет выявить особенности фискальной политики государства в отношении ясачного населения Уфимского уезда последней трети XVII в. Документы сгруппированы в соответствии со сложившейся во второй половине XVII в. делопроизводственной практикой, имеют характерные для этой эпохи клаузулы. Большинство из них включают: 1) челобитную с подписями-тамгами просителей; 2) описание рассмотрения дела; 3) решение по нему; 4) данные о делопроизводителе и переводчике.

На основе этих источников можно выявить механизмы формирования в это время социальных групп ясачного населения Уфимского уезда: башкирцев и бобылей. Как свидетельствуют документы, при социальном маркировании местных жителей учитывались сложившиеся здесь традиции землевладения, а также их фискальный статус, т.е. какую налоговую нагрузку они несли – платили окладной (башкирцы) или бобыльский (бобыли) ясак. Данные группы не были гетерогенные в этнокультурном плане и не являлись замкнутыми социальными корпорациями. В число бобылей вливались группы безьясачных людей – представители нерусских народов, переселенцы из Предкамья, стремившиеся путем записи в бобыльский ясак легализовать свое правовое положение и закрепиться на новом месте. В свою очередь, «укоренившиеся» бобыли стремились путем переписывания в окладной ясак интегрироваться в состав башкирцев, которые, благодаря наличию особых прав на землю, находились на более высокой ступени социальной иерархии. В переводе на оклад пришлого ясачного населения были заинтересованы как государство, так и сами башкирцы. Если уфимская администрация путем увеличения числа башкирцев расширяла свою налоговую базу, т.е. количество окладного населения, платившего ясак в Уфу, то башкирцы снижали свою налоговую нагрузку и обременение по несению государственных повинностей. Особое значение это имело в поземельных волостях с существенной территорией и небольшим населением, так как распределение налогового бремени осуществлялось не по числу ясачных людей, а по количеству и качеству земельных и лесных владений. Представленные ниже документы позволяют выявить некоторые механизмы интеграции бобылей в состав башкирцев. В

¹ В деле содержится четырнадцать документов, одно из которых не публикуется в связи с плохой сохранностью и отсутствием окончания.

качестве инициатора перевода на окладной ясак (окладной и окладной тептерский² ясак) выступали башкирцы или сами бобыли. В первом случае, например, после смерти бездетного башкирца его родственники, не желая или не имея возможности платить его окладной ясак, просили уфимского воеводу передать вотчину умершего бобылю. Обедневший башкирец и сам мог отказаться от своих вотчинных прав в пользу лица, готового вместе с его землей взять на себя обязательства по уплате окладного ясака, или припустить его в свое повытье с условием совместной уплаты ясака. Но наиболее распространенным способом получения статуса башкирца было официальное обращение (челобитная) бобыля о переводе его на окладной ясак. Часто просители, кроме выплаты окладного ясака, обязались давать за это дополнительный ясак в «прибыль». Как правило, все такие просьбы удовлетворялись. Основным препятствием в переводе вчерашних бобылей в башкирцы в глазах уфимской администрации могла стать уплата ими ранее бобыльского ясака. При таких обстоятельствах обязательным условием перевода в башкирцы было сохранение выплаты бобыльского ясака, т. е. приискание просителем на свое место безьясачного человека.

Таким образом, в состав башкирцев и ясачных бобылей вливались новые группы сельского населения. Следовательно, говорить о каком-то этнокультурном единстве этих групп не приходится. В приводимых ниже документах отмечается переход в состав башкирцев татар (горных татар (выходцы с Горной стороны, т. е. Свияжского уезда), ясачных и безьясачных татар), чуваш («чувашенинов»), мари («черемисинов»). Также в составе поземельных волостей фиксируются башкирцы, обозначенные по этнокультурному признаку – «ногайтин» (ногаец), татарин.

Динамику этим процессам придавала интенсификация миграционных процессов в Приуралье, а также фискальная политика уфимской администрации по расширению налоговой базы на местах. В условиях массового переселения в Приуралье нерусского населения из Среднего Поволжья и лояльного отношения местного руководства к записи их в окладной и бобыльский ясак происходит быстрый рост количества башкирцев и бобылей. Так, в приводимых ниже материалах по четырем дорогам Уфимского уезда зафиксирован переход в число башкирцев более 40 бобылей, подавляющее большинство которых были татарами. В данном случае это лишь один из примеров, характеризующий процессы формирования сословия «башкирцев» в отдельно взятый год. Приведенные ниже документы раскрывают, насколько интенсивный характер имело это социальное явление в данную эпоху.

² В данном случае под тептерским подразумевается «облегченный» окладной ясак.

ПРИЛОЖЕНИЕ

№1. Память по челобитной бобыля деревни Сахаево Ногайской дороги Иликея Миликеева о переводе его на окладной ясак от 26 сентября 1693 г.

//л.1//³ Лета 7201-го сентября в 26 день⁴ по указу великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцев, и по выписке за пометою ближнего околничьего и воеводы Василья Федоровича Стрешнева велено Уфинского уезду Нагайские дороги деревни Сахаевы бобылю Иликейку Миликееву платить окладной ясак родственника ево, деревни Бешеул С[...] ⁵азы с Акпердком Тингуатовым, да с Ештуганком Чюриным по кунице на год, а бобыльской ясак и бобыльские подати вместо ево платить деревни Юрмаш безьясашному бобылю Менекею Байкееву. И к сей памяти ясашным зборщиком иным посыльщиком и ест ли на Иликейке Миликееве бобыльской ясак и подати бобыльских не спрашивать, и в том к нему не приметыватца и не убытчить, а имать за него тот бобыльской ясак и бобыльские подати с деревни Юрмаш Менекея Бакеева.

РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.1152. Л.1.

№2. Память по челобитной ясачного «черемисина» деревни Ешпаево, Изяк тож, Осинской дороги Шудышки Яндеярова о снятии с него бобыльско-го ясака и переводе его на безьясачного горного татарина Васку Урманчина от 25 октября 1693 г.

//л.2// Великим государем царем и великим князем Иоанну Алексеевичу, Петру Алексеевичу, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцем, быют челом сироты ваши: Уфинского уезду Осинской дороги деревни Ешпаевы, Изяк тож, ясашной черемисин Шудышка Яндеяров да тое ж деревни горной татарин Васка Урманчин. Обеднял и оскудал я, сирота ваш, Шудышка, и детишек у меня, сироты вашего, нет, и от бедности, от скудости платить вам, великим государем, ясак невмочь. И тот ваш, великих государей, ясак, я, сирота ваш, здал ему, Василью. Васка с него тот ваш, великих государей, ясак снял и платить тот ясак вам, великим государем, мне, Васке, по вся годы з двусот перваго году⁶ по две куницы. Милосердные великие государи цари и великие князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцы, пожалуйте нас, сирот нас, сирот своих, велите, государи, с меня, Шудышки, тот ясак снять и написать на меня сироту своего, Васку, а я, Васка, вам, великим государем, тот ясак платить по вся годы буду. Великие государи цари, смилуйтея, пожалуйте.

//л.2об.// Челобитчик Шудышка тамгу свою приложил

³ Лист оборван на две части (л.1 и 1а) и был восстановлен.

⁴ Дата соответствует 26 сентября 1693 г.

⁵ Здесь и далее текст оборван.

⁶ Дата соответствует периоду с 1 сентября 1692 г. по 31 августа 1693 г.

Челобитчик Васка тамгу свою приложил
//л.3// И против сего челобитья выписано:

В ясашной бобыльской книге нынешняго 201-го году⁷ написано:

Осинские дороги деревня Изяк в бобыльском ясаке Шудейко Январов, а ясаку на нем куница да 13 алтын 2 денги.

А Васки Урманчина в бобыльском ясаке не сыскано.

И ныне великим государем царем и великим князем Иоанну Алексеевичю, Петру Алексеевичю, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодерждцем, бьет челом Осинские дороги деревни Изяк ясашной черемисин Шудушка Яндеяров да горной татарин Васка Урманчин, чтоб великие государи пожаловали их, велели с Шудушку ясак снять и написать на Васку Урманчина, а он, Васка, с него, Шудушка, тот ясак снимает.

Написано например:

В прошлом во 187-м году ноября в 29 день⁸ по указу блаженные памяти великого государя царя и великого князя Феодора Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, и по грамоте, и по выписке, и по приговору столника и воеводы Венедикта Хитрово за ево рукою Казанские дороги деревни Нижней Улу Именли бобыль Доска Акбаев для увечья из ясаку оставлен и впредь в ясашных //л.4// книгах в ясак писать ево не велено, будет он, Доска, одинок, детей у него нет, а в ево место велено написать безясашного сродича ево, брата или племянника, или гулящего человека – тое деревни жителя.

201-го года октября в 25 день⁹ ближней околничей и воевода Василей Федорович Стрешнев, слушав сеи выписки, велел челобитчика Кудашка Яндеярова за старость и за одиночество из ясаку выписать, а вместо ево в ясак написать безясашного горного татарина Васку Урманчина. По тому и преж сего ясашные бобыли для увечья и одиночества из ясаков отставливаны, да и бобыльскому ясаку убыли в том не будет и от приметок ясашных зборщиков и иных посыльщиков дать ему оберегальную память.

И челобитчику Шудеску Яндеярову память дана такова:

Лета 7201-го октября в 25 день по указу великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцев, и по выписке за пометою ближнего околничего и воеводы Василья Федоровича Стрешнева велено Уфин //л.5// ского уезду Осинские дороги деревни Азяк бобыля Шудеска Яндеярова за скудость и за одиночество из ясаку выписать, а вместо ево написать тое ж деревни безясашного татарина Васку Урманчина. И по сей памяти ясашным зборщикам и иным посыльщикам на Шудеске Яндеярове бобыльского ясаку и податей бобыльских не спрашивать, и в том к нему не приметьватца и не убытчить, а имать за него тот бобыльской ясак и бобыльские подати на Васке Урманчине.

//л.4 об.// Справил Сенка Холщевнин.

РГАДА. Ф.1173. Он.1. Д.1152. Л.2–3, 4–5.

⁷ Дата соответствует периоду с 1 сентября 1692 г. по 31 августа 1693 г.

⁸ Дата соответствует 29 ноября 1679 г.

⁹ Дата соответствует 25 октября 1693 г.

№3. Память по челобитной безьясачного татарина деревни Елим Ногайской дороги Исенгула Дулатова о переводе его на окладной ясак от 15 ноября 1693 г.

//л.5а// Великим государем царем и великим князьям Иоанну Алексеевичю, Петру Алексеевичю, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцем, бьет челом холоп ваш Уфинского уезду Ногайской дороги деревни Елим безьясашной татарин Исенгулка Дулатов. Родственники мои, холопа вашего, платят вам, великим государем, на Уфу в казну окладной ясак по лисице с человека на год. Милосердные великие государи цари и великие князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцы, пожалуйте меня, холопа своего, велите, государи, меня на Уфе написать в окладной лисей ясак с родственники мои, платить вам, великим государем, по лисице по вся годы. Великие государи цари, смилуйтеся.

//л.5а об.// Челобитчик Исенгулка тамгу свою приложил

//л.6// И против сего челобитья выписано:

В прошлом во 200-м году ноября в 21 день¹⁰ по выписке за пометою ближнего окольничего и воеводы Василья Федоровича Стрешнева велено Ногайские дороги деревни Елим татаром Кинзягулку Дулатову, Кадырку Тоишеву, Мамекейку Маметеву, Урсайку Батыреву платить окладной ясак по лисице человеку на год, и о том память дана.

А челобитчика Исенгулка Дулатова в окладном и в бобыльском ясаках не написано.

Да в ясашной приходной бобыльской книге написано:

Ногайские дороги деревни Что на Елиме реке да деревни Что на речке Тюлка Уразайко да Урускулко Дулатовы, а ясак на них по 2 куницы.

И у выписки челобитчик Исенгулко сказал: Кинзягулко и Уразайко, и Урускулко ему, Исенгулку, братья родные.

К скаске знамя приложил

И ныне великим государем царем и великим князьям Иоанну Алексеевичю, Петру Алексеевичю, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцем, бьет челом Уфинского уезду Ногайские дороги деревни Елим безьясачной татарин Исенгулка Дулатов, чтоб великие государи пожаловали ево, велели ево на Уфе написать в окладной лисей ясак с родственники //л.7// ево и платить по лисице на год.

Написано например:

В прошлом во 198-м году декабря в 30 день¹¹ по выписке за пометою стольника и воеводы Ивана Толстово велено Ногайские дороги деревни Юряктав татарину Бимейку Иштуганову платить окладной ясак против башкирцов по лисице на год, и о том ему память дана.

¹⁰ Дата соответствует 21 ноября 1692 г.

¹¹ Дата соответствует 30 декабря 1690 г.

201 года ноября в 15 день¹² ближней окольничей и воевода Василей Федорович Стрешнев, слушав сеи выписки, велел челобитчику Исенгулку Дулатову платить окладной ясак по лисице на год. По тому и преж сего такие примеры бывали: безясашные люди в окладные ясаки писаны, да и бобылскому ясаку убыли в том не будет и прибыль лисица. И от приметок ясачных зборщиков дать ему оберегалную память.

//л.8// Лета 7201-го ноября в 15 день по указу великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцев, и по выписке за пометою ближнего околничего и воеводы Василья Федоровича Стрешнева велено Уфинского уезду Ногайские дороги деревни Елим татарину Исенгулку Дулатову платить окладной ясак по лисице на год. И по сей памяти ясачным зборщиком и иным посыльщиком ево, Исенгулка, в бобылской ясак не писать, и в том к нему не приметыватца и не убытчить.

И челобитчику Исенгулку дана память такова:

//л.7 об.// Справил Сенка Холщевнин.

РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.1152. Л.5а–6, 7–8.

№4. Память по челобитной новокрещен деревни Атикеево Сибирской дороги Антипа Филипова, Ивана Васильева, Игнатия Козмина «с товарищи» о снятии с них бобыльского ясака от 14 ноября 1693 г.

//л.8а// Великим государем царем и великим князем Иоанну Алексеевичю, Петру Алексеевичю, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцем, быют челом сироты ваши Уфинского уезду Сибирской дороги деревни Атикеевой новокрещены Антипко Филипов, Ивашка Васильев, Игнашка Козмин с товарищи. Всею деревнею платим мы, сироты ваши, в вашу, великих государей, казну бобылской ясак по две кунце по вся годы. Да мы ж, сироты ваши, гоняем под вашими, великих государей, посыльщиками подводы по той Сибирской, и по Осинской, да по Казанской дорогам непрестанно. И от [...]водные гонбы, нам, сиротам вашим, вашего, великих государей, бобылского ясаку платить невмочь. А живем мы, сироты ваши, от города Уфы в десети верстах. Милосердные великие государи цари и великие князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцы, пожалуйте нас, сирот своих, велите, государи, с нас, сирот ваших, того вашего, великих государей, бобылского ясаку за многую подводную гонбу с нас, сирот ваших, не имать. И велите, государи, вместо того своих, великих государей, бобылского ясаку нам, сиротам вашим, подводы гонять против подгородных деревни Екшивановой ямщиков. Великие государи цари, смилуйтеся, пожалуйте.

//л.8а об.// Вместо челобитчиков Антипки Филипова да Ивашка Васильева, да Игнашка Козмина по их велению Фетка Токарев руку приложил.

//л.9// И против чего челобитья выписано:

В ясачной приходной бобылской книге прошлого 197-го года¹³, написано:

Сибирские дороги деревни Атикеевы бобылей по имяном 4 человека, а ясаку на них по 2 кунце да по 13 алтын по 2 денги на человеке.

¹² Дата соответствует 15 ноября 1693 г.

¹³ Дата соответствует периоду с 1 сентября 1688 г. по 31 августа 1689 г.

И с того числа 2 человека живут в розных деревнях и на 197-й год ясаку во взятъе толко с одного человека.

Да в прошлом во 197-м году февраля в день¹⁴ в грамоте великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцев, писано на Уфу к стольнику и воеводе к Ивану Толстово: велено против челобитья Уфинского уезду всех четырех дорог ясашных людей в Уфинском уезде ясашных бобылей переписать по именом, сколко их налицо, хто и почему в их, великих государей, казну оброку и всяких податей платят, и сколко человек их, бобылей, живут в захребетниках или и своими дворами безобочно. А переписав, учиня тому всему книги с ясаками, с подлинною очисткою, и перечневую выписку прислать к Москве.

//л.10// И по тому великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцев, указу и по грамоте в Уфинской уезд по Сибирской дороге для переписки и для накладки ясаков посыланы порутчик Дмитрий Тверитинов да приказные избы подячей Федор Дубровин и переписи своей подали за руками книги, и в книгах их деревни Аतिकеевы бобылей не писано.

И в прошлом во 198-м году¹⁵ по указу великих государей и по грамоте велено Уфинского уезду с ясашных людей ясак збирать по переписным книгам 197-го году и на 198-й, и на 199-й¹⁶, и на 200-й¹⁷ годы, деревни Аतिकеевы з бобылей ясак в зборщикových книгах во взятъе ничего не написано.

Да в прошлом во 195-м году августа в 4 день¹⁸ по выписке за пометою столника и воеводы князя Ивана Борятинского деревни Якши Ивановы ямских охотников Уртечка Илбахтина с товарищи ясашным зборщиком в ясак до указу великих государей писать и бобыльских податей никому спрашивать с них не велено. И о том им память дана.

И ныне великим государем царем и великим князям Иоанну Алексеевичю, Петру Алексеевичю, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцем, бьет челом Уфинского уезду, Сибирские дороги //л.11// деревни Аतिकеевы новокрещены Антипка Филипов с товарищи всею деревнею, чтоб великие государи пожаловали их за многую подводную гонбу, не велели с них бобыльского ясаку имать против подгородных деревни Якши Ивановы ямщиков.

И в нынешнем 201-м году ноября в 14 день¹⁹ ближней околничей и воевода Василей Федорович Стрешнев, слушав сеи выписки, велел челобитчиком Антипке Филипову с товарищи в деревне Аतिकееве жить из одной подводной гонбы, а бобыльского ясаку и иных никаких податей имать с них не велено. И о том по указу великих государей и по грамоте велено Уфинского уезду с ясашных людей ясак збирать по ясашным книгам 198-го году²⁰, а они, челобитчики, в тех пере-

¹⁴ Дата соответствует периоду с 1 февраля 1689 г. по 28 февраля 1689 г.

¹⁵ Дата соответствует периоду с 1 сентября 1689 г. по 31 августа 1690 г.

¹⁶ Дата соответствует периоду с 1 сентября 1690 г. по 31 августа 1691 г.

¹⁷ Дата соответствует периоду с 1 сентября 1691 г. по 31 августа 1692 г.

¹⁸ Дата соответствует периоду с 1 сентября 1686 г. по 31 августа 1687 г.

¹⁹ Дата соответствует 14 ноября 1693 г.

²⁰ Дата соответствует периоду с 1 сентября 1689 г. по 31 августа 1690 г.

писных книгах не написаны, да и потому что деревни Якши Ивановы с ямских охотников ясаку и иных податей иметь не велено. И о том им память дать.

И челобитчику Антипку Филипову с товарищи память дана такова:

//л.12// Лета 7201-го ноября в день²¹ бил челом великим государем царем и великим князьям Иоанну Алексеевичю, Петру Алексеевичю, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцем, а на Уфе в приказной избе ближнему околничему и воеводе Василью Федоровичю Стрешневу Уфинского уезду Сибирские дороги деревни Атикеевы новокрещены Антипка Филипов с товарищи подали челобитную. А в челобитной их написано: платят де они в их, великих государей, казну бобыльского ясаку по две куницы, да они ж под всякими посылщики гоняют подводы по Сибирской, и по Осинской, и по Казанской дорогам непрестанно. И от тое де подводные гонбы бобыльского ясаку платить им невмочь. И великие государи пожаловали б их за многую подводную гонбу, не велели с них бобыльского ясаку и бобыльских податей иметь, а вместо того бобыльского ясаку велели им гонять подводы против подгородных деревни Якши Ивановы ямщиков и в нынешнем 201 году ноября в 14 день²² по указу великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцев, и по выписке за пометою ближнего околничего и воеводы Василья Федоровича Стрешнева, велено им, Антипке с товарищи, в деревне Атикееве жить из одной подводной гонбы, а бобыльского ясаку и иных никаких податей иметь с них не велено. И по сей памяти ясашным зборщиком и иным посылщиком с Антипки Филипова с товарищи бобыльского ясаку и податей бобыльских не спрашивать, и в том к ним не приметыватца и ничем их не убытчить.

//л.11 об.// Справил Сенка Холщевнин.

РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.1152. Л.8а–12.

№5. Память по челобитной ясачных башкирцев деревни Полский Киргуз (Кыргыз, Кыргыз) Елдацкой волости Казанской дороги Исмекея Китяпова с братом и с племянником о передаче окладного ясака с повытья их умершего родственника Еманая Кутуева безьясачному татарину Шайбулату Шаймурзину от 17 ноября 1693 г.

//л.13// Великим государем царем и великим князьям Иоанну Алексеевичю, Петру Алексеевичю, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцем, бьют челом холопи ваши, Уфинского уезду Казанские дороги деревни Полского Кыргыз Елдацкой волости ясашные башкирцы Исмекейка Китяпов з братом и с племянником, в прошлых годех родственник наш, холопей ваших, ясашной башкирец Еманай Кутуев умре, а после ево, Еманая, в вашу, великих государей, казну платим мы, холопи ваши, ево повытья: ясаку, ансырь меду да куницу и того ясаку ево повытья платить нам мочи нет. Милосердные великие государи цари и великие князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцы, пожалуйте нас, холопей своих, велите, государи, тот ясак, повытья умершего родственника нашего написать на безьясашного татарина на Шайбулатка Шаймурзина, а я, сирота ваш, Шайбулатка, тот ясак в вашу, великих государей, казну платит по вся годы. Великие государи цари, смилуйтеся.

²¹ Дата соответствует периоду с 1 ноября 1693 г. по 30 ноября 1693 г.

²² Дата соответствует 14 ноября 1693 г.

//л.13об.// Челобитчик Исмекейка тамгу свою приложил

//л.14// И против сего челобитья выписано:

В окладных приходных книгах нынешняго 201 году написано:

Казанские дороги Елдяцкие волости на старосте, на Солтангилдее Бедееве, с товарищи 100 куниц да меду 52 батмана с полубатманом.

Да в тот же оклад помогает служилой мешчеряк Уляйко Янборисов 2 куницы.

Да Степан Янбахтин помогает 2 куницы.

Да тое ж волости башкирцу Тойметку Калмыкову в ево повытье помогает деревни Полского Киргизу Сюлейманко Мишкин да безясашной Беккеньячко Ел-дашев.

А челобитчика Исмекейка Китяпова з братом и с племянником и родственника их, Еманайка Кутуева, в том окладном ясаке не написано, потому что и иных волостей на башкирцах окладные ясаки писаны на старостах и на лутчих людех, а не на всех поимяном.

Да по справке на Уфе в приказной избе с окладными бобыльскими книгами прошлых и нынешняго 201 годов Шайбулатка Шаймурзина в бобыльском ясаке не сыскано.

И ныне великим царем государем и великим князьям Иоанну Алексеевичю, Петру Алексеевичю, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцев, бьют челом Уфинского уезду Казанские дороги Елдяцкие волости деревни Полского Киргизу ясашные башкирцы //л.15// Исмекейка Китяпов з братом и с племянником, чтоб великие государи пожаловали их, велели вместо умершаго башкирца Еманайка Кыстуева в окладной ясак написать безясашного татарина Шайбулатка Шаймурзина.

Написано например:

В прошлом во 187 году июня в 1 день²³ по выписке за пометою столника и воеводы Венедикта Хитрово по челобитью Гирейские волости башкирца Торогози Бескеева велено за ево, Торогозину, службу, что он в измене не был, и за побитых детей ево и сродичей и для ево старости в ясак помогать вскормленнику ево Байтушку Тойлину и платить ему, Байтушку, ясак ево, Торойгозин, повытье шесть куниц да батман меду с ним, Торойгозею, вместе по вся годы сполна. И о том ему, Торогозе, оберегалная память дана.

//л.16// 201-го года ноября в 17 день²⁴ ближней околничей и воевода Василей Федорович Стрешнев, слушав сеи выписки, велел против Исмекейкова челобитья Китяпова умершаго родственника ево Еманайка Кынтуева в окладной ясак написать безясашного татарина Булатка Шаймурзина и платить ему, Шайбулатку, ево, Еманайково, повытье по кунице да по ансырю меду по вся годы, чтоб им, Исмекейку з братом и с племянником, тот ясак платить было не в тягость и в доимку б не запустить. Да и преж сего такие примеры бывали: безясашные люди в окладные ясаки писаны. И от приметок ясашных зборщиков дать ему оберегалную память.

Челобитчику Шайбулатку Шаймурзину память дана такова:

Лета 7201 года ноября в 17 день по указу великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцев, и по выписке за пометою ближнего околничего и воеводы

²³ Дата соответствует 1 июня 1679 г.

²⁴ Дата соответствует 17 ноября 1693 г.

Василья Федоровича Стрешева велено Уфинского уезду Казанские дороги деревни Полского Кыргызу безьясашного татарина Шайбулака Шаймурзина написать в окладной ясак вместо Елдяцкие волости умершаго башкирца Еманайка Кынтуева и платить ему ево, Еманайково, повытье по кунице да по ансырю меду. И по сей памяти ясашным зборщиком и иным посылщиком ево, Шайбулатка, в бобыльской ясак не писать и бобыльского ясаку не спрашивать, и в том к нему не приметьватца и ничем не убытчить.

//л.15 об.// Справил Сенка Холщевнин.

РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.1152. Л.13–16.

№6. Память по челобитной ясачного башкирца Елдяцкой волости Казанской дороги Юсупа Татлыбаева о записи в окладной ясак безьясашного татарина Досая Иванаква от 17 ноября 1693 г.

//л.17// Великим государем царем и великим князьям Иоанну Алексеевичю, Петру Алексеевичю, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцем, бьет челом холоп ваш, Уфинского уезду Казанской дороги Елдяцкой волости башкирец Юсупка Татлыбаев в прошлых годах платил в вашу, великих государей, казну на Уфу окладного ясаку дед и отец, и родственники мои по полубатману з бесцырем меду да по кунице на год. И дед, и отец, и родственники мои многие померли, а в том ясаке остался я, холоп ваш, остался один. И того вашего, великих государей, ясаку мне, холопу вашему, платить невмочь. Великие государи цари, смилуйтесь. Милосердные великие государи и великие князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцы, пожалуйте меня, холопа своего, велите, государи, для вспоможения того платеж того ясаку написать безьясашного татарина Досая Иванаква. Великие государи цари, смилуйтесь.

//л.17 об.// Челобитчик Юсупка тамгу свою приложил

//л.18// И против сего челобитья выписано:

В окладной ясашной книге нянешняго 201 году написано:

Казанские дороги Елдяцкие волости на старосте, на Солтангилдее Бедееве, с товарищи 100 куниц да меду 52 батмана с полубатманом.

Да в тот же оклад помогает служилой мещеряк Уляйко Янборисов 2 куницы.

Да Стенка Янбахтин помогает 2 куницы.

Да тое ж волости башкирцу Тойметку Калмыкову в ево повытье помогает деревни Полского Кыргызу ясашной бобыль Сюлеманко Мишкин да безьясашной Бекенячко Елдашев.

А челобитчикова деда и отца, и ево, Юсупка, в том окладном ясаке не написано, потому что и иных волостей на башкирцах окладные ясаки писаны на старостах и на лутчих людех, а не всех поимяном.

Да по справке на Уфе в приказной избе с ясашными бобыльскими книгами прошлых и нынешняго 201 годов татарина Досайка Иванаква в бобыльской ясак не сыскано.

И ныне великим государем царем и великим князем Иоанну Алексеевичю, Петру Алексеевичю, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцем, бьет челом Уфинского уезду Казанские //л.19// дороги Елдяцкие волости башкирец

Юсюпка Татлыбаев, чтоб великие государи пожаловали ево, велели для вспоможения ясаку написать безыасашного татарина Досайка Иванакова.

Написано например:

В прошлом во 187-м году июня в 1 день²⁵ по выписке за пометою столника и воеводы Венедикта Хитрово по челобитью Гирейские волости башкирца Торози Бексеева велено за ево, Торогозину, службу, что он в ызмене не был, и за побитых детей ево и сродичей и для ево старости в ясак помогать вскормленнику ево Байтугушку Тойлину и платить ему, Байтугушку, ясак ево, Торогозино, повытье шесть куниц да батман меду с ним, Торогозею, вместе по вся годы сполна. И о том ему, Торогозе, оберегалная память дана.

//л.20// 201-го года ноября в 17 день²⁶ ближней околничей и воевода Василей Федорович Стрешнев, слушав сеи выписки, велел безыасашному татарину Досайку Иванакову против Юсупкова челобитья платить окладной ясак с ним, Юсупком, вместе по кунице да по полубатману з бесцырем меду по вся годы, чтоб ему, Юсупку, одному тот ясак платить было не в тягость. Да и преж того такие примеры бывали: безыасашные люди в окладные ясаки для вспоможения писаны. И от приметок ясашных зборщиков дать ему оберегалную память.

Лета 7201-го ноября в день²⁷ по указу великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцев, и за пометою ближнего околничего и воеводы Василья Федоровича Стрешнева велено Уфинского уезду Казанские дороги Елдяцкие волости деревни Полского Кыргизу безыасашному татарину Досайку Иванакову платить окладной ясак тое Елдяцкие волости з башкирцом, с Юсупком Татлыбаевым, вместе ево повытье по кунице да по полубатману з безсырем меду. И по сей памяти ясашным зборщиком и иным посыльщиком ево, Досайка, в бобыльской ясак не писать и бобыльского ясаку с него не спрашивать, и в том к нему не приметыватца и ничем ево не убытчить.

//л.19 об.// Справил Сенка Холщевнин.

РГАДА. Ф.1173. Он.1. Д.1152. Л.17–20.

№7. Память по челобитной чувашина деревни Теникешево Сибирской дороги Ямбулата Булатова о переводе его на окладной ясак и записи вместо него в бобыльский ясак горного татарина Салдата Айгилдина от 19 ноября 1693 г.

//л.21// Великим государем царем и великим князьям Иоанну Алексеевичу, Петру Алексеевичу бьют челом сироты ваши, Уфинского уезду Сибирской дороги деревни Теникешевы чувашенин Ямбулатка Булатов да деревни Атемесевы горной татарин Салдатко Айгилдин. Платил я, сирота ваш, в вашу, великих государей, казну бобыльской ясак по две куницы на год. Милосердные великие государи цари и великие князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцы, пожалуйте нас, сирот своих, велите, государи, мне, Ямбулатку, платить окладной ясак Минские волости з башкирцом, с Асаном Уразаевым, а сверх окладного ясаку я, сирота ваш, буду платить в вашу, великих

²⁵ Дата соответствует 1 июня 1679 г.

²⁶ Дата соответствует 17 ноября 1693 г.

²⁷ Дата соответствует периоду с 1 ноября 1693 г. по 30 ноября 1693 г.

государей, казну по кунице на год, а бобыльской ясак буду платить вместо ево, Янбулата, я, сирота ваш, Салдатко и тот бобыльской ясак переписать на нем, Салдатке. Великие государи цари, смилуйтесь.

//л.21 об.// Челобитчик Янбулатко тамгу свою приложил

Челобитчик Салдатка тамгу свою приложил

//л.22// И против сего челобитья выписано:

В окладных ясачных книгах прошлых и нынешняго 201-го годов написано:

Ногайские дороги Минские волости на старосте, на Алтынае Сарыбаеве, да на Кутле Кулсарине с товарищи, на всей волости 172 куницы да 2 бобра.

И в то число башкирец Уразайко Булашев своего повытья платит по 4 куницы на год.

Да в ясашной приходной бобыльской книге нынешняго 201-го году написано:

Сибирские дороги деревни Теникешевы в бобыльском ясаке Янбулатко Акбулатов, ясаку на нем 2 куницы.

А Салдатка Айгилдина в бобыльском ясаке не написано.

И ныне великим государем царем и великим князем Иоанну Алексеевичю, Петру Алексеевичю, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцем, бьют челом Уфинского уезду Сибирские дороги деревни Теникешевы чювашенин Янбулатко Акбулатов да деревни Атемесевы горной татарин Салдатко Айгилдин, чтоб великие государи пожаловали их, велели Янбулатку платить окладной ясак Минские волости з башкирцом, с Асанком Уразаевым, сверх окладного ясаку по кунице на год, а бобыльской ясак вместо ево, Янбулатка, платить Салдатку Айгилдину.

//л.23// Написано например:

В прошлом во 197 году декабря в 28 день²⁸ по выписке за пометою столника и воеводы Ивана Толстово велено Уфинского уезду Ногайские дороги деревни Что на речке Урунде бобылю Иликейку Бекчюрину платить окладной ясак Табынские волости з башкирцом, с Умытпайком Мурзашевым, и бобыльского ясаку по кунице на год, а две куницы с него збавить и написать деревни Бакралы на безясашного Василейка Яштыбаева. И о том ему, Иликейку, память дана.

201-го года ноября в 19 день²⁹ ближней околничей и воевода Василей Федорович Стрешнев, слушав сеи выписки, велел челобитчику Янбулатку Акбулатову платить окладной ясак Минские волости з башкирцом, с Асанком Уразаевым, по кунице на год, а бобыльской ясак и бобыльские подати платить Салдатку Айгилдину, потому что бобыльскому ясаку убыли в том не будет и в прибыль куница. А о платеже бобыльского ясаку Салдатково челобитье самово. Да и преж сего такие примеры бывали: бобыли из бобыльского ясаку в окладные ясаки переписываны. И от приметок ясашных зборщиков дать ему оберегалную память.

И челобитчику Янбулатку память дана такова:

²⁸ Дата соответствует 28 декабря 1689 г.

²⁹ Дата соответствует 19 ноября 1693 г.

//л.24// Лета 7201-го ноября в 19 день³⁰ по указу великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцев, и по выписке за пометою ближнего околничего и воеводы Василья Федоровича Стрешнева велено Уфинского уезду деревни Теникешевы бобылю Ямбулатку Акбулатову платить окладной ясак Минские волости з башкирцом, с Асанком Уразаевым, по кунце на год, а бобыльской ясак и бобыльские подати платить за него деревни Атемясевы татарину Салдатку Айгилдину. И по сей памяти ясашным зборщиком и иным посыльщиком на нем, Ямбулатке, бобыльского ясаку и податей бобыльских не спрашивать, и в том к нему не приметыватца и ничем ево не убытчить, а имать за него бобыльской ясак и бобыльские подати на Салдатке Айгилдине.

РГАДА. Ф.1173. Он.1. Д.1152. Л.21–24.

№8. Память по челобитной башкирца Елдяцкой волости Сибирской дороги Бекимбета Туушева о переводе на окладной ясак безьясачных горных татар деревни Елдяк Байгирея и Трошки Иткасевых от 21 ноября 1693 г.

//л.24а// Великим государем царем и великим князем Иоанну Алексеевичю, Петру Алексеевичю, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцем, бьет челом холоп ваш, Уфинского уезду Сибирские дороги Елдяцкие волости башкирец Бекимбетка Туушев. Плачу я, холоп ваш, в вашу, великих государей, казну с вотчины своей окладного ясаку по дватцети по две кунцы да по полубатману меду на год по вся годы, а человек я, холоп ваш, одинокой и за одиночеством того вашего, великих государей, ясаку в вашу, великих государей, казну платить мне, холопу вашему, невмочь. И ныне я, холоп ваш, для одиначества припустил в вотчину свою и для платежу ясаку в вашу, великих государей, казну к себе в помочь тое ж дороги деревни Елдяк горных татар Багирея да Трошку Иткасевых детей. Милосердные великие государи цари и великие князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцы, пожалуйте меня, холопа своего, велите, государи, их, Багирея и Трошку, написать на Уфе в окладной ясак, а ясак платить в вашу, великих государей, казну [на У]фе со мною, холопом вашим, вопче. Великие государи цари, смилуйте, пожалуйте.

//л.24а об.// Челобитчик Бекимбетка тамгу свою приложил

//л.25// И против сего челобитья выписано:

В ясашной приходной книге нынешняго 201 году написано:

Сибирские дороги Елдяцкие волости на башкирцах, на Акбулатке Акчюрине с товарищи, 60 кунц.

А челобитчика Бекимбетка Туушева в том окладном ясаке не написано, потому что и иных волостей на башкирцах окладные ясаки писаны на старостах и на лутчих людех, а не всех поимяном.

И по справке з бобыльскими книгами прошлых и нынешняго 201-го годов горных татар Байгирейка и Трошки Иткасевых в бобыльском ясаке не сыскано.

И ныне великим государем царем и великим князьям Иоанну Алексеевичю, Петру Алексеевичю, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцем, бьет челом Уфинского уезду Сибирские дороги Елдяцкие волости башкирец Беким-

³⁰ Дата соответствует 19 ноября 1693 г.

бетка Туушев, чтоб великие государи пожаловали ево, велели для вспоможения ясаку в окладной ясак написать горных татар Байгирейку да Трошку Иткасевых.

Написано например:

В прошлом во 193-м году июня в 25 день³¹ по выписке за пометою думного дворянина и воеводы Ивана Петровича Кондырева велено Ички-Иланские волости з башкирцом, с Сюлеманком Бояновым, платит окладной ясак безясашному татарину Тойбулатку Урмасеву. И о том ему память дана.

//л.26// 7201-го года ноября в 21 день³² ближней околничей и воевода Василей Федорович Стрешнев, слушав сеи выписки, велел безясашных татар Байгирейка да Трошку Иткасевых для вспоможения Бекимбетку Туушеву написать в окладной ясак и платить с ним, Бекимбетком, вместе по дватцети по две куницы да полбатмана меду по вся годы, чтоб ему одному тот ясак платить было не в тягость. Да и преж сего такие примеры бывали: безясашные люди в окладные ясаки для вспоможения писаны. И от приметок ясашных зборщиков дать им оберегалную память.

И Байгирейку, и Трошке память дана такова:

Лета 7201 года ноября в 21 день по указу великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцев, и по выписке за пометою ближнего околничего и воеводы Василья Федоровича Стрешнева написаны в окладной ясак безясашные горные татары Байгирейка //л.27// да Трошка Иткасев. И велено им тот ясак платить Елдяцкие волости з башкирцом, з Бекимбетком Туушевым, по дватцети по две куницы да по полубатману меду и по сей памяти ясашным зборщиком и иным посыльщиком их, Байгирейка и Трошку, в бобыльской ясак не писать и бобыльского ясаку с них не спрашивать, и в том к ним не приметыватца и не убытчить.

//л.25 об.// Справил Сенка Холщевнин.

РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.1152. Л.24а–27.

№9. Память по челобитной ясачного татарина деревни Исенсубино Казанской дороги Иштугана Ишмаметева о переводе его на окладной ясак от 25 ноября 1693 г.

//л.27а// Великим государем царем и великим князьям Иоанну Алексевию, Петру Алексеевию, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцем, бьет челом холоп ваш Уфинского уезда Казанские дороги деревни Исенсубины ясашной татарин Иштуганка Ишмаметев. З двумя сынишки, с Сапарком да с Урмекейком, вам, великим государем, в казну плачю я, холоп ваш, вашего, великих государей, бобыльского ясаку по две куницы на год. А детишки мои Сапарка и Урмекейка ни в какой ясак не написаны. Милосердные великие государи цари и великие князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцы, пожалуйте меня, холопа своего, велите, государи, мне платить окладной ясак Байлярские волости з башкирцы по две куницы на год, а из бобыльского ясаку выписать. А впредь вам, великим государем, в казну, я, холоп

³¹ Дата соответствует 25 июня 1685 г.

³² Дата соответствует 21 ноября 1693 г.

ваш, з детишки моими³³, с Сапарком и с Урмекейком, сверх тех двух куниц [...] куницу. Великие государи, смилуйтеся.

//л.27а об.// Челобитчик Иштуганка тамгу свою приложил

//л.28// И против сего челобитья выписано:

В ясашной приходной бобылской книге нынешняго 201-го году написано: Казанские дороги деревни Исенсубины бобыль Иштуганко Ишметев, ясаку на нем куница да 13 алтын 2 денги, а детей ево, Иштуганковых, Сапарка и Урмекейка, в бобылском ясаке не написано.

И ныне великим государем царем и великим князьям Иоанну Алексеевичю, Петру Алексеевичю, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцем, бьет челом Уфинского уезду Казанские дороги деревни Исенсубины ясашной татарин Иштуганко Ишмаматов з детми, с Сапарком да с Урмекейком, чтоб великие государи пожаловали ево, велели ему Иштуганку платить окладной ясак Байлярские волости з башкирцы старого и с прибылым по три куницы на год.

Написано например:

В прошлом во 196 году июня в 13 день³⁴ по выписке за пометою столника и воеводы князя Ивана Борятинского велено Уфинского уезду Казанские дороги деревни Улуй Именли бобылю Кулмяшку Тохтамышеву, деревни Маты Кручку Абызову платить окладной ясак старого, что они платили в бобылях, четыре куницы, да вместо денег две куницы, да с ними ж велено платить безясашному Ибрайку Уразбаеву по кунице, всего [...].

//л.29// 201 года ноября в 25 день³⁵ ближней околничей и воевода Василий Федорович Стрешнев, слушав сеи выписки, велел челобитчику Иштуганку Ишметеву з детми, с Сапарком да с Урмекейком, платить окладной ясак старого и с прибылым по три куницы на год. По тому и преж сего бобыли в окладные ясаки переписываны, да и бобылскому ясаку убыли в том не будет и прибыль куница. И от ясатчиковых приметок память дана.

И челобитчику Иштуганку з детми оберегалная память дана.

Лета 7201 года ноября в 25 день по указу великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцев, и по выписке за пометою ближнего околничего и воеводы Василья Федоровича Стрешнева написан в окладной ясак Уфинского уезду Казанские дороги деревни Исенсубины бобыль Иштуганко Ишметев з детми, с Сапарком да с Урмекейком, а окладного ясаку велено им платить старого и с прибылым по три куницы на год. И ясашным зборщиком и иным посыльщиком с него, Иштуганка, и детей ево бобылского ясаку не спрашивать, и в том к ним не приметыватца и не убытчить.

РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.1152. Л.27а–29.

³³ В рукописи: «ими».

³⁴ Дата соответствует 13 июня 1688 г.

³⁵ Дата соответствует 25 ноября 1693 г.

№10. Память по челобитной ясачного татарина деревни Полский Киргиз (Кыргыз) Казанской дороги Аймяка Янгилдина о переводе его на окладной ясак и безьясачного татарина деревни Маткауское Устье той же дороги Илтудача Иштуганова о записи его в бобыльский ясак от 28 ноября 1693 г.

//л.30// Великим государем царем и великим князем Иоанну Алексеевичу, Петру Алексеевичу, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцем, бьют челом сироты ваши Уфинского уезду Казанской дороги деревни Полского Киргизу ясашной татарин Аймячка Янгилдин, деревни Маткауского устья безьясашной татарин Илтудачка Иштуганов. Милосердные великие государи цари и всякие князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцы, пожалуйте нас, сирот своих, велите, государи, меня, Аймячку, написать в окладной ясак, что дал мне, сироте вашему, Елдяцкие волости башкирец Буляк Ямбаев платит в вашу, великих государей, казну по кунице на год да по ансырю меду, потому что он обнищал и оскудал и очми стал болен и не видел, а меня, сироту вашего, написать Илтудачку в ево, Аймяков ясак бобыльской платить в вашу, великих государей, казну по две куницы на год и всякие ваши, великих государей, подати, что платил Аймяк. Великие государи цари, смилуйтеся, пожалуйте.

//л.30 об.// Челобитчик Баймячка тамгу свою приложил

Челобитчик Илтудачка тамгу свою приложил

//л.31// И против сего челобитья выписано:

В ясачной бобыльской книге нынешняго 7201 году написано:

Казанские дороги деревни Полского Киргизу бобыль Янгилдейко Менгилдин, а ясаку на нем куница да 13 алтын.

А Илтудачка Иштуганова в бобыльском ясаке не написано.

И у выписки челобитчик Аймячка сказал: Янгилдейко де Менгилдин ему, Аймячку, отец родной, а ныне он стар и увечен и бобыльской ясак именем ево платит он, Аймячка.

К скаске знамя свое приложил

Да в окладной же приходной книге нынешняго 7201 году написано:

Казанские дороги Елдяцкие волости на старосте, на Солтангилдее Бюдееве, с товарищи 100 куниц.

Да в тот же оклад помогает служилой мешчеряк Уляйко Янборисов 2 куницы.

Да Стенка Янбахтин помогает 2 ж куницы.

Да тое ж волости башкирцу Тойметку Калмыкову в ево повытье помогает деревни Полского Киргизу ясачной бобыль Сюлейманка Мишкин да безьясашной Беккеньячко Елдашев, а Бюляка Ямбаева в том окладном ясаке не написано, потому что и иных волостей на башкирцах окладные ясаки писаны на старостах и на лутчих людех, а не на всех поимяном.

И у выписки башкирец Бюлячко Ямбаев сказал: окладного ясаку своего повытья платит он по кунице, да по ансырю меду, и ныне де тот ясак от скудости здает он деревни Полского Киргизу бобылю Аймячку Янгилдину.

К скаске знамя свое приложил

//л.32// Толмачил Иван Панков.

Написано например:

В прошлом во 198-м году июня в 11 день³⁶ по выписке за пометою столника и воеводы Ивана Толстово велено Казанские дороги деревни Каракул бобылю Пулатку Акметеву платить окладной ясак Киргизские волости з башкирцом с Елгилдейком Тойгилдиным, а бобыльской ясак платить за него безясашному Ишмячку Торбаеву. И о том ему, Пулатку, память дана.

201-го года ноября в 28 день³⁷ ближней околничей и воевода Василей Федорович Стрешнев, слушав сеи выписки, велел челобитчику Аймячку Илгилдину платить окладной ясак Елдяцкие волости за башкирца, за Бюлячка Янбаева, ево повытье по кунице да по ансырю меду, а бобыльской ясак и бобыльские подати за него, Аймячка, платить безясашному горному татарину Илтудачку Иштуганову, потому и преж сего бобыли в окладные ясаки писаны, да и бобыльскому ясаку убыли в том не будет. А о съеме с него, Аймячка, бобыльского ясаку Илтудачкино челобитье само и от приметок ясашных зборщиков дать ему оберегалную память.

И Аймячку Янгилдину память дана такова:

//л.33// Лета 201-го ноября в 28 день по указу великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцев, и по выписке за пометою ближнего околничего и воеводы Василья Федоровича Стрешнева велено Уфинского уезду Казанские дороги деревни Полского Кыргизу бобылю Аймячку Янгилдину платить окладной ясак Елдяцкие волости за башкирца, за Белячка Янбаева, ево повытье по кунице да по ансырю меду, а бобыльский ясак и бобыльские подати платить за него, Аймячка, деревни Маткаушскаго устья безясачному горному татарину Илтудачку Иштуганову. И ясашным зборщиком и иным посыльщиком с Амячка Янгилдина бобыльского ясаку не спрашивать, и в том к нему не приметьватца и не убытчить, а имать за него, Аймячка, бобыльской ясак и бобыльские подати с Ылтудачка Иштуганова.

//л.32 об.// Справил Сенка Холщевнин.

РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.1152. Л.30–33.

№11. Память по челобитной ясачного татарина деревни Сабаево Казанской дороги Досмета Токусева о переводе его на окладной ясак от 3 декабря 1693 г.

//л.34// Великим государем царем и великим князем Иоанну Алексеевичю, Петру Алексеевичю, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцем, бьет челом сирота ваш Уфинского уезду Казанские дороги деревни Сабаевы чувашенин Досметка Токусев. Родственники мои, сироты вашего, плат[ят]³⁸ в вашу, великих государей, казну оклодной ясак тое ж Казанские дороги деревни Сабаевы с Утейком Иникеевым да с Кимесем Иликеевым, Калнинские волости з башкирцы, з Бебеком Девлезеровым с товарищи, по кунице на год, а я, сирота ваш, ни в какой ясак не написан. Милосердные великие государи цари и великие князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцы, пожа-

³⁶ Дата соответствует 11 июня 1690 г.

³⁷ Дата соответствует 28 ноября 1693 г.

³⁸ В рукописи: «плат».

луйте меня, сироту своего, велите, государи, мне тот окладной ясак платить с родственники моими вместе по кунице на год. Великие государи цари, смилуйтесь.

//л.34 об.// Челобитчик Досметка тамгу свою приложил

Толмачил Якушка Кинищемцов.

//л.35// И против сего челобитья выписано:

В прошлом во 196 году декабря в 28 день³⁹ по выписке за пометою столника и воеводы князя Ивана Борятинского велено деревни Сабаевы татаром Утячку да Кимечку Еныкеевым, Баймячку Тохтамышеву платить окладной ясак с родственником их, деревни Шайчюрины с Утемышком Байтерековым з братьями, в прибыль вопче по три куницы на год.

А по справке на Уфе в приказной избе с ясашными бобыльскими книгами прошлых и нынешняго 201-го годов челобитчика Досметка Токусева в бобыльском ясаке не сыскано.

И ныне великим государем царем и великим князем Иоанну Алексеевичу, Петру Алексеевичу, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцем, бьет челом Уфинского уезду Казанские дороги деревни Сабаевы чувашенин Досметка Токусев, чтоб великие государи пожаловали ево, велели ему платить окладной ясак с родственники ево, с Утячком да с Кимячком Еныкеевыми, по кунице на год.

Написано например:

В прошлом во 196 году генваря в 4 день⁴⁰ по выписке за пометою столника и воеводы князя Ивана Борятинского велено Казанские дороги деревни Енабердины да деревни Камаевы татаром Байкачку Ишмякову да Утячку Андрюшеву платить окладной ясак в прибыль вопче по две куницы на год. И о том им память дана.

//л.36// 201-го года декабря в 3 день⁴¹ ближней околничей и воевода Василей Федорович Стрешнев, слушав сеи выписки, велел челобитчику Досметку Токусеvu платить окладной ясак с родственники ево, тое ж деревни с татары, с Утячком да с Кимячком Еныкеевыми, по кунице на год, а в бобыльской ясак писать ево не велел, потому и преж сего безясашные татара в окладные ясаки писаны. И от приметок ясачных зборщиков дать им оберегалную память.

И ему Досметку оберегалная память дана такова:

Лета 7201-го декабря в 3 день⁴² по указу великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцев, и по выписке за пометою ближнего околничего и воеводы Василья Федоровича Стрешнева велено Уфинского уезду Казанские дороги деревни Сабаевы татарину Досметку Токусеvu платить окладной ясак с родственники ево, тое ж деревни с ясашными татары, с Утячком да с Кимячком Еныкеевыми, по кунице на год, а в бобыльской ясак писать ево не велено. И по сей памяти ясашным зборщиком и иным посыльщиком ево, Досметка, в бобыльской ясак не писать, и в том к нему не приметыватца и не убытчить.

//л.35об.// Справил Сенка Холщевнин.

РГАДА. Ф.1173. Он.1. Д.1152. Л.34–36.

³⁹ Дата соответствует 28 декабря 1688 г.

⁴⁰ Дата соответствует 4 января 1688 г.

⁴¹ Дата соответствует 3 декабря 1693 г.

⁴² Дата соответствует 3 декабря 1693 г.

№12. Память по челобитной татар деревни Бешаул Ногайской дороги Утеша Уразимбетова и Кинзегула Кинзебаева о переводе на окладной тептярский ясак 3 декабря 1693 г.

//л.37// Великим государем царем и великим князем Иоанну Алексеевичю, Петру Алексеевичю, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцем, бьют челом холопи ваши, Уфинского уезду Ногайской дороги деревни Бешаул татара Утешка Уразимбетов, Кинзегулко Кинзебаев. Милосердные великие государи цари и великие князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцы, пожалуйте нас, холопей своих, велите нас на Уфе написать в окладной тептерской ясак тое ж Ногайские дороги Табынские волости з башкирцы, с Тоймасом Исеншугуровым, с Ыштуганом Чюриным, вновь вам, великим государем, в прибыль, сверх того Тоймасова и Иштуганова окладного ясаку и платить нам, холопом вашим, того окладного ясаку в вашу, великих государей, казну с нынешнего с 201 году по кунице с человека на год. Великие государи цари, смилуйтеся.

//л.37 об.// Челобитчик Утешко тамгу свою приложил

Челобитчик Кинзегулко тамгу свою приложил

//л.38// И против сего челобитья выписано:

В ясачной приходной книге нынешняго 201-го году написано:
Ногайские дороги Курпеч-Табынские волости на старосте, на Енабердее Байгушугурове, с товарищи на всей волости 128 куниц.

И в то число Енабердей с товарищи платят 108 куниц.

Да которые живут на Ику, Сарымбет Юбаев с товарищи, платят 20 куниц.

И в то число Тоймас Исеншугуров да Окчермыш Кайтанов платят по 20 куниц на год.

Да деревни Бешеул ногайтин Иштуганко Чирин за бедностью платит по кунице на год.

А по справке на Уфе в приказной избе с ясашными бобыльскими книгами прошлых и нынешняго 201-го годов челобитчиков Утешка Уразимбетова, Кинзегулка Кинзибаева в бобыльском ясаке не сыскано.

И ныне великим государем царем и великим князем Иоанну Алексеевичю, Петру Алексеевичю, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцев, бьют челом Уфинского уезду Ногайской дороги деревни Бешеул татара Утешко Уразимбетов, Кинзегулко Кинзибаев, чтоб великие государи пожаловали их, велели им платить окладной тептерской ясак Табынские волости з башкирцы, с Тоймасом Исеншугуровым да с Ыштуганком Чюриным, по кунице с человека на год.

И у выписки челобитчик Утешко сказал: дед де [...] и отец жили в Уфинском //л.39// уезде по Казанской дороге в деревне Биртюнове и платили окладной ясак Гирейские волости з башкирцы, дед⁴³ де ево и отец от скудости переехали на Ногайскую дорогу в Табынскую волость и в той деревне и померли, а он после их остался в малых летех и доньне живет безясачно. И скаске знамя свое приложил

⁴³ В рукописи слово «дед» пропущено.

Написано например:

Кинзягулко Кинзибаев сказал: в прошлых годах, до первые башкирские шатости, отец ево Кинзибайко Елкутлин жил по Нагайской дороге в деревне Козгов[...] безясачно, и до первые ж де башкирские шатости отца ево взяли калмыки в полон и он де, Кинзягулко, после отца своего остался в малых летех и жил деревни Бешеул у ногайтина у Иштуганка Чюрина, а ныне он живет своим двором, а

ни в какой ясак не написан, к скаске знамя свое приложил

А по справке на Уфе в приказной избе с переписными книгами Савы Аристова да подячего Богдана Юрьева прошлого 140 году⁴⁴, да з бобыльскими книгами 166 годов⁴⁵ Утемышкова деда Козячка Елдашева и отца ево Уразимбетка в окладном ясаке Кинзягулкова отца Кинзибайка Елкутлина в бобыльском ясаке не написано.

Написано например:

В прошлом во 196 году мая в 22 день⁴⁶ по выписке за пометою столника и воеводы князя Ивана Борятинского велено Казанские дороги деревни Кубады безясашным татаром Мряске Чолпанову да Килмечку Утешеву платить окладной ясак тое ж деревни с родственником их, с Ылгилдою Баушевым, в прибыль по кунице на год.

//л.40// 201-го года декабря в 3 день⁴⁷ ближней околничей и воевода Василей Федорович Стрешнев, слушав сеи выписки, велел челобитчиком Утемышку Уразимбетеву и Кинзюгулку Кинзибаеву платить окладной ясак вопче по две куницы на год, а в бобыльской ясак платить их не велел, потому отцов их в бобыльском ясаке не сыскано, да и они в бобыльском ясаке не бывали, а преж сего безясачные татара в окладные ясаки писаны. И от приметок ясачных зборщиков дать им оберегалную память.

И им, Утемышку и Кинзягулку, оберегалная память дана такова:

Лета 201-го года декабря в 3 день⁴⁸ по указу великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцев, и по выписке за пометою ближнего околничего и воеводы Василя Федоровича Стрешнева велено Уфинского уезду Ногайские дороги деревни Бешеул татаром Утемышку Уразимбетеву, Кинзягулку Кинзибаеву платить окладной ясак вопче две куницы на год, а в бобыльской ясак писать их не велено. И по сей памяти ясашным зборщиком и иным посыльщиком Утемышка Уразимбетева и Кинзягулка Кинзибаева в бобыльской ясак не писать и бобыльского ясаку с них не спрашивать, и в том к ним не приметьватца и не убытчить.

//л.39 об.// Справил Сенка Холщевнин.

РГАДА. Ф.1173. Он.1. Д.1152. Л.37–40.

⁴⁴ Дата соответствует периоду с 1 сентября 1631 г. по 31 августа 1632 г.

⁴⁵ Дата соответствует периоду с 1 сентября 1657 г. по 31 августа 1658 г.

⁴⁶ Дата соответствует 22 мая 1688 г.

⁴⁷ Дата соответствует 3 декабря 1693 г.

⁴⁸ Дата соответствует 3 декабря 1693 г.

№13. Память по челобитной ясачного татарина деревни Большой Иняк Осинской дороги Исенбая Сетякова о переводе его на окладной тептерский ясак от 9 декабря 1693 г.

//л.41// Великим государем царем и великим князем Иоанну Алексеевичю, Петру Алексеевичю, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцем, бьет челом холоп ваш, Уфинского уезду Осинской дороги деревни Болшого Иняку ясашной татарин Исенбайко Сетяков в прошлом 200-м году⁴⁹ по вашему, великих государей, указу, а по моему, холопа вашего, челобитью, прислана с Москвы на Уфу, ваша, великих государей, грамота. А по вашей, великих государей, грамоте, велено меня, холопа вашего, на Уфу написать в окладной тептерской ясак. Милосердные великие государи цари и великие князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцы, пожалуйте меня, холопа своего, велите, государи, по той своей, великих государей, грамоте, свой, великих государей, указ учинить. Великие государи цари, смилуйтесь.

//л.41 об.// Челобитчик Исенбайка знамя свое приложил

//л.42// И против сего челобитья выписано:

В грамоте великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцев, на Уфу к ближнему околичему и воеводе к Василью Федоровичю Стрешневу по челобитью Уфинского уезду Осинские дороги деревни Болшого Иняку ясачного татарина Исенбайка Сейтякова нынешняго 201 года декабря в 4 день⁵⁰ написано:

Платит де он в их, великих государей, казну бобыльской ясак, а брат ево родной Яшпахтка Сейтяков платит окладной ясак по тринатцети куниц на год.

И великим государем пожаловати б ево, велеть ему платить окладной тептерской ясак и помогать брату ево для того, что брату ево тот ясак платить невмочь.

[...] великих государей грамоте ближнему околичему и воеводе Василью Федоровичю велеть ево, Исенбайка, написать в тептерской ясак против иных таких ево братья, а бобыльской ево ясак наложить на безясашных, которые ясака не платят.

//л.43// И ныне великим государем царем и великим князям Иоанну Алексеевичю, Петру Алексеевичю, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцем, бьют челом Уфинского уезду Осинские дороги деревни Болшого Иняку ясачной татарин Исенбайко Сейтяков чтоб великие государи пожаловали ево, велели по той своей, великих государей, грамоте свой, великих государей, указ учинить.

[...] Уфе в приказной избе в ясачной книге прошлого 199 году июня в 19 день⁵¹ написано:

По указу великих государей и по грамоте, и по выписке за пометою ближнего околичего и воеводы Василья Федоровича Стрешнева велено деревни Иняк бобылю Яшпахтке Сейтякову платить один окладной ясак по тринатцети куниц да по батману меду Дуванейские волости з башкирцом с Рыскеем Бокаевым, а бобыльской ясак платить за него деревни Иштугановы Ижболдке Актуганову.

⁴⁹ Дата соответствует периоду с 1 сентября 1691 г. по 31 августа 1692 г.

⁵⁰ Дата соответствует 4 декабря 1693 г.

⁵¹ Дата соответствует периоду 19 июня 1691

Да в ясашной же приходной бобыльской книге нынешняго 201 году написано: Деревни Иняк бобыль Исенбайко Сейтяков, а ясаку на нем две куницы. [...] челобитчик⁵² Исенбайко Сейтяков сказал: в деревне Де[...]лове Василейко Азманов живет своим двором безасачно, а скотом и хлебом заводен и в платеж бобыльского ясаку ево, Василейка, станет.

К скаске знамя свое приложил

Толмачил Яков Кинещемцов.

//л.44// А по справке за бобыльскою книгою нынешняго 201 году в деревне Шигамалове Василейка Азманова в бобыльском ясаке не написано.

201-го года декабря в 9 день⁵³ ближней околничей и воевода Василей Федорович Стрешнев, слушав сеи выписки, велел, по указу великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцев, и по грамоте, челобитчика Исенбайка Сетякова написать в окладной тептерской ясак и платить ему з братом ево, Исенбайковым, с Яшпахткою Сетяковым, вместе, а бобыльской ево ясак написать деревни Шигамаловы на безасачного на Василейка Азманова и о том ему дать оберегалную память.

И ему, Исенбайку, память дана такова:

Лета 201-го декабря в 9 день по указу великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцев, и по грамоте, и по выписке за пометою ближнего околничего и воеводы Василья Федоровича Стрешнева написан в окладной тептерской ясак Уфинского уезду Осинские дороги деревни Большого Иняку бобыль Исенбайко Сейтяков, а велено ему платить з братом ево, с Яшпахткою Сейтяковым, а в бобыльской ево ясак написан деревни Шигамаловы безасачной бобыль Василейко Азманов и по сему, великих государей, указу ясашным зборщиком и иных посыльщиков Исенбайка Сейтякова бобыльского ясаку и податей бобыльских.

//л.44 об.// Справил Сенка Холщевнин.

РГАДА. Ф.1173. Он.1. Д.1152. Л.37–40.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Азнабаев Б.А.* Башкирское общество в XVII – первой трети XVIII в. Уфа: РИЦ БашГУ, 2016. 368 с.
2. *Рахматуллин У.Х.* Население Башкирии в XVII–XVIII вв. М.: Наука, 1988. 181 с.
3. Система землевладения и социальные категории населения Волго-Уралья и Западной Сибири XVI–XIX вв. Вып.1. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2021. 448 с.
4. Служилые и ясачные люди в России XV–XIX вв.: особенности землевладения, сословные номинации: сборник статей. Вып.1 / под ред. Г.Х. Самигулова. Челябинск: Библиотека А.Миллера, 2022. 195 с.

⁵² В рукописи «битчик».

⁵³ Дата соответствует 9 декабря 1693 г.

Информация об авторах:

Исхаков Радик Равильевич – доктор исторических наук, заведующий отделом истории Поволжья и Приуралья, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-7303-408X; e-mail: ishakovist@gmail.com

Владимиров Олег Олегович – научный сотрудник отдела истории Поволжья и Приуралья, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0009-0008-6803-3550; e-mail: olegvladimirov@list.ru

Поступила 05.05.2023

Принята к публикации 03.07.2023

“Tatar ... to pay a salary yasak against the Bashkirs by the fox for a year”.
On the influence of the state fiscal policy on the formation of social groups
of the Ufa district population at the end of the 17th century

R.R. Iskhakov, O.O. Vladimirov

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation*

The publication presents documents from the fund “Ufa Prikaznaya Izba” of the Russian State Archive of Ancient Acts, which help to assess the process of formation of social groups of the yasak population of Ufa district in the last third of the 17th century and the influence of the state's fiscal policy on this process. The documents shed light on the role of the state in the stratification of rural residents, as well as the mechanisms for integrating migrants from the Pre-Kama region into the established social structure of the local society.

Keywords: Yasak Tatars, Bobyls, Bashkirs, Ufa district, Western Urals

For citation: Iskhakov R.R., Vladimirov O.O. “Tatar ... to pay a salary yasak against the Bashkirs by the fox for a year”. On the influence of the state fiscal policy on the formation of social groups of the Ufa district population at the end of the 17th century. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2023, vol.13, no.3, pp.136–160. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2023-13-3.136-160> (In Russian)

REFERENCES

1. Aznabaev B.A. *Bashkir society in the 17th – first third of the 18th century*. Ufa: Bashkir State University, 2016. 368 p. (In Russian)
2. Rakhmatullin U.Kh. *Population of Bashkiria in the 17th–18th centuries*. Moscow: Nauka Publ., 1988. 181 p. (In Russian)
3. *The system of land tenure and social categories of the population of the Volga-Urals and Western Siberia in the 16th–19th centuries*. Issue 1. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2021. 448 p. (In Russian)

4. *Service and yasak people in Russia in the 15th – 19th centuries: features of land ownership, class nominations: a collection of articles*. Issue 1. Ed. by G.Kh. Samigulov. Chelyabinsk: A. Miller Library Publ., 2022. 195 p. (In Russian)

About the authors:

Iskhakov Radik Ravilevich – Dr. Sci. (history), Head of the Department of History of the Volga and Cis-Urals Regions, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-7303-408X; e-mail: ishakovist@gmail.com

Vladimirov Oleg Olegovich – Researcher of the Department of History of the Volga and Cis-Urals Regions, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0009-0008-6803-3550; e-mail: olegvladimirov@list.ru

Received April 5, 2023

Accepted for publication May 3, 2023

НОВЫЕ КНИГИ, РЕЦЕНЗИИ

УДК 930(470.55)

Рецензия на книгу: Любимов А.Г., Новожилова Л.А. На изломе: из истории Оренбургского казачества: статьи, очерки (Челябинск, 2023)

Р.Р. Аминов

*Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
Казань, Российская Федерация*

Данная рецензия представляет собой анализ нового сборника статей и очерков по истории Оренбургского казачьего войска, охватывающий в основном период с 1914 по 1930-е гг. Работа изобилует богатым фактологическим материалом, собранным по большей части в архивах. Здесь читатель обнаруживает сведения о пропавших без вести, раненых, убитых казаках в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.) и Гражданской войны (1917–1922 гг.). Авторы останавливают свой взор на событиях, происходивших на территории современной Челябинской области. При публикации воспоминаний о Н.Д. Каширине приводятся комментарии и краткие сведения о современниках событий.

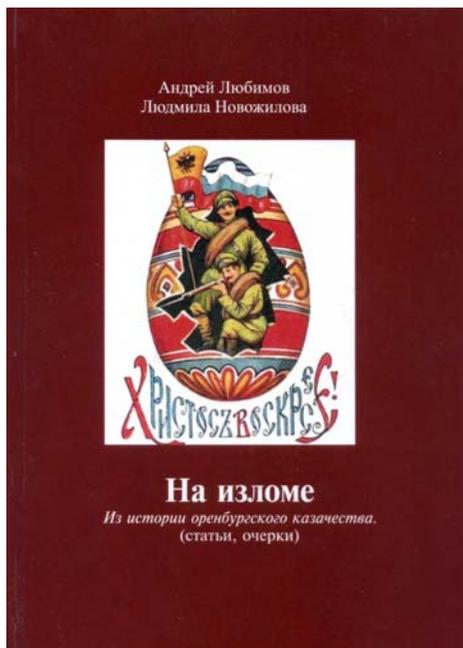
Ключевые слова: Н.Д. Каширин, Оренбургское казачье войско (ОКВ), Первая мировая война (1914–1918 гг.), А.И. Дутов, Челябинская область, Гражданская война (1917–1922 гг.), голод на землях ОКВ

Для цитирования: Аминов Р.Р. Рецензия на книгу: Любимов А.Г., Новожилова Л.А. На изломе: из истории Оренбургского казачества: статьи, очерки (Челябинск, 2023) // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2023. Т.13, №3. С.161–166. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2023-13-3.161-166>

Научная литература, посвященная событиям начала XX в. происходившим на территории Оренбургского казачьего войска (ОКВ), обширна. Тем не менее, многие материалы до сих пор не введены в научный оборот: среди них не только архивные материалы, но и воспоминания современников.

К таким темам можно отнести вопросы участия казаков в Первой мировой войне (1914–1918 гг.) и Гражданской войне (1917–1922 гг.), проблемы голода на землях ОКВ.

Центральное место в очерках отводится станицам 3-го военного отдела, расположенного на территории современной Челябинской области Российской Федерации.

Условно книгу можно разделить на две части. Первая часть знакомит читателя с событиями в станицах 3-го военного отдела и городах Челябинске и Троицке, вторая часть, в основном, посвящена воспоминаниям о Н.Д. Каширине.

В начале книги мы находим предисловие (под названием Пролог), в котором один из авторов (А.Г. Любимов) кратко характеризует выбранную им проблематику. В первом очерке «Великая война» за авторством того же А.Г. Любимова дается краткая характеристика Первой мировой войны (1914–1918 гг.) и рассматривается участие в ней казаков [1, с.6–12].

Далее описывается ситуация в г. Троицк с начала 1917 г., тем самым автор постепенно подводит читателя к теме начала голода в городе и станицах одноименного уезда. Совершенно верно подмечено, что за 4 последних месяца 1919 г. население в городе Троицк поредело, так как за этот период было совершено дел по разным обвинениям – 721, обысков – 212, арестов – 423 [1, с.12–17]. Последующие очерки посвящены истории Челябинска 1917–1918 гг. (с.17–20), Гражданской войне (с. 20–33), Челябинск – Новая эпоха (с.33–40, очерк посвящен событиям 1920-х гг. – Р.А.), станице Еманжелинской (с.40–53), поселку Сосновка (с.53–54), станице Миасской (с.54–56), станице Кичигинской (с.57–58), станице Усть-Уйской (с.58–67), станицам Чебаркульской и Травниковской (с.67–71), станице Коельской (с.71–77), на с.77–78 подводится итог.

В целом, на основе архивных документов довольно подробно демонстрируется картина голодных лет в вышеупомянутых станицах и двух городах. В частности, наглядными представляются сведения о Полтавской станице: «Многие граждане совершенно погибают от голода, некоторые начали питаться лишь падалью да режут кошек и собак». Некоторые случаи в станицах могут вызвать у читателя шок: «Наследницкая ст. – две гражданки зарезали трех детей в пищу; пос. Рымник – мать зарезала свою 3-летнюю дочь...» [1, с.15].

Из представленного в очерках материала можно предположить, что на ситуацию с голодом влияло географическое расположение станиц. Так,

в станицах, где преобладала лесостепь, случаев людоедства практически не было. Разве что в Кичигинской станице, где была арестована местная казачка, которой был зарезан мальчик для пропитания [1, с.15].

Разумеется, в связи с голодом, участием в войнах население станиц редело, но данная ситуация была не повсеместной. К примеру, г. Челябинск, напротив, был переполнен, при этом в количественном отношении пришлое население превалировало над коренными жителями [1, с.18]. Весьма любопытными являются сведения о возрастных характеристиках командующих в годы Гражданской войны. Приводимые данные в целом по армии сравниваются со сведениями командиров полков, воевавших на Урале. Выясняется, что «уральские» командиры были еще моложе (А.Лапиньш (20 лет), Р.Сокк (25 лет), В.Чуйков (18 лет)), чем к примеру, М.Тухачевский (26 лет), С.Меженинов (29 лет) [1, с.28].

Не стал исключением в плане арестов в годы Гражданской войны и город Челябинск, ситуация в котором отражала общую картину по стране в это время. Осенью 1920 г. в челябинской тюрьме и концлагере находилось несколько тысяч заключенных [1, с.35].

На основании протоколов местных ЧК, сосредоточенных в Объединенном государственном архиве Челябинской области (ф.Р-138 и ф.Р-401), раскрыты причины арестов челябинцев и казаков в том числе: «неуплата продналога», «невыполнение хлебной разверстки», «невыполнение молочной разверстки», «в спекуляции», «в продаже пшеницы дабы не вести на разверстку», «как подозрительная личность и скрытие вещей», «в распространении ложных слухов», «агитация против Советской власти», «в преступлении по должности» [1, с.36].

К концу 1922–1923 гг. из поселений уехала большая часть беженцев. В связи с этим соотношение коренного населения и разночинцев приблизилось к данным дореволюционного периода [1, с.51].

Очерки изобилуют воспоминаниями современников, а также архивными данными из Объединенного государственного архива Челябинской области, Российского государственного военного архива, что способствует установлению неизвестных фактов из биографий конкретных казаков. Кроме того, обращение авторов к метрическим книгам позволяет узнать об изменениях в демографическом развитии, динамике заключения брачных союзов. Так, в связи со смертью мужей и их пропажей без вести в метриках 1920–1925 гг. фиксируется рост запросов на справки о признании жен вдовами. Эта формальность была необходима для возможности заключения повторного брака [1, с.67]. Гражданская и Первая мировая войны, а также полтора года послевоенного беспредела сломали психику людей. Распадались семьи, рушились дружеские, торгово-экономические и партнерские связи [1, с.70].

Промежуточным очерком между двумя тематическими разделами является совместная статья А.Г. Любимова и Л.А. Новожиловой «Прошу принять из войскового сословия в Челябинское мещанское общество» [1, с.79–90]. Работа посвящена исследованию истории малоизученного вопроса – перевода казаков в сословие мещан на рубеже XIX–XX вв.

Вторая часть книги за авторством Л.А. Новожиловой посвящена по большей части братьям Кашириным (основной акцент делается на сюжеты из жизни Н.Д. Каширина). Тем не менее, в первом очерке «Бежавший из неприятельского плена...»: казачьи судьбы» приводятся сведения о судьбе пленных казаков ОКВ [1, с.93–103].

Материалы о Н.Д. Каширине открывает авторский исторический очерк о специальной литературе и памяти о нем. Далее, публикуются воспоминания Н.А. Бутырской-Кашириной – первой жены Н.Д. Каширина и его племянницы Н.А. Завьяловой [1, с.104–113, 114–134, 134–140].

Заключительная часть книги посвящена созданию и презентации книги «Именной справочник казаков Оренбургского казачьего войска, награжденных государственными наградами Российской империи» [1, с.141–149]. Приводится и список литературы, список сокращений и сведения об авторах [1, с.150–158].

Работа только выиграла бы от включения в издание именного указателя. Несмотря на использование определенной литературы по теме исследования, авторы не использовали ряд интересных работ: например, труды Л.И. Футорянского, а также монографии П.Ф. Назырова и Д.А. Сафонова [2; 3; 4; 5]. При определении этнического состава некоторых поселений авторы допустили досадную ошибку. Речь идет о д. Трех озер (Трехозерки): на стр. 64 утверждается, что в данном населенном пункте проживали башкиры, на самом деле это татарская деревня.

Настоящее издание представляет интерес для генеалогов, краеведов, казачеведов, политологов, экономистов. Несмотря на то, что сведения о награжденных по результатам Первой мировой войны (1914–1918 гг.) в основном известны и опубликованы, в данном труде мы находим конкретные факты службы отдельных личностей, которые были неизвестны исторической науке до сих пор [1, с.54–55]. В целом, книга является существенным вкладом в фонд научной литературы по истории Оренбургского казачьего войска.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Любимов А.Г., Новожилова Л.А. На изломе: из истории Оренбургского казачества: статьи, очерки. Челябинск: Библиотека А.Миллера, 2023. 158 с.
2. Назыров П.Ф. Аграрные отношения на Южном Урале в годы гражданской войны. Челябинск: Энциклопедия, 2009. 260 с.

3. Сафонов Д.А. Факел над бездной: революция 1917 года и гражданская война на юго-востоке европейской России. Оренбург: ОГУ, 2017. 407 с.

4. Футорянский Л.И. Казачество России в огне Гражданской войны (1918–1920 гг.). Оренбург: ГОУ ОГУ, 2003. 474 с.

5. Футорянский Л.И. Казачество России в преддверии Гражданской войны (26 окт. 1917 г. – март 1918 г.). Оренбург: ООО «Агентство Пресса», 2000. 97 с.

Информация об авторе:

Аминов Рустем Равилевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Поволжья и Приуралья, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0009-0009-6052-4184; e-mail: rustem_270988@mail.ru

Поступила 25.05.2023

Принята к публикации 28.06.2023

Book review: Lyubimov A.G., Novozhilova L.A. At the breaking:
from the history of the Orenburg Cossacks:
articles, essays (Chelyabinsk, 2023)

R.R. Aminov

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation*

This review is an analysis of a new collection of articles and essays on the history of the Orenburg Cossack army (OCA), covering mainly the period from 1914 to the 1930s. The work is replete with rich factual material, collected for the most part in the archives. Here the reader discovers information about the missing, wounded, killed Cossacks during the First World War (1914–1918) and the Civil War (1917–1922). The authors focus their attention on the events that took place on the territory of the modern Chelyabinsk region. When publishing memoirs about N.D. Kashirin provides comments and brief information about the contemporaries of the events.

Keywords: N.D. Kashirin, Orenburg Cossack Army (OCA), First World War (1914–1918), A.I. Dutov, Chelyabinsk region, Civil War (1917–1922), famine in the land of the OCA

For citation: Aminov R.R. Book review: Lyubimov A.G., Novozhilova L.A. At the breaking: from the history of the Orenburg Cossacks: articles, essays (Chelyabinsk, 2023). *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2023, vol.13, no.3, pp.161–166. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2023-13-3.161-166> (In Russian)

REFERENCES

1. Lyubimov A.G., Novozhilova L.A. *At the breaking: from the history of the Orenburg Cossacks: articles, essays*. Chelyabinsk: A. Miller Library, 2023. 158 p. (In Russian)
2. Nazyrov P.F. *Agrarian relations in the South Urals during the Civil War*. Chelyabinsk: Encyclopedia Publ., 2009. 260 p. (In Russian)
3. Safonov D.A. *Torch over the abyss The 1917 Revolution and Civil War in Southeast European Russia*. Orenburg: Orenburg State University, 2017. 407 p. (In Russian)
4. Futoryansky L.I. *Cossacks of Russia in the Fire of the Civil War (1918–1920)*. Orenburg: Orenburg State University, 2003. 474 p. (In Russian)
5. Futoryansky L.I. *Cossacks of Russia on the eve of the Civil War (October 26, 1917 – March 1918)*. Orenburg: Press Agency LLC, 2000. 97 p. (In Russian)

About the author:

Aminov Rustem Ravilevich – Cand. Sci. (history), Senior Researcher of the Department of History of the Volga and Cis-Urals Regions, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0009-0009-6052-4184; e-mail: rustem_270988@mail.ru

Received May 25, 2023

Accepted for publication June 28, 2023

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 94(47).031

История средневековых башкир в этногенетическом дискурсе Р.Г. Кузеева

А.В. Аксанов

Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ

Казань, Российская Федерация

Этногенетическая концепция Р.Г. Кузеева, согласно которой Белебеевско-Бугульминская возвышенность с конца I тысячелетия н. э. является территорией формирования башкирского народа, утвердилась в историографии, и уже несколько десятилетий разного рода исследователи и публицисты опираются на нее в своих изысканиях. Однако ее основные положения не верифицируются. Источники X–XV вв. не связывают средневековых башкир («башгарт», «баскарт», «пакатир») с территорией Белебеевско-Бугульминской возвышенности, а источники XVI в. локализуют башкир («башкирд», «башкирцев») в Пермском Прикамье. Состав и локализация этно-родовых подразделений средневековых башкир установлены Р.Г. Кузеевым на основе данных источников XVIII–XIX вв. Но данная экстраполяция осуществлена без учета значительных этносоциальных изменений, произошедших в XVII–XVIII вв. Поэтому очевидно, что концепция Р.Г. Кузеева не выдерживает научной критики и сложившиеся на ее основе представления об этногенезе средневековых башкир нуждаются в существенной корректировке.

Ключевые слова: Р.Г. Кузеев, средневековые башкиры, этногенез, родоплеменная структура, Белебеевско-Бугульминская возвышенность, Пермское Прикамье

Для цитирования: Аксанов А.В. История средневековых башкир в этногенетическом дискурсе Р.Г. Кузеева // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2023. Т.13, №3. С.167–178. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2023-13-3.167-178>

Р.Г. Кузеев начал разрабатывать свою концепцию этногенеза башкир еще в середине прошлого столетия и опубликовал солидное количество статей и книг, посвященных этой проблематике. В то же время вышло в свет множество работ описательного характера, в которых обозначается значительный вклад Р.Г. Кузеева в изучение истории башкир, положительно оценивается широкое использование башкирских шеджере и других материалов, анализируется его теория [2, с.5–7]. Впрочем, в некоторых работах есть и критические замечания относительно научных выводов Р.Г. Кузеева. Например, Л.П. Потапов в рецензии на книгу «Происхождение башкирского

народа. Этнический состав, история расселения (М., 1974)» писал о том, что «невозможно согласиться с Р.Г. Кузеевым о правомерности сопоставления этнонима "табын" с упоминаемыми в орхонских древне-тюркских надписях татаби», что «автору следовало обратить внимание на новые археологические материалы, приписываемые кимакам», так как «это позволит расширить наши представления о кимаках и их роли в кыпчакской среде и о проникновении их в район Башкирии» [19, с.155–156]. В адрес Р.Г. Кузеева высказывались и более концептуальные замечания, связанные с его частым обращением к данным археологии, этническую интерпретацию которых многие исследователи считали спорной. Также важную роль в исследованиях Р.Г. Кузеева играли данные антропологии, тогда как «этногенез и расогенез – это разные процессы, развивающиеся достаточно автономно друг от друга» [2, с.225]. Однако его научные взгляды не подвергались системной верификации, с точки зрения данных письменных источников. Поэтому предложенная им концепция истории башкир до сих пор остается базовой для многих ученых и публицистов.

Между тем коллеги и ученики Р.Г. Кузеева недвусмысленно указывали на ключевую роль общественно-политических факторов в формировании его научных концептов. По словам И.М. Габдрафикова, так как «советская концепция нацистроительства предполагала... научное обоснование этнических границ, происхождения титульных народов на «своих» территориях», Р.Г. Кузеевым была выдвинута идея о том, что территория Белебеевско-Бугульминской возвышенности была колыбелью башкирского народа. «Этот вывод должен был научно обосновать и подтвердить установленные советской властью административные границы» [5]. Поэтому Р.Г. Кузееву порой приходилось закрывать глаза на данные источников, не согласующиеся с его концепцией. Это особенно заметно при обращении к проблеме локализации Башкирского улуса Казанского ханства.

По мнению Р.Г. Кузеева, «башкирская территория, которая находилась под постоянным или длительным протекторатом казанских ханов..., ограничивалась средним и нижним течением Ика, долиной Мензели, низовьями р. Белой и прилегающими районами левобережья Камы» [13, с.482]. Показывая, что во времена Казанского ханства башкиры населяли северо-западную часть современного Башкортостана, Р.Г. Кузеев проигнорировал данные источников XV–XVI вв., которые описывают эту территорию. Согласно известиям Московского летописного свода конца XV в., С.Герберштейна (1549), Казанского летописца (1565), здесь не проживали башкиры и не находились их улусы. Эти и другие источники локализуют Башкирский улус Казанского ханства и башкир («башкирд»/«башкирцев») в другом месте. М.Меховский (1517), А.Кампензе (1523), Казанский летописец, А.М. Курбский (1573), Ногайские дела (1578) и летописи указывают на то, что они располагались к северо-востоку от Казани («за 700 верст») возле Великой Перми и Югры, в Пермском Прикамье [11, с.235–236].

Таким образом, в синхронных аутентичных источниках, в которых описывается район Акидел улуса («Беловоложской земли»), не содержатся упоминания о башкирах, при этом сохранились сообщения о проживании башкир в эпоху Казанского ханства в Пермском Прикамье. Как уже было сказано, первую группу доводов Р.Г. Кузеев проигнорировал, а вторую – посчитал описанием лишь северной части средневековых башкир. Причем в противовес этим текстуально независимым друг от друга¹ сведениям, имеющим высокую степень достоверности, ученый привел лишь некоторые косвенные данные, взятые преимущественно из так называемых башкирских шеджере.

Однако данные шеджере о миграции «башкирских» племен в юго-западные районы Казанского ханства и рассказы о заключении договоренностей отдельных предводителей этих племен с казанскими ханами зачастую уникальны и не находят подтверждения в группе независимых источников. К примеру, Р.Г. Кузеев, ссылаясь на шеджере, пишет, что башкирский Кара-Табын-бий «переселился в долину р. Чулман, где стал служить казанскому хану Чуртмаку» [13, с.281]. При этом из источников XV–XVI вв. ничего не известно о правлении казанского хана «Чуртмака» и ханском жаловании «Кара-Табын-бия». Но основная проблема не только и даже не столько в достоверности «башкирских» шеджере, а в том, что эти родословные были записаны преимущественно в XIX–XX вв., когда племена усерган, бурджан, тамьян, табын и другие этнические группы Южного Урала уже вошли в категорию «башкирцев». При этом исследователь не учитывал, что события, описанные в шеджере, восходят к временам, когда процесс формирования башкирской общности был еще далек от завершения и многие из этих племен еще не вошли в нее. Источники, относящиеся к эпохе Казанского ханства, указывают на то, что племена юго-восточных тюркоязычных кочевников еще не назывались башкирами, башкирцами или башкортами.

Так, императорский посол С.Герберштейн, дважды побывавший в Московском государстве (1517, 1526 гг.) и, по различным документам и сведениям очевидцев, изучивший Московию и остальную часть бывшего Улуса Джучи, писал, что Казанское ханство «с востока и юга» «ограничено пустынными степями», «за казанскими татарами, прежде всего, встречаем татар (но не башкир – А.А.), зовущихся ногаями», которые «живут за Волгой, около Каспийского моря, по реке Яику, вытекающему из области Сибирской» [6, с.180].

Автор «Казанской истории» так обозначил юго-восточные земли Казанского ханства, унаследованные им от «малых болгар»: «за Камою, промеж великия реки Волги и Белыя реки Воложки до великия Орды Нагайския». При этом в заключительной части «Истории» находим упоминание о «башкирских улусах», которые находились «за 700 верст за Казань» [17,

¹ За исключением сообщений М.Меховского и А.Кампензе, текст последнего заимствован из сочинений М.Меховского или общего источника.

стб.186], причем под «за Казаньем» понимались земли, находившиеся к северо-востоку от Казани, тогда как территория нынешней Башкирии располагалась в другой стороне. Следовательно, описания юго-восточных окраин Казанского ханства не содержат упоминаний о башкирах, а известие о «башкирских улусах» локализует их у северо-восточных границ ханства, что никак не относится к территории современной Башкирии.

В Московском летописном своде конца XV в., содержащем описание военного похода к р. Белой в 1468 г., не говорится о столкновении с башкирами, а упоминается лишь об «избиении» здесь «черемис» и «татар». Предводителем татарского отряда был княжеский сын «Тарханов» по имени «Тулазий» [18, с.280]. Исходя из этого сообщения, некоторые исследователи делают вывод, что Тулазий был тарханом, а тарханами якобы были только башкиры. Хотя указывается, что Тулазий был воеводой татар. А тарханы – это привилегированная категория населения, освобожденная от уплаты податей, в эту социальную категорию могли включаться представители совершенно разных этнических общностей. О том, что между тарханами и башкирами нельзя ставить знак равенства, говорит Духовная грамота Ивана IV от 1572 г. и ряд других документов, где тарханы упоминаются наряду с «башкирдами» как отдельная категория населения [8, с.439].

Для наглядности некорректного использования данных шеджере приведем еще один пример из работы Р.Г. Кузеева. Согласно ему, данные шеджере о переселении племени ирэкте в конце XV – начале XVI вв. «с долины р. Миасс на берега Камы (Чулман) или Ика» подтверждаются грамотой Сахиб-Гирея от 1523 г., так как в ней, как и в шеджере, фигурирует некий Шейх-Ахмед (по шеджере Ахмат-Шайех-бий) [13, с.319–320]. Однако при внимательном изучении этих источников сразу же обнаруживаются контраргументы. Во-первых, кроме этого имени и единственного топонима – притока Камы, реки Ик, – рассказ шеджере с ярлыком Сахиб-Гирея ничего не связывает. К тому же имена, указанные в источниках, не тождественны, а слово «Ик», по замечанию В.В. Трепавлова, «вписано» в документ «другими чернилами и другой рукой» [12, с.919–920]. Во-вторых, ни в этой грамоте, ни в копии грамоты хана Ибрагима, сохранившейся в составе документов последней четверти XVII в., мы не находим наименований башкорт, башкирец или башкир. Следовательно, сведения башкирских шеджере, при условии их верификации источниками XV–XVI вв., можно использовать в исторических реконструкциях только с учетом того, что относительно изучаемого периода эти родословные в основном повествуют о золотоордынских тюрко-татарских племенах, еще не вошедших в башкирскую общность, но уже занимавших значительную часть территории современной Башкирии и сопредельных регионов и таким образом влившихся в состав таких позднеджучидских государств, как Казанское ханство, Ногайская Орда и Тюменское ханство (государство сибирских Шибанидов).

Однако не только источники XV–XVI вв., но и более ранние авторы не связывают средневековых башкир с территорией Белебеевско-Бугуль-

минской возвышенности. Сообщения Ибн Фадлана (922 г.), Юлиана (1235 г.), Иоганки Венгра (1320 г.), ал-Омари (нач. XV в.) и некоторых других авторов не содержат конкретных географических ориентиров, а в работах Идриси (1154 г.), братьев Пицигано (1367 г.), на Каталонской карте мира (1375–1377 гг.) места проживания средневековых башкир обозначены по р. Каме [1, с.79], что вполне коррелируется с упомянутыми данными XV–XVI вв.

Поэтому при описании средневекового этапа этногенеза башкир Р.Г. Кузеев зачастую прибегал к экстраполяции данных XVIII–XIX вв. об отдельных этно-родовых подразделениях, входивших в состав сословной группы «башкирцев» («Башкирско-Мещерякское войско» / «Башкирское войско»). Впрочем, на страницах его работ сложно найти ссылки даже на эти поздние документы.

По словам Р.Г. Кузеева, древнебашкирские племена появляются в Волго-Уральской области в конце VIII – первых десятилетиях IX в. «В составе новой волны кочевников были племена усерган (муйтен), бурзян, тангаур, байлар, тамьян, бишул, ун, кудей, роды сураш, ягалбай и, возможно, северные племена сынрян, уран» [15, с.401]. Согласно мнению ученого, эти племена были тюркоязычными и их объединял этноним «башкорт». Придя в Приуралье из Средней Азии, они постепенно ассимилировали местные угорские племена и вступили во взаимодействие с булгарами.

По заверению Р.Г. Кузеева, башкирское племя айлинцев переселилось на северо-восток современной Республики Башкортостан еще в X–XII вв. из Зауралья. В XIII–XIV вв. на эту же территорию с запада пришли племена катый и табын [14, с.168]. «Общая численность северо-восточных башкир к концу XVIII в. составляла около 70–85 тыс. человек» [14, с.165].

Чуть позже, в XV–XVI вв., в Приуралье появились башкиры-минцы, которые якобы «заняли весь бассейн р. Демы, ассимилировав в своем составе оставшиеся здесь группы ногайцев». Однако, говоря о численности этой группы, Р.Г. Кузеев вновь обратился к данным за XVIII в.: «Численность минцев в XVIII в. составляла около 12–15 тыс. человек» [14, с.169].

Более пространны рассуждения исследователя об историческом движении так называемых северо-западных башкир: «До конца XII в. основным районом расселения северо-западных башкир остается юго-западное Приуралье, к югу от р. Белой. Массовое продвижение башкирских племен на север начинается с конца XII в. и продолжается до XVI в., когда башкиры достигают течений рек Тулва, Сылва, Бисерть, верховьев Чусовой» [14, с.172]. К этой группе башкир Р.Г. Кузеев отнес следующие племена: буляр, байлар, юрми, ирэктэ, еней, гэрэ, киргиз, елан, ельдяк, канлы, дуваней, каршин, таз, уваныш, уран, гайна или тархан, балыксы, ун, танып. В конце этого списка исследователь в очередной раз привел данные о численности башкир за XVIII в. (!) [14, с.171].

Как было отмечено выше, сохранились данные о том, что в XV–XVI вв. башкиры населяли Пермское Прикамье (бассейны рек Тулва, Сылва, Бисерть, Чусовая), но нет сведений о том, что они проживали на терри-

тории современной Башкирии в Средние века. И уж тем более нет никакого смысла говорить об упоминании синхронными источниками вышеупомянутых племенных подразделений в составе средневековых башкир. Очевидно, именно поэтому Р.Г. Кузеев на этих страницах не привел ссылки на источники. В его рассуждениях неоднократно всплывают лишь упоминания о данных за XVIII в., но опять же без конкретных ссылок. Не трудно догадаться, что речь идет о материалах переписей ясачного населения. Но как эти документы позволили исследователю «реконструировать» средневековую племенную структуру? Общеизвестно, что в дореволюционной статистике не столько учитывали этничность, сколько социальный статус населения, а племенные обозначения практически не фиксировались. Однако Р.Г. Кузеев выдал за племенные наименования названия волостей. Конечно, учитывая, что русское слово «волость» происходит от тюркского слова «улус», которым, прежде всего, обозначали кочевое население, некоторые волости можно сопоставить с родоплеменными обозначениями. Однако большая часть Белебеевско-Бугульминской возвышенности была не пригодна для сезонного кочевания, ее население занималось промыслами и земледелием, к периоду русского владычества здесь уже сложились соседские общины, поэтому волость чаще всего обозначала поземельную, а не родовую единицу. Следовательно, такой подход может быть оправдан лишь в случае, если название определенной волости употреблялось бы в качестве родоплеменного наименования в других источниках.

Во многих случаях волости, особенно на северо-западе Уфимского уезда, где преобладало оседлое мусульманское земледельческое население, были поземельными административными единицами, и их названия источники не связывают с какими-либо родоплеменными объединениями.

Например, Р.Г. Кузеев впервые начал писать о существовании башкирского племени ельдяк. Однако в источниках данный этноним не фиксируется. Очевидно, что название волости и населенных пунктов с корнем «ельдяк» происходит от гидронима – названия р. Ельдяк [20, с.36] (возможно, уменьшительно-ласкательная форма от тат. «елга» – река).

Аналогичным образом дело обстоит с племенем еней. Существование в русский период Енейской волости дало право Р.Г. Кузееву говорить о башкирском племени еней, происхождение которого связывалось с древневенгерским племенем *jepo*. Однако в источниках речь идет лишь о волости, название которой только фонетически можно связать с древневенгерским этнонимом. То есть не существует никаких исторических свидетельств о связи древневенгерского племени *jepo* с названием административной единицы в составе Уфимского уезда, между ними огромный хронологический и географический разрыв. В письменных источниках упоминается, что племя *jepo* появилось на 1000 лет раньше, чем Енейская волость, и располагалось на 3000 км западнее. Поэтому более убедительным является объяснение происхождения названия еней от тюрко-татарских имен Янай, Янгали, Янгилде, Янтуган и т.п. [3, с.24], распространенных среди приуральского и зауральского тюркоязычного населения в XVII в., что полностью коррели-

руется с данными самого раннего предания об этой волости, опубликованного в журнале «Шура» в 1909 г. Согласно этому преданию, «примерно 300 лет назад» некий Еней-бабай, покинув свою родину на р. Ай и обосновавшись на рр. Агидель и Чулман (Кама), «занял землю в сто тысяч десятин, стал хозяином всех здешних лесов». Здесь необходимо обратить внимание на то, что в предании ни слова не сказано о существовании рода или племени еней, более того, четко говорится, что Енейская волость получила свое название от имени первого землевладельца Еней-бабая, а не от какого-либо родоплеменного подразделения [9, с.21].

При экстраполяции данных XVII–XIX вв. на средневековую историю башкир Р.Г. Кузеев не принял во внимание и масштабные миграционные процессы, произошедшие в Приуралье в период установления московской власти. В 1557 г. в результате похода русских войск вдоль Казанского ханства до верховьев р. Камы часть башкир приняла русское подданство, а другая – мигрировала в Зауралье и впоследствии попала под власть хана Кучума и его потомков [11, с.240, 259, 433]. Однако в XVII в. калмыки начали вытеснять башкир и ногайцев из Южного Зауралья и Северного Прикаспия [16, с.94, 95]. В этот период источниками фиксируется переход башкир под юрисдикцию уфимских воевод. Вместе с башкирами земли в Уфимском уезде получили и ногайские татары, записанные в ясачные книги как «ногайские башкирцы», а впоследствии просто «башкирцы». Часть кочевников переходила к оседлому образу жизни, другие – возвращались в кочевья при возникновении благоприятных условий, когда опасность со стороны калмыков уменьшалась.

Еще Г.Ф. Миллер, А.-З. Валиди Тоган и другие дореволюционные исследователи, приводя выдержки из документов воеводской канцелярии, писали о процессе вхождения башкир и ногаев под протекторат уфимских воевод в XVII веке [16, с.95; 4, с.45, 46]. Поэтому весьма симптоматично, что Р.Г. Кузеев, представляя этно-родовой состав средневековых башкир на основе более поздних источников, не учитывал, что многие зафиксированные в них племена в средневековый период могли не входить в состав башкир. Особенно это касается гэрэ (герей), киргиз, табын, кыпчак, канлы и других племен, которые известны по родоплеменной номенклатуре татар, казахов, каракалпаков и других сопредельных тюркских народов Волго-Уралья и Средней Азии.

В XVIII в. в связи с резким увеличением потока мигрантов из Среднего Поволжья этническая карта Приуралья претерпела еще более серьезные изменения, численность населения Уфимского уезда к концу XVIII в. увеличилась в десятки раз. Так, казанский губернатор А.П. Вольский в 1730 г. докладывал в Сенат, что за 20 лет численность «башкир» увеличилась с 35000 до 100000 человек за счет того, что «казанские, сибирские, темниковские и протчих тамошних уездов ясашние татара, большая половина в башкиры перешли, к тому ж и протчие иноверцы, мордва, чувашы, черемиса, вотяки целыми селами и деревнями с ясаков туда ж перешли...

а ныне уже и русских немалое число от подушных податей беглецов в башкиры перешло» [10, с.399].

Эта информация подтверждается автором сочинения «Хикайат», в котором со слов очевидцев подробно рассказывается о восстании, вспыхнувшем в башкирском крае в 1735–1740 гг. По мнению И.Р. Гибадуллина, это произведение было написано «спустя небольшой промежуток времени после Пугачевского восстания (1770–1780-е гг.), до учреждения Оренбургского магометанского духовного собрания в 1787 г.» [7, с.690]. Согласно этому источнику, «большинство казанских чувашей и кунгурских чувашей, племя язычников (перс. муган) и уржумских христиан не выдержали всяческих притеснений и сбежали от смуты гявуров² к башкуртам, находили приют у одной из групп (силсила) башкуртов, обретали спасение и избавление, а [те] их укрывали, записывали в тетрадах башкуртов и показывали гявурам» [7, с.699]. О том, что выходцы из Поволжья и других регионов в этот период записывались в «башкиры» свидетельствуют и другие документы³.

Таким образом, пришлое население оседало в Приуралье, не только сохраняя свой прежний этносоциальный статус, но и переходя в «башкирцы». Учреждение Башкирско-Мещеряжского войска стало важной вехой в формировании сословной группы «башкирцев», поскольку обозначились новые сословные привилегии и легализовался переход в это «состояние». Башкирское войско вместе с казаками должно было нести службу по охране границ. В целом учреждение новой военно-служилой группы соответствовало задачам по укреплению позиций Российской империи в Средней Азии. В конце XVIII – начале XIX вв. в Башкирское войско записывались калмыки, киргиз-кайсаки (казахи), сарты, бухарцы и представители прочих народов [20, с.12–13]. К примеру, в 1816 г., в ходе VII ревизии, в д. Катаево (современный Бакалинский район РБ – А.А.) причислили к «башкирцам» киргиза Исянгильду Мингалиева и турка Акмирзу Даутова [20, с.12].

Однако еще более массово в «башкиры» переходили ясачные татары, служилые татары, тептяри, бобыли и представители других сословных категорий Волго-Уралья, в основном являвшиеся этническими татарами. Статус «башкирца» сулил его обладателям вотчинные права на землю и прибавку надела до 40 десятин на душу мужского пола, поэтому тысячи

² «Автор называет русских персидским словом «гавр/гур» (گور), которое в своей изначальной форме «габр» (گبر) обозначало зороастрийцев, но со временем стало распространяться на всех немусульман. В русский язык вошло в форме «гявур/гяур» через турецкий язык (gâvur)» (Прим. переводчика – И.Р. Гибадуллин, см.: [7, с.693]).

³ См. напр. донесение Статского советника Ивана Кириллова (Материалы о «башкирском возмущении» 1735 г.): «из Казанского и других уездов беглецам селитца, коих называли тептярами и бобылями, из которых многих под свое имя башкирское вписали, а воеводы ничего того не смотрели» (РГАДА. Ф.248. Д.169. Л.602).

жителей края стремились к обретению этого социального положения, а случаев обратного перехода из «башкирского состояния» было очень мало [20, с.13]. Масштабы этой социальной трансформации отражены в статистических материалах. Резкий рост численности «башкирцев» в XVIII–XIX вв. невозможно объяснить фактором естественного прироста населения. Поэтому неплодотворными являются и попытки Р.Г. Кузеева установить численность определенных групп башкирских родов на основе материалов ревизий XVIII–XIX вв.

Таким образом, при изучении родоплеменного состава, территории и численности средневековых башкир экстраполировать данные источников XVII–XIX вв. можно лишь с большим количеством оговорок. Однако, как было показано выше, Р.Г. Кузеев смело использовал эти источники, сформировав у читателя довольно четкое представление об истории средневековых башкир. Причем эти позднейшие источники связывали «башкирцев» с Белебеевско-Бугульминской возвышенностью, которая, согласно Р.Г. Кузееву, с конца I тысячелетия н.э. является территорией формирования башкирского народа. А источники XV–XVI вв. локализуют башкир в Пермском Предуралье и указывают на то, что после завоевания Казанского ханства часть башкир мигрировала. Но эти данные о местоположении башкир в средневековый период и о сложных миграционных процессах не укладывались в советский идеологический дискурс о многовековом проживании башкир на территории БАССР. Более того, даже осторожное предположение Р.Г. Кузеева о том, что около тысячи лет назад этнический костяк башкир мигрировал на территорию Белебеевско-Бугульминской возвышенности из Средней Азии, пошатнул утвердившиеся в советской науке представления об автохтонности народов. Поэтому в 60–70-х гг. прошлого века концепция Р.Г. Кузеева была воспринята как новаторская и имеющая научный потенциал. Но наука движется вперед, и представленные в статье материалы показывают, что этногенетический дискурс Р.Г. Кузеева хорошо вписывается в советскую парадигму нациестроительства, но не согласуется с данными синхронных источников. Следовательно, в основательном пересмотре нуждаются и представления многих ученых и публицистов об истории волго-уральских и сибирских народов, построенные на некритическом восприятии взглядов Р.Г. Кузеева.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антонов И.В. Башкиры в эпоху средневековья (очерки этнической и политической истории). Уфа: ИП Галиуллин Д.А., 2012. 308 с.
2. Антонов И.В. Раиль Гумерович Кузеев об этнической истории Волго-Уральского региона в эпоху средневековья. СПб.: ООО «Своё издательство», 2015. 248 с.
3. Әхмәтҗанов М.И. Нугай Урдасы: татар халкының тарихи мирасы. Казан: Татар. кит. нәшр., 2009. 324 с.
4. Валиди Тоган А.-З. История башкир. Уфа: Китап, 2010. 352 с.

5. *Габдрафиков И.М.* Значительная часть башкирской элиты лишь номинально была и остается башкирами [Электронный ресурс]. URL: <https://kazanfirst.ru/articles/545811?fbclid=IwAR1W25KkGdb9QKoa5RkNuWq1yPgBToTRtC16yV3Qyi9FS3W0bnxqiQOrs6k> (дата обращения: 07.02.2023).

6. *Герберштейн С.* Записки о Московии. М.: Изд-во МГУ, 1988. 430 с.

7. *Гибадуллин И.Р.* Анонимное персидское сочинение «Хикаят»: источник по истории Волго-Уралья // Золотоордынское обозрение. 2019. Т.7, №4. С.687–719. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-4.687-719

8. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв.. М.; Л.: АН СССР, 1950. 597 с.

9. Еней-бабай // Шура. 1909. №1. С.21–22.

10. Записки о положении башкирского вопроса в Российской империи и о полученных способах его разрешения, составленная казанским губернатором Артемием Петровичем Волинским (1730 г.) // История Татарии в материалах и документах. М.: Государственное социально-экономическое изд-во, 1937. С.398–401.

11. История татар Западного Приуралья. Т.1. Кочевники Великой степи в Приуралье. Татарские средневековые государства. Коллективная монография. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2016. 464 с.

12. История татар с древнейших времен в семи томах. Т.IV. Татарские государства XV–XVIII вв. Казань: Институт истории АН РТ, 2014. 1112 с.

13. *Кузеев Р.Г.* Происхождение башкирского народа: этнический состав, история расселения. М.: Наука., 1974. 578 с.

14. *Кузеев Р.Г.* Историческая этнография башкирского народа. Уфа: Китап, 2009. 296 с.

15. *Кузеев Р.Г.* Происхождение башкирского народа: этнический состав, история расселения. Уфа: ДизайнПолиграфСервис, 2010. 560 с.

16. *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т.II. М.; Л.: АН СССР, 1937. 637 с.

17. Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). Т.19. История о Казанском царстве. М.: Языки русской культуры, 2000. 529 стб.

18. ПСРЛ. Т.25. Московский летописный свод конца XV в. М.; Л.: АН СССР, 1949. С.463 с.

19. *Потанов Л.П.* Рец.: Р.Г. Кузеев. Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения // Вопросы истории. 1977. №1. С.153–156. URL: https://portalus.ru/modules/rushistory/rus_readme.php?subaction=showfull&id=1501861451&archive=1690135444&start_from=&ucat=& (дата обращения: 06.05.2023).

20. Татары Уфимского уезда (материалы переписей населения 1722–1782 гг.): справочное издание / отв. ред. Р.Р. Исаков. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2020. 192 с.

Информация об авторе:

Аксанов Анвар Васильевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0001-8970-5880; e-mail: aksanov571@gmail.com

Поступила 05.06.2023

Принята к публикации 25.07.2023

The History of medieval Bashkirs
in the ethnogenetic discourse of R.G. Kuzeev

A.V. Aksanov

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation*

The ethnogenetic concept of R.G. Kuzeev, according to which the Belebeevo-Bugulma upland from the end of the 1st millennium A.D. is the territory of the formation of the Bashkir people, has established itself in historiography, and for several decades various researchers and publicists rely on it in their research. However, its main provisions are not verified. Sources of the 10th–15th centuries do not connect medieval Bashkirs (“bashgart”, “baskart”, “paskatir”) with the territory of the Belebeevo-Bugulma upland, and the sources of the 16th century localize the Bashkirs (“Bashkird”, “Bashkirs”) in the Perm Kama region. The composition and localization of the ethno-tribal divisions of the medieval Bashkirs were established by R.G. Kuzeev on the basis of data from sources of the 18th–19th centuries. But this extrapolation was carried out without taking into account the significant ethno-social changes that occurred in the 17th–18th centuries. Therefore, it is obvious that the concept of R.G. Kuzeev does not stand up to scientific criticism, and the ideas about the ethnogenesis of the medieval Bashkirs that have developed on its basis need to be substantially corrected.

Keywords: R.G. Kuzeev, medieval Bashkirs, ethnogenesis, tribal structure, Belebeevo-Bugulma upland, Perm Kama region

For citation: Aksanov A.V. The History of medieval Bashkirs in the ethnogenetic discourse of R.G. Kuzeev. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2023, vol.13, no.3, pp.167–178. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2023-13-3.167-178> (In Russian)

REFERENCES

1. Antonov I.V. *Bashkirs in the Middle Ages*. Ufa: IP Galiullin D.A., 2012. 308 p. (In Russian)
2. Antonov I.V. *Rail Gumerovich Kuzeyev on the ethnic history of the Volga-Ural region in the Middle Ages*. St. Petersburg: Svoyo izdatelstvo LLC, 2015. 248 p. (In Russian)
3. Akhmetzyanov M.I. *Nogai Horde: the historical heritage of the Tatar people*. Kazan: Tatar Book Publ., 2009. 324 p. (In Tatar)
4. Validi Togan A.-Z. *History of Bashkirs*. Ufa: Kitap Publ., 2010. 352 p. (In Russian)
5. Gabdrafikov I.M. *A significant part of the Bashkir elite was and remains Bashkirs only nominally*. [Electronic resource]. URL: <https://kazanfirst.ru/articles/545811?fbclid=IwAR1W25KkGdb9QKoa5RkNuWq1yPgBToTRtC16yV3Qyi9FS3W0bnxqiQOrs6k> (accessed: 07.02.2023) (In Russian)
6. Herberstein S. *Notes on Muscovy*. Moscow: Moscow State University Publ., 1988. 430 p. (In Russian)

7. Gibadullin I.R. Anonymous Persian essay "Hikayat": a source on the history of the Volga-Urals. *Golden Horde Review*. 2019, vol.7, no.4, pp.687–719. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-4.687-719 (In Russian, in Persian)

8. *Spiritual and contractual letters of the great and appanage princes of the 14th–16th centuries*. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1950. 597 p. (In Russian)

9. Eney-babai. *Shura*. 1909, no.1, pp.21–22. (In Russian)

10. Notes on the situation of the Bashkir question in the Russian Empire and on the received methods of its resolution, compiled by Kazan Governor Artemiy Petrovich Volynsky (1730). *History of Tatarstan in materials and documents*. Moscow: State Socio-Economic Publ., 1937. Pp.398–401. (In Russian)

11. *History of the Tatars of the Western Urals. T. I. Nomads of the Great Steppe in the Urals. Tatar medieval states*. Collective monograph. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2016. 464 p. (In Russian)

12. *The history of the Tatars since ancient times in seven volumes*. Vol. IV. The Tatar states of the 15th–18th centuries. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2014. 1112 p. (In Russian)

13. Kuzeev R.G. *The origin of the Bashkir people: ethnic composition, history of settlement*. Moscow: Nauka Publ., 1974. 578 p. (In Russian)

14. Kuzeev R.G. *Historical ethnography of the Bashkir people*. Ufa: Kitap Publ., 2009. 296 p. (In Russian)

15. Kuzeev R.G. *The origin of the Bashkir people: ethnic composition, history of settlement*. Ufa: Designpoligrafservice Publ., 2010. 560 p. (In Russian)

16. Miller G.F. *History of Siberia*. Vol. II. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1937. 637 p. (In Russian)

17. *The Complete Collection of Russian Chronicles (PSRL)*. Vol.19. *History of the Kazan Kingdom*. Moscow: Languages of Russian culture Publ., 2000. 529 p. (In Russian)

18. *PSRL*. Vol. 25. *Moscow Chronicle of the end of the 15th century*. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1949. 463 p. (In Russian)

19. Potapov L.P. Review: R.G. Kuzeev. The origin of the Bashkir people. Ethnic composition, history of settlement. *Questions of history*. 1977, no.1, pp.153–156. URL: https://portalus.ru/modules/rushistory/rus_readme.php?subaction=showfull&id=1501861451&archive=1690135444&start_from=&ucat=& (accessed: 06.05.2023) (In Russian)

20. *Tatars of the Ufa district (materials of the population censuses of 1722–1782): reference edition*. Ed. by R.R. Iskhakov. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2020. 192 p. (In Russian)

About the author:

Aksanov Anvar Vasilievich – Cand. Sci. (History), Senior Researcher of the Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0000-0001-8970-5880; e-mail: aksanov571@gmail.com

Received June 5, 2023

Accepted for publication July 25, 2023

**Опечатки, замеченные в предыдущем номере журнала
(Из истории и культуры народов Среднего Поволжья.
2023. Т.13, №2)**

С.97, первая строка снизу. Написано: сведения о которых. Следует читать: сведения которых.

С.98, сноска 7. Написано: РГАДА. Ф.210. Оп.9. Столп. 2. Следует читать: РГАДА. Ф.210. Оп.9. Д.323. Столп. 2.

Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ является правообладателем
исключительных имущественных прав на свои издания.
Любое использование материала данного издания (размещение
в Интернете, перепечатка, переиздание и т.д.), полностью или
частично, без разрешения правообладателя запрещается

The Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
is a holder of exclusive property rights of its own publications.
Any use of the material of this publication (publishing online, reprint, republish,
etc.), in whole or in part, without permission of the rights holder is prohibited

Из истории и культуры народов Среднего Поволжья.
2023. Том 13, № 3

From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region.
2023, vol. 13, no. 3

Компьютерная верстка – *Л.М. Зигангареева*

Оригинал-макет подготовлен в Институте истории АН РТ
420111, г. Казань, ул. Батурина, 7А

Подписано в печать 14.09.2023 г. Дата выхода в свет 01.12.2023 г.

Формат 70×100 ¹/₁₆ Усл. печ. л. 11,25 Тираж 100 экз.

Свободная цена

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии ООО «Амирит»

410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, д. 88, литер У

Тел.: (8452) 24 86 33; e-mail: zakaz@amirit.ru

Сайт: <http://amirit.ru>

Сайт
Института истории
Академии наук РТ

Татаровед.рф